

В.А.Макаров

**Иван Тимофеевич
ГЛЕБОВ**

Серия "Научно-биографическая литература"

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ РАН
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*А.Т. Григорьян, В.И. Кузнецов, Б.В. Левшин,
З.К. Соколовская (ученый секретарь), В.Н. Сокольский,
Ю.И. Соловьев, А.С. Федоров (зам. председателя),
И.А. Федосеев (зам. председателя), А.П. Юшкевич,
А.Л. Янин (председатель), М.Г. Ярошевский*

В.А.Макаров

**Иван Тимофеевич
ГЛЕБОВ**

1806 - 1884

Ответственный редактор
академик РАНН К.В. СУДАКОВ

МОСКВА

"НАУКА"

1995

ББК 28.07

М 15

УДК 612.929(092) И.Т. Глебов

Рецензенты:

доктор медицинских наук Н.А. ГРИГОРЯН

доктор медицинских наук М.К. КУЗЬМИН

М $\frac{1401020000-077}{042(02)-95}$ 88-95, II полугодие

ISBN 5-02-005424-0

© В.А. Макаров, 1995

© Российская академия наук, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Физиологическая мысль в России исторически развивалась самобытным путем. Начиная с работ М.В. Ломоносова, С.Г. Зыбелина, Е.О. Мухина и А.М. Филомафитского сформировались представления об организме как едином целом в его неразрывной связи с окружающей средой, при ведущей роли в этих процессах нервной системы. История развития этой идеи в отечественной медицине и физиологии продуктивно разрабатывается в нашей стране профессором кафедры нормальной физиологии Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова Вячеславом Александровичем Макаровым. Его перу принадлежат книги о И.М. Сеченове, А.М. Филомафитском, П.К. Анохине. Представляемая читателю новая книга В.А. Макарова "Иван Тимофеевич Глебов" продолжает развитие взглядов автора о самобытности развития отечественной физиологии.

В книге И.Т. Глебов предстает перед читателями как убежденный исследователь-материалист, человек блестяще образованный в различных областях теоретической медицины: анатомии, сравнительной анатомии и физиологии и физиологии здорового человека, а также в терапии и акушерстве.

И.Т. Глебов принадлежит к той плеяде сподвижников отечественной науки, которая неустанно способствовала утверждению приоритета русских ученых и наряду с научной и педагогической деятельностью отличалась высокой общественной активностью.

В книге отчетливо раскрыта роль И.Т. Глебова в широком внедрении эксперимента в физиологию. И.Т. Глебов показан как высокоэрудированный педагог и реформатор медицинского образования.

Конструкция книги весьма оригинальна: В.А. Макаров не выводит автобиографический портрет И.Т. Глебова, мастерство И.Т. Глебова предстает в высказываниях о нем его современников и учеников. Научные убеждения И.Т. Глебова хорошо просматриваются через деятельность его учителя И.Е. Дядьков-

ского, его коллег и учеников – А.Н. Орловского, И.М. Сеченова, С.П. Боткина. В этом созвездии выдающихся имен отечественной медицины И.Т. Глебов сияет своим неповторимым блеском.

Уверен, что книгу "Иван Тимофеевич Глебов" с удовольствием прочтут не только физиологи, но и люди других специальностей, ибо нет ничего более поучительного, чем история великих людей и их замечательные мысли.

Академик РАМН К.В. Судаков

Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство – силой его патриотизма.

Н.Г. Чернышевский

Глава I

ПУТЬ В НАУКУ

Наука должна быть доступна всем, по крайней мере, мы ее должны стараться сделать доступной всем, начиная с детского возраста.

М. Фарадей

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО

Иван Тимофеевич Глебов родился 24 июня 1806 г. в семье священника в селе Глебово-Городище Зарайского уезда Рязанской губернии. "Первые семена нравственного воспитания и учения получил он в благочестивом доме родителей своих" [I, 5, с. 209]. Десяти лет отец отдал его в духовное училище, в "бурсу", как тогда они назывались, где будущий ученый провел шесть лет.

Уходя из родительского дома, как писал Иван Тимофеевич, получил он "в приданое любовь к труду и правде" Училище, куда он был определен, с 1812 г. находилось в г. Зарайске, и принимались в него дети священнослужителей Зарайского и Егорьевского уездов. Существовавшее на средства "доброхотных духовного и светского звания деятелей" училище размещалось в пяти небольших комнатах, из которых в трех помещались классы, а в двух – библиотека и духовное правление [II, 5, с. 90].

Преподавание осуществлялось пятью-шестью учителями. Число же учеников достигало 250 человек. Приходится только удивляться, как помещалось такое количество учащихся в классах. "По всей вероятности, – писал архимандрит Макарий, – большая часть учеников в то время слушали учителя стоя, не имея где бы сесть" [II, 5, с. 93].

Основное назначение всех духовных училищ состояло в воспитании "юношества для достойного служения святой церкви в умственном, а еще более в нравственном отношении" [II, 5, с. 80]. Они готовили для церковью служителей низшей ступени, в основном причетчиков. "А потому науки общечеловеческие оставались как бы на заднем плане" Занятия в училище проводились ежедневно с 8 до 12 часов и от 14 до 16 часов, кроме субботы, в которую ученики после обеда в классе не учились. Обучение было поставлено из рук вон плохо. "Так, арифметику изучали только слегка; географии ученики учились по руководству Зябловского, на память, без географических карт; изучение русской грамматики состояло в заучении склонений и спряжений; церковный устав и пасхалия изучались старательно" [II, 5, с. 80–81]. Особое внима-

ние обращалось на изучение латинского языка: как "ключ к учености", его изучали "и в прозе и в стихах".

Методика обучения состояла в следующем: учитель в классе сперва сам словесно объяснял ученикам урок, придерживаясь какого-нибудь учебника, который, впрочем, был только у него. После этого сказанное им он заставлял повторять сначала кого-либо из старших учеников, потом из средних и наконец из младших. Когда после столь многократных повторений учениками урока оказывалось, что предмет они понимают довольно ясно, учитель задавал тему этого урока для "более совершенного изучения на дом" [II, 5, с. 128].

Какого-либо текущего контроля за усвоением материала на уроках из-за переполненности классов учитель не проводил. Это делали за него наставники (их называли авдиторы), которых избирали из лучших по успеваемости учеников. Они отмечали знание или незнание учащимся урока в тетрадях (нотагах). Учитель проверял эти тетради и в зависимости от успеваемости отмечал или "вразумлял" ленивых и задавал новые уроки. Основным видом "вразумления", как известно, в бурсах были розги и множество других унижительных наказаний.

Для того же, чтобы учащиеся не забывали пройденного материала, в конце каждой недели и в конце каждого месяца проводилось повторение пройденных уроков. По прошествии же трети года повторялись все уроки, пройденные за это время. Кроме того, контроль за знаниями осуществлялся в конце каждого месяца начальником училища, а в конце третьего месяца экзамены проводил ректор училища.

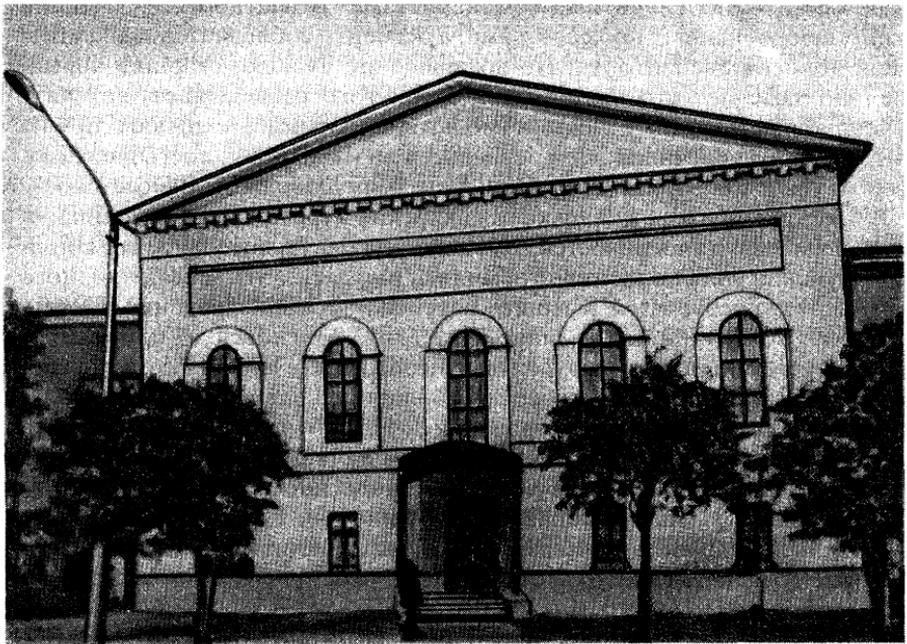
Особое внимание обращалось на поведение и образ жизни бурсаков. Даже часы занятий и отдыха были четко регламентированы в особо составленных инструкциях, которые каждый учащийся должен был иметь у себя.

Обстановка, в которой находились бурсаки, была крайне тяжелой. За ними были установлен тотальный надзор, осуществлявшийся не только учителями и инспекторами, но и назначенными ими помощниками из числа учеников старшего возраста, "из коих одни смотрят за благосостоянием классических комнат, другие наблюдают за порядком и благочинием учеников в классе, также при выходе их из класса, третьи сопровождают их на пути с квартиры в класс и из класса на квартиру" [II, 5, с. 132]. Все наблюдения записывались, и о нарушениях тотчас доносилось инспектору.

К сожалению, мы не располагаем данными об успехах, с которыми И.Т. Глебов закончил училище, как отразились годы, проведенные здесь, на характере и его интересах.

В ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

По окончании училища И.Т. Глебов в 1821 г. перешел на положение "казеннокоштного" воспитанника Рязанской духовной семинарии. Это значит, что он жил при семинарии в общежитии, пользовался казенным довольствием. И.Т. Глебову пришлось испытать все тяготы жизни "казеннокоштных" бурсаков, которые блестяще описаны

Здание бывшей Рязанской духовной семинарии

Н.Г. Помяловским в "Очерках бурсы" и И.С. Никитиным в "Дневнике семинариста".

О семинарском периоде жизни И.Т. Глебова известно столь же мало, как и о периоде его обучения в духовном училище. В своей автобиографии сам Иван Тимофеевич не касается этого времени. Поэтому составить себе представление о жизни Глебова-семинариста мы можем, только познакомившись с условиями, в которых жили и воспитывались семинаристы.

Преподавание в семинарии было поставлено лучше, чем в училище, хотя и здесь существовали зубрежка, слежка друг за другом, палочная дисциплина.

Главными предметами семинарского образования считались богословие, философия и словесность, от которых и получили названия классы: высший – богословский, средний – философский, низший – словесность, или риторика. В семинарии преподавались также логика, метафизика, естественное богословие и нравственная философия, математика (алгебра, геометрия, тригонометрия и математическая география), пасхалия, физика и др. Семинаристы продолжали изучать латинский язык и, кроме того, французский и немецкий языки.

Здесь, как и в училище, существовали постоянная слежка, фискальство – инспекторов за семинаристами, семинаристов друг за другом. Так же как и в училище, среди семинаристов инспекторы назначали старших, для которых существовало детально разработанное "Наставление должности старшего". В нем содержались четкие инструкции

как, где и когда следить за семинаристами. В частности: "О чтении книг, не одобренных профессорами, а особенно соблазнительных, старший доносит инспектору... По возвращении ученика старший внимательно замечает его состояние и сверх того разведывает, нет ли у учеников знакомства с людьми неблагонадежными. Не делают ли ученики в городе бесчиний. Не предвидится ли каких-либо постыдных связей" и т.д. и т.п. [II, 2, с. 259]. При этом запрещалось "пение светское".

Построенный на зубрежке семинарский курс не давал живой пищи уму, не выявлял способностей семинаристов. Неудивительно, что к концу обучения многие из них стремились вырваться из тенет духовного ведомства, поступить в высшие светские учебные заведения. Поступить же воспитанники семинарии могли в Московскую или Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, либо на медицинский факультет Московского университета, либо в Главный педагогический институт. Воспитанники направлялись для обучения в эти учебные заведения по вызову и с разрешения начальства семинарии. Особенно много желающих было поступить в медицинские академии. При этом стремление к высшему образованию было так сильно, что ученики подавали прошение в Комиссию духовных училищ о дозволении поступить в медицинскую академию, минуя свое начальство, между тем как это им строго запрещалось [II, 2, с. 294].

Наказание за подобное своеволие было жестоким. Так, в 1824 г., во время обучения в семинарии И.Т. Глебова, минуя свое начальство, прямо в Комиссию духовных училищ обратились пять семинаристов. Из комиссии их прошение было возвращено обратно в семинарию "для надлежащего рассмотрения и соображения". По постановлению Правления семинарии двоих лишили казенного пособия, двоих содержали четыре дня на хлебе и воде и три дня в классе на коленях, а одного семинариста, за "многочисленные попытки своеволия", содержали неделю на хлебе и воде под строгим надзором старшего.

В связи с тем что поступить в медицинские академии стремились многие, были установлены предварительные отборочные экзамены во врачебной управе. Несмотря на их строгость, число желающих изучать медицину не уменьшалось. Все, кто желал и кого назначали к поступлению в академию, должны были: "1) основательно знать русский язык; 2) уметь по-латыни если не говорить, то по крайней мере письменно излагать свои мысли; 3) знать логику, арифметику, начальные основы геометрии, физику, географию и историю и 4) быть здоровым и иметь от роду от 16 до 24 лет. При наборе воспитанников было обращено строгое внимание и на нравственность их" [II, 2, с. 295].

И.Т. Глебов окончил семинарию в 1-м разряде (одним из первых по успеваемости) учеников, и его вначале предназначали для поступления в Санкт-Петербургскую духовную академию. Однако в 1826 г. Министерство внутренних дел затребовало из духовных семинарий значительно больше воспитанников, чем это было ранее, для поступления в медико-хирургические академии. И.Т. Глебов изъявил желание продолжить учебу в Московской медико-хирургической академии.

Из Рязанской духовной семинарии в Московскую медико-хирур-

гическую академию были направлены четыре воспитанника. "Вследствие предписания господина управляющего Министерства внутренних дел, – говорилось в направлении канцелярии Рязанского гражданского губернатора от 24 августа 1826 г. в Конференцию Московской медико-хирургической академии, – назначенных из Рязанской духовной семинарии для образования по медицинской части четырех учеников среднего отделения Глебова, Лунина, Крылова и Субботина, оказавшихся по экзамену способными к поступлению в Московское отделение Медико-хирургической академии, ... снабдив прогонными деньгами каждого до Москвы на две лошади по 21 руб. 10 коп., а всего восемьдесят четыре рубля сорок копеек, и подорожными, приказал я им понеже следовать в место своего назначения. О чем честь имею уведомить Конференцию Московского отделения Медико-хирургической академии..."¹

Так как одним из условий при выборе кандидатов для обучения в академии, как уже говорилось, являлось хорошее здоровье, каждый из выпускников был подвергнут врачебному освидетельствованию, на основании чего и был выписан соответствующий документ: "Рязанская врачебная управа сим свидетельствует, что воспитанники Рязанской духовной семинарии Иван Глебов, Алексей Лунин, Дмитрий Крылов и Тимофей Субботин, назначенные в Медико-хирургическую академию, всем корпусом здоровы и повреждений в членах никакого не имеют"².

По прибытии в академию каждый воспитанник, помимо направления, сдал свидетельство об окончании семинарии.

"Свидетельство

Объявитель сего, Рязанской Духовной семинарии ученик среднего отделения 1-го разряда Иван Глебов Рязанской губернии Зарайского уезда, села Глебова-Городище, Церкви Успения пресвятая Богородице диакона Тимофея Васильева сын, имеющий от роду 20 лет, при способностях отличных, прилежании весьма ревностного обучался в оной семинарии наукам:

фил осовским
сл овесным
историческим
математическим

отлично

языкам

{ латинскому
греческому
французскому }

весьма хорошо

Поведения – весьма честного.

Ныне по окончании в Семинарии курса философских наук, по собственному его желанию уволен он, Глебов, в Московское отделение Медико-хирургической академии из оной Семинарии; во уверение чего и

¹ Центральный государственный исторический архив Москвы (ЦГИАМ), фонд 433, опись 47, дело 69, лист 1.

² Там же, л. 2.

дано ему сие свидетельство из правления Рязанской Семинарии за нижеследующими подписями и печатью от Правления июля 17 дня 1826 г.

Семинарии Ректор Архимандрит Илиодор
Семинарии Инспектор Игумен Гедеон"³.

Как уже отмечалось выше, каждый желающий продолжить образование в светском учебном заведении должен был дополнительно сдать экзамен. В тот год эти экзамены все изъявившие желание учиться в Медико-хирургической академии сдавали в городской гимназии, о чем им выдавалось соответствующее свидетельство.

"Свидетельство

Рязанской Духовной Семинарии ученик среднего отделения Иван Глебов избран, согласно желанию его, в Московское отделение Медико-хирургической Академии для медицинской части и при испытании в Рязанской гимназии оказал:

1-е. В знании латинского языка и сочинении на оном.

2-е В славянских науках.

3-е. В переводах с российского на латинский и обратнo.

4-е. В логике.

5-е. В арифметике.

} имеющий
достаточные
сведения

В удостоверение чего и дано ему, Ивану Глебову, сие удостоверение за нижеследующим подписанием и приложением казенной Рязанской гимназии печати августа 23 дня 1826 года"⁴.

Таким образом, И.Т. Глебов был уволен "из духовного звания в светское" и 1 сентября 1826 г. зачислен на медицинский факультет Московского отделения Медико-хирургической академии.

ОБУЧЕНИЕ

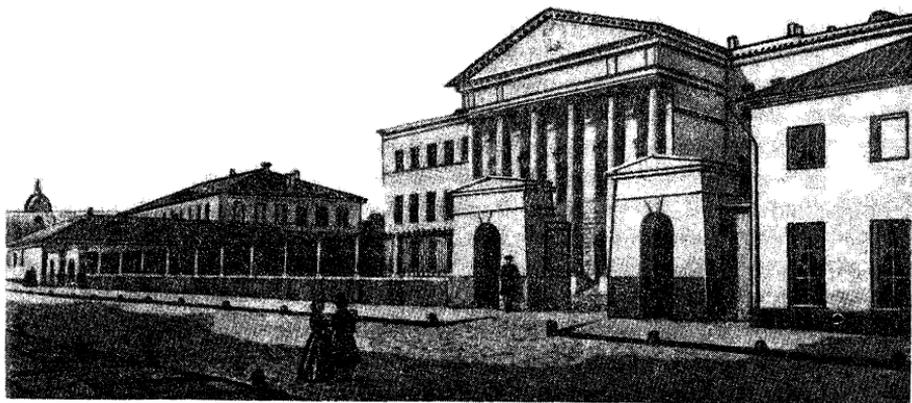
В МОСКОВСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Московская медико-хирургическая академия, куда поступил И.Т. Глебов казеннокоштным студентом, была открыта в 1798 г. На первых порах она существовала как отделение Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, вице-президентом которой был баронет Виллие. Однако уже в 1804 г. она была закрыта, а все ее имущество, включая библиотеку, наглядные учебные пособия, было передано Петербургской академии. Туда же были переведены и первые 45 студентов академии.

Однако Московский университет и Петербургская медико-хирургическая академия, по-видимому, не могли удовлетворить общую потребность страны во врачах. Их острая нехватка особенно ощущалась

³ Там же, л. 5.

⁴ Там же, л. 6.

**Здание Московской медико-хирургической академии
на Рождественке**

в периоды войн, которые царская Россия вела с Турцией и Швецией, а также в связи с возникновением в то время угрозы войны с наполеоновской Францией и потребностью вследствие этого в военных врачах. Со всей остротой встал вопрос об открытии новых медицинских факультетов. В 1808 г. в Москве вновь (как отделение Санкт-Петербургской медико-хирургической академии) была открыта Медико-хирургическая академия, президентом которой стал доктор медицины и хирургии Г.И. Фишер фон Вальдгейм.

Академия помещалась в центре города, на углу Рождественской улицы и Кузнецкого моста. Сейчас в этом здании расположен Архитектурный институт. В трехэтажном здании академии нижний этаж занимали столовая, академическая больница, помещения для студентов первого курса, карцер и аудитория для ветеринаров. Во втором этаже – канцелярия, все аудитории, кроме упомянутой для ветеринаров, зоологический и минералогический музей, а в верхнем – студенческие спальни.

По обеим сторонам главного здания были два двухэтажных флигеля, выходившие на Рождественку, из которых в одном, занимавшем угол Рождественки и Кузнецкого моста, помещались студенты последних трех курсов; здесь же были размещены академическая аптека и квартиры инспекторов; второй флигель занимал президент академии [П, 44, с. 16]. За главным корпусом размещался анатомический театр академии.

В академии было три отделения (факультета): медицинское, ветеринарное и фармацевтическое.

Основную массу студентов составляли выпускники духовных семинарий, таких, как Рязанская, Тульская, Владимирская, Ярославская,

Калужская, Костромская. Семинаристы хорошо знали латинский язык, на котором в то время преимущественно и велось преподавание медицинских дисциплин, а следовательно, они лучше были подготовлены к обучению медицине. Дворяне не охотно шли на медицинские факультеты, поэтому для пополнения студенческих аудиторий правительство вынуждено было разрешить к приему в академию детей разночинцев. Значительная часть студентов были казеннокоштные студенты. Они жили при академии и находились под постоянным надзором инспекторов.

При академии были прекрасно оборудованные музеи: естественной истории, в который входили зоологический, минералогический и ботанический кабинеты, с богатейшими коллекциями наглядных материалов, и физический, в котором находилось свыше 188 приборов и машин. Кроме того, существовали химический, акушерский и анатомический кабинеты.

Библиотека академии, первоначально имевшая в своих фондах 1500 книг, к 1832 г. насчитывала уже 8000 томов. Книги покупались на суммы, специально отпускавшиеся для этого каждый год, а также на деньги, поступавшие от частных лиц, в качестве пожертвований, на которые не скупилась московские купцы и знатные люди. Особенно много книг было куплено в 1826–1831 гг., когда библиотекарем здесь был И.Е. Дядьковский, составивший каталог библиотеки и введший свою собственную систему расположения книг [П, 31, с. 18].

В период обучения И.Т. Глебова Московская медико-хирургическая академия находилась на очень высоком научном уровне. Среди ее преподавателей были такие известные ученые, как Г.И. Фишер фон Вальдгейм, И.Е. Дядьковский, Г.Я. Высотский, И.В. Клементовский, Г.И. Кораблев, А.Л. Ловецкий, "которых частными беседами и наставлениями постоянно пользовался в продолжении всего академического курса" И.Т. Глебов [I, 5, с. 210].

Вице-президент академии Г.И. Фишер фон Вальдгейм (1771–1853) читал студентам зоологию и минералогию. Это был крупный ученый, стремившийся привлечь молодых людей к изучению ископаемых богатств России. Организованный им при академии зоологический музей был гордостью Москвы, а собранные в нем экспонаты с успехом использовались при обучении как наглядные пособия. Учеником и преемником Г.И. Фишера фон Вальдгейма по кафедре естественной истории был выдающийся русский ученый К.Ф. Рулье (1814–1858).

Минералогию в академии вел и А.Л. Ловецкий (1787–1840). Он был страстным приверженцем экспериментальной науки и считал, что все выводы должны быть "поверяемы опытом и наблюдениями". Однако он предостерегал слушателей и в академии, и в университете, где преподавал одновременно, от чрезмерного увлечения "голой эмпирией" и недооценки значения для науки теории. А.Л. Ловецкий издал "Начальные основания минералогии" (1832) и "Краткое начертание естественной истории" в двух частях (1825–1827), которые использовались студентами как учебные пособия.

Но, к сожалению, у А.Л. Ловецкого, как и у большинства естест-

воиспытателей России того времени, было слишком мало возможностей для ведения исследовательской работы. Зато как преподаватель, лекции которого содержали ясно выраженные материалистические положения, оказавшие заметное влияние на умы студенчества, он безусловно заслуживает самой высокой оценки [II, 36, с. 27]. Интересен взгляд А.Л. Ловецкого на врачебную профессию: "Ибо что есть врач: врач есть воин, вооруженный всеми болезнестребительными орудиями природы; поле брани его есть больное тело; оружие его – вся неорганическая и органическая природы; выздоровление больного есть его победа; честь, слава, благодарность и, что всего важнее, душевное удовольствие суть его лавры" (цит. по: [II, 44, с. 84]).

Профессором повивального искусства был Г.И. Кораблев (?–1863). Его книга "Курс акушерской науки и женских болезней" (1841) была заметным явлением в жизни академии. Ею с успехом пользовались не только студенты, но и практикующие врачи. Г.И. Кораблев считал необходимым для развития акушерства сочетать теорию с практикой, о чем убедительно высказывался в своей книге: "Практическое занятие акушерством предполагает знание науки и без нее надлежащим образом производимо быть не может, а наука и без практики хотя и может быть, но не принесет обществу пользы. Практические упражнения без предшествовавшего теоретического познания науки есть ремесло или грубая эмпирия, приличествующая одним повитухам, а не ученому врачу, и так как благополучный успех в этой эмпирии зависит от одной только удачи, то она человеческому роду приносит больше вреда, чем пользы" [II, 23, с. 3].

Большую роль придавал Г.И. Кораблев не только профессиональным знаниям, но и физическому и моральному облику врача-акушера, который "двоих вдруг, а иногда и более спасает от смерти" [Там же, с. 11].

Курс практической хирургии преподавал профессор Ф.А. Гильтебрандт (1773–1845). Он же вел этот курс и на медицинском факультете Московского университета. Ф.А. Гильтебрандт не сделал каких-либо выдающихся открытий, не оставил какого-либо крупного труда, не создал своей школы, но он дал отечественной хирургии строго научное направление, поднял ее положение в медицине и своей преданностью науке, гуманностью, принципиальностью и другими нравственными качествами оказал заметное влияние не только на студентов и врачей, но и на широкие круги общественности [II, 22, с. 1476].

В преподавании хирургии он стремился органически сочетать теоретический материал с необходимыми практическими советами. Имея большой опыт в военно-полевой хирургии (Ф.А. Гильтебрандт был участником Отечественной войны 1812 года), он старался передать его студентам, при этом требовал от них большей самостоятельности как в операционной, так и в анатомическом театре при работе с трупами. Ф.А. Гильтебрандт написал "Руководство по хирургии", которое после Отечественной войны 1812 года было переработано и дополнено и вышло в 1829 г. Это руководство было признано специалистами клас-

сическим и использовалось как учебное пособие студентами и академии и университета.

Учениками Ф.А. Гильтебрандта были профессор Г.Я. Высотский (1781–1849) в Московской медико-хирургической академии и профессор А.А. Альфонский в Московском университете. Г.Я. Высотский поступил в академию в 1809 г. и имел солидную практическую подготовку по хирургии, производя сложные операции ампутации, иссечения камней из мочевого пузыря и др. В годы Отечественной войны 1812 года он работал в госпитале в Воронеже, где "пользовал безнадежных" больных и раненых солдат и офицеров.

Курс анатомии и физиологии в академии, начиная с 1803 г., вел выдающийся русский ученый и врач Е.О. Мухин (1766–1850), девизом которого было: "Польза, честь и слава Отечества да пребудут всегда главнейшими нашими предметами". Среди научных исследований Е.О. Мухина особое место принадлежит работам по физиологии. При изучении функций организма он исходил из необходимости опытного изучения как единственного и верного источника наших знаний. В то же время большое значение он придавал теоретическому осмыслению и указывал, что раскрытие сущности явлений возможно лишь тогда, когда факты подкрепляются теорией.

В своих трудах Е.О. Мухин отстаивал представление о том, что все части организма и его функции находятся в неразрывной связи, а материальной основой, составляющей целостность организма, он считал нервную систему. Рассматривая целостность организма человека во взаимодействии с окружающей его средой и подчеркивая его зависимость от условий существования, Е.О. Мухин считал, что и духовный мир человека всецело зависит от "предметного мира". Организм человека, по мнению ученого, находится в сложной взаимосвязи и постоянном взаимодействии с факторами внешней среды, чем и определяется его жизнь, здоровье и заболевание.

Исходя из этих предпосылок, он создал науку о воздействии различных факторов на организм, их взаимодействии и о тех процессах, которыми он отвечает на эти влияния. Созданную им науку он назвал "кентрологией". Опираясь на результаты собственных наблюдений и опытов, а также на многочисленные литературные источники, Е.О. Мухин все влияния, раздражения, "стимулы", действующие на организм из внешней и внутренней среды, распределил по порядкам и рядам, создав тем самым первую классификацию раздражителей, которые воспринимаются организмом через посредство нервной системы и влияют на функции организма. Признавая ведущую роль нервной системы в жизнедеятельности организма, Е.О. Мухин является тем самым основоположником анатомо-физиологического направления в отечественной медицине, получившего позже название нервизма.

Особое же влияние на И.Т. Глебова оказал И.Е. Дядьковский (1784–1841), который был руководителем и покровителем его в академии и после ее окончания. И.Е. Дядьковский окончил Медико-хирургическую академию в 1812 г. Во время Отечественной войны он был врачом в Московском военном госпитале, сопровождал раненых в

Рязань, "трудясь в сутки по 16–18 часов" В 1814 г. И.Е. Дядьковский начал преподавать ботанику и фармакологию в Московской медико-хирургической академии, а в 1816 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. С 1824 г. он профессор академии по кафедре патологии, терапии и терапевтической клиники, кроме того, он ведет курс ботаники и фармакологии.

И.Е. Дядьковский был не только прекрасным преподавателем, но и выдающимся фармакотерапевтом, биологом, философ-материалистом, близким по своим воззрениям к революционным демократам той эпохи. Вся научная и общественная деятельность И.Е. Дядьковского была проникнута борьбой за искоренение религиозно-философских и метафизических концепций в науке.

"Он был для своего времени тем узловым центром, – писал А.Г. Лушников, – где скрещивались передовые устремления русской клиники и новейшие мысли в биологии с лучшими, передовыми научно-философскими течениями" [II, 31, с. 251].

В своих естественнонаучных взглядах И.Е. Дядьковский исходил из признания единства организма и среды, признания ведущей роли нервной системы в регуляции жизненных функций организма. Его экспериментальные исследования были посвящены изучению влияния на организм различных раздражителей, свойств раздражимости, роли центральной нервной системы для жизнедеятельности организма и, по существу, вместе с работами Е.О. Мухина и других ученых явились основой фундамента неврогенной теории медицины.

Деятельность И.Е. Дядьковского как клинициста составила эпоху в развитии русской науки. Он был одним из основоположников и инициаторов функционального направления в отечественной медицине. В основу лечебных методов, по мысли И.Е. Дядьковского, должно быть положено стремление восстановить нормальные взаимоотношения между организмом и внешней средой.

Высок был авторитет И.Е. Дядьковского и как практикующего врача. "Доктор Дядьковский – диагност, каких мало, и при сем умный и хороший человек, – писал о нем будущий декабрист И.Я. Якушкин в 1813 г. своему другу. – В беседах с ним я забывал тяжести походной жизни. Он при исполнении обязанностей весьма сдержан, ничто не потревожит его. С большими кроток, подолгу проводит время у их

**Иустин Евдокимович Дядьковский
(1784–1841).**

**Рисунок Н.В. Майера.
30-е годы XIX в.**

изголовья. Он в сутки по 16–18 часов трудится, еще перед сном находит время для поучительных бесед. Человек начитанный, знающий, мы с ним сходимся во многом" [II, 44, с. 96].

Обаятельные личные качества И.Е. Дядьковского привлекали к нему симпатии различных кругов интеллигенции. Среди его друзей – герои Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдов, Д.С. Дохтуров, П.П. Коновницын, известный археолог А.Д. Чертков, выдающиеся деятели русской литературы и искусства Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, П.Я. Чаадаев, А.Г. Варламов, В.Г. Белинский, М.П. Погодин, М.А. Максимович, Н.В. Станкевич, П.С. Мочалов, М.С. Щепкин, А.В. Кольцов, Д.В. Веневитинов и др.

"К учащимся Дядьковский имел такое же отношение, какое имеет добрый и умный отец к своим детям. Всегда радушный, всегда готовый на добрый совет, он принимал живейшее участие в студентах, – вспоминал И.Т. Глебов. – В бытность свою инспектором академии, входя отечески в нужды их, он весьма много способствовал их нравственному образованию. Этим участием, всегда правдивым, всегда откровенным, Дядьковский снискал себе вполне заслуженное уважение не только тех учащихся, кои были под его надзором, но и отдаленнейших курсов" [I, 6, с. 321]. Среди его горячих поклонников и приверженцев был и И.Т. Глебов, который, как мы уже отмечали, пользовался руководством и покровительством этого выдающегося ученого.

Следует сказать, что покровительство со стороны И.Е. Дядьковского по отношению к И.Т. Глебову не было случайным. И.Е. Дядьковский был родом из Рязанской губернии и стремился оказывать всяческую поддержку в академии своим землякам. Больше того, в стенах академии существовал кружок рязанцев, который составлял довольно обширную самостоятельную группу студентов. Все ее члены были товарищами по семинарии. Это товарищество они принесли и в академию. Впрочем, происхождение этого кружка можно отчасти объяснить и тем обстоятельством, что в академии, помимо И.Е. Дядьковского, было еще несколько профессоров из Рязани: А.И. Кикин – преподававший эпизоотию на ветеринарном отделении, Г.И. Кораблев – профессор на кафедре акушерства, Т.В. Кудрявцев – хирург и другие ученые, которые относились с симпатией к своим землякам. Поэтому рязанцы – и студенты и преподаватели – старались держаться один другого и помогали друг другу [II, 52, с. 38].

Увлеченному учебой юноше учение давалось сравнительно легко, и вскоре за ним закрепилась репутация "отличнейшего по учению и поведению студента"⁵. С первых курсов его привлекают анатомия и физиология. С особой заинтересованностью он относится к практическим занятиям: препарирует животных, изготавливает анатомические препараты. И в этом деле он достиг такого искусства, что его, студента второго курса, назначают помощником прозектора и хранителем анатомического кабинета академии. За сделанные им анатомические

⁵ Там же, оп. 50, д. 35, л. 5.

препараты, которые использовались при обучении, он был неоднократно поощрен денежными премиями.

На третьем курсе И.Т. Глебов, "как более всех других товарищей занимавшийся анатомией практически" [I, 5, с. 210], а следовательно, и обладавший большими практическими навыками при исследовании тела человека, был избран ординатором хирургической клиники, руководимой профессором Ф.А. Гильтебрандтом. С этого времени он принимает участие во многих операциях в клинике.

В 1827 г. по рекомендации И.Е. Дядьковского, который в это время заведовал библиотекой академии, И.Т. Глебова зачисляют помощником библиотекаря в академическую библиотеку⁶. Первоначально очень скромная, эта библиотека постепенно разрасталась, но книги хранились в ней без системы и порядка. За благоустройство библиотеки и составление ее каталога и взялся И.Е. Дядьковский, а для помощи в этой работе он пригласил И.Т. Глебова. "Каталог библиотеки Московской медико-хирургической академии" был издан в 1827 г. Совместная работа с И.Е. Дядьковским и их тесные личные отношения несомненно еще более сблизили их, оказали влияние на молодого студента.

Будучи студентом третьего курса, И.Т. Глебов принимается за перевод учебника физиологии Ф. Мажанди. Идея перевести учебник выдающегося французского физиолога принадлежит И.Е. Дядьковскому, прекрасно знавшему состояние преподавания физиологии в академии: учебников не хватало, да и те, что были, в значительной степени устарели, и студенты вынуждены были заниматься только по лекционному материалу. Так, один из них – "Физиология, или Наука о естестве человеческого" Г. Консбруха – вышел в 1804 г. в переводе с немецкого И. Паскевича и В. Чачкова, и второй под аналогичным названием чешского физиолога И. Прохазки был издан в переводе Д.М. Велланского в 1822 г. Однако они в значительной мере устарели, к тому же, как и во всех предыдущих учебниках, в них в большей степени был представлен анатомический материал, нежели физиологический.

Из отечественных учебников в 1812 г. вышло "Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные начертания всеобщей физиологии" Д.М. Велланского. Однако учебник, в котором объяснение происходящих в организме процессов строилось "на умозрениях, которые более или менее остроумно подводились к анатомическим знаниям", был не популярен даже у студентов и не нашел широкого распространения [II, 33, с. 59].

Выбор учебника Ф. Мажанди "Краткое основание физиологии" был, конечно же, не случайным. Ф. Мажанди (1783–1855) был идейным противником виталистической концепции М. Биша о "жизненных свойствах", "жизненном принципе" и отстаивал материалистические взгляды на сущность физиологических процессов, протекающих в организме. Блестящий экспериментатор, Ф. Мажанди был по общему

⁶ Там же, д. 126, л. 1.

№ 52-II

**КРАТКОЕ
ОСНОВАНІЕ
ФИЗИОЛОГИИ**

Ф. МАЖАНДИ,

**Конференціею Московскаго Отдѣленія Императорской
Медико-Хирургической Академіи**

ИЗДАННОЕ.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

СТУДЕНТАМИ.

Иваномъ Глебовымъ и Александромъ Лунинымъ

СО ВТОРАГО ИЗДАНІЯ.

ИСПРАВЛЕННАГО И УМНОЖЕННАГО.

Томъ первый.

*Коллежскому Регистратору
Губернскаго Университета
и Московскому*

МОСКВА.

**ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.**

1830.

Титульный лист учебника Ф. Мажанди
в переводе И. Глебова и А. Лунина, 1830 г.

признанию основоположником вивисекционного метода и считал, что в естествознании и медицине исключительное значение для исследования жизненных явлений имеет опыт. "Краткое основание физиологии", выдержавшее на родине автора четыре издания, было основано преимущественно на изложении экспериментального материала.

В начале 1829 г. «казеннокоштный студент третьего курса Иван Глебов представил на рассмотрение Конференции переведенное им с французского языка "Краткое основание физиологии" издания Ф. Мажанди (1828 г.). Конференция словесно поручила оное рассмотреть г. профессору анатомии и физиологии Клементовскому и потом представить свой доклад»⁷.

26 февраля И.В. Клементовский докладывал Конференции, что "по множеству отличных физиологических наблюдений, относительно всех вообще отправлений, нахожу ("Физиологию" Ф. Мажанди. – В.М.) чрезвычайно полезной и необходимо нужной для руководства при преподавании физиологических лекций"⁸, и, считая перевод книги хорошим, он предлагал отпечатать ее в типографии за счет академической суммы.

Из письма министру внутренних дел: "1) Перевод первой части физиологии Мажанди, представленный ст. Глебовым и проф. Клементовским одобренный, принять к напечатанию за счет академической суммы... 2) Переводившему оную книгу Глебову как отличнейшему по учению и поведению студенту назначить за труды по 20 руб. ассигнациями от печатного листа оригинала, с тем чтобы он немедленно приступил к переводу и второй части"⁹.

Перевод второй части учебника Ф. Мажанди был сделан И.Т. Глебовым вместе с товарищем по Рязанской семинарии, с которым он в один год поступал в академию, Алексеем Луниным. В 1830 г. учебник вышел из печати и был рекомендован студентам в качестве учебного пособия.

По окончании в 1830 г. академии И.Т. Глебов был награжден за отличные успехи и поведение золотой медалью, и Конференция академии "определила оставить его при Академии для усовершенствования в науках и занятия места преподавателя" [I, 5, с. 210].

⁷ Там же, д. 35, л. 5.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ Там же, л. 5.

ВЕЛИКОЕ БЕДСТВИЕ

Профессия врача, медицина – подвиг. Она требует самоотверженности, чистоты души и чистоты помыслов.

А.П. Чехов

Честь, слава и польза Отечества суть высокие предметы врача и вместе добродетели, украшающие отличные его дарования и успехи всеобщим уважением.

Е.О. Мухин

В 1830–1831 гг. в России разразилась эпидемия холеры. Это было не первое нашествие этой страшной болезни на страну, но, пожалуй, самое сильное. Если в предыдущие эпидемии 1823 г., 1829 г. холера была только на окраинах государства, то в 1830–1831 гг. она охватила всю территорию Российской империи, включая крупнейшие города, в том числе и столицы. По официальным данным, за два года в России переболело холерой 534 000 человек, из которых 230 000 умерли. Как и в предыдущие эпидемии, в 1830 г. холера вторглась в Россию через Астрахань, где она свирепствовала наиболее сильно с июня до середины августа. За это время от холеры умерло свыше 2 550 человек, примерно такое же число умерших было и в других городах и селах Астраханской губернии [II, 14, с. 9].

В конце августа случаи холеры были отмечены в Нижнем Новгороде, где в это время проходила знаменитая Макарьевская ярмарка, собравшая массу приезжих со всех концов России. Когда среди посетителей ярмарки стала распространяться холера и появились первые умирающие, ярмарочный люд в панике стал разбегаться. Таким образом холера была занесена в различные уголки страны.

Для борьбы с народным бедствием была организована государственная комиссия, выехавшая для работы в Поволжье, в Саратов. В качестве члена этой комиссии в сентябре 1830 г. в Поволжье выехал известный русский врач М.Я. Мудров (1776–1831). Его сопровождали профессор Московского университета А.Е. Эвениус и студент Ф. Кони, отец известного в будущем судебного и общественного деятеля, публициста и литератора А.Ф. Кони. Вскоре к ним присоединился и И.Е. Дядьковский¹.

С целью предотвращения переноса холеры для ограничения передвижения на всей территории европейской части России были учреждены карантинные пункты, на которых всех проходящих и проезжающих должны были задерживать на две недели и "подвергать обмытию хлорным раствором". Карантинные пункты устраивались при въезде в города, на границах между уездами.

¹ ЦГИАМ, ф. 433, оп. 51, д. 213, л. 11.

Однако люди скептически относились к карантинам. Все задержанные в них находились скученно, питание было плохим. В конечном счете это приводило к тому, что и сами карантинные становились рассадниками инфекции. Часто карантинные накладывались слишком поздно, их учреждение уже не приносило пользы, а создавало только дополнительные неудобства: они нарушали хозяйственную жизнь губернии и города. В связи с карантинами затруднялся подвоз продуктов, что приводило к их вздорожанию, люди лишались работы, заработка.

Недовольства населения вызывала и организация временных холерных больниц, "где больные валялись на полу и между холерными помещены были и люди с совершенно другой болезнью" [II, 14, с. 18]. Все это приводило к народному неудовольствию, которое выливалось в "холерные бунты", в которых участвовали беднейшие слои населения, религиозные фанатики. Наиболее крупные "холерные бунты" были в местах наибольшего и наисильнейшего распространения холеры: в Петербурге и Новгородской губернии.

И неудивительно, что современники скептически относились к карантинам, не очень веря в их пользу. Интересные замечания по этому поводу можно найти в дневнике А.С. Пушкина, который осенью 1830 г. из-за холеры вынужден был задержаться в Болдине Нижегородской губернии. "16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантинные, не подкрепленные достаточно цепью, военною силою, суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию... В прошлом году карантинные остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ" [II, 45, с. 375—376].

В то время как правительственные меры были явно недостаточны и малоэффективны, огромную помощь в борьбе с холерой оказала прогрессивная общественность. В каждом уезде были созданы комитеты по борьбе с холерой для наблюдения за порядком и выполнением установленных профилактических правил. Почти всех дворян, живших в губерниях, привлекли к исполнению различных должностей "по предохранению от холеры" в качестве смотрителей застав и кордонов, попечителей отделений и участков. Так, в числе 12 человек, назначенных попечителями кварталов по Лукояновскому уезду, куда входило и село Болдино, числился и "коллежский секретарь А.С. Пушкин" [II, 27, с. 27].

К октябрю холера добралась до Москвы. По свидетельству очевидца, "паника была всеобщая. Массы жертв гибли мгновенно. Зараза приняла чудовищные размеры. Университет, все учебные заведения, присутственные места были закрыты, публичные увеселения запрещены, торговля остановилась. Москва была оцеплена строгим военным кордоном и учрежден карантин. Кто мог и успел, бежал из города. С болью в душе вспоминаешь теперь тогдашнее грустное и тягостное существование наше. Из шумной, веселой столицы Москва внезапно

превратилась в пустынный, безлюдный город. Полиция силой вытаскивала из лавок и лабазов арбузы, дыни, ягоды, фрукты и валила их в нарочно вырытые (за городом) глубокие, наполненные известью ямы. Оставшиеся жители заперлись в своих домах. Никто без крайней необходимости не выходил на улицу, избегая сообщения между собой" [II, 37, с. 95].

Тогдашний генерал-губернатор Москвы князь Д.В. Голицын (1771–1844) "увлек московское общество и... как-то все уладилось по-домашнему, то есть без особенного вмешательства. Составился комитет из почетных жителей – богатых помещиков и купцов. Каждый член взял себе одну из частей Москвы. В несколько дней было открыто двадцать больниц, они не стоили правительству ни копейки, все было сделано на пожертвованные деньги. Купцы давали даром все, что нужно для больницы, – одеяла, белье и теплую одежду, которую оставляли выздоровливающим. Молодые люди шли даром в смотрители больниц для того, чтоб приношения не были наполовину украдены служащими" [II, 12, с. 132].

Московский университет был закрыт, была закрыта и Медико-хирургическая академия. Занятия в них не проводились, но все казеннокоштные студенты находились на казарменном положении. И только студенты-медики и врачи были направлены по временным холерным больницам, где они оставались до окончания эпидемии². "Три или четыре месяца, – вспоминал А.И. Герцен в "Былом и думах", – эта чудная молодежь прожила в больницах ординаторами, фельдшерами, сиделками, писмоводителями – и все это без всякого вознаграждения, и притом в то время, когда так преувеличенно боялись заразы" [II, 12, с. 130].

Многие из окончивших медицинский факультет Московского университета и Медико-хирургическую академию "по крайней надобности во врачах, по случаю появления холеры в пределах России" [I, 5, с. 210], по распоряжению министра внутренних дел были направлены на борьбу с эпидемией в разные районы России. В списке лекарей, окончивших Московскую медико-хирургическую академию, назначенных для этого, первым стоит лекарь I отделения Иван Глебов, которого назначили в Симбирск на должность уездного врача, "предоставив академии право возвратить его академии, как скоро минет крайняя потребность во врачах"³.

Однако в связи с появлением холеры в Москве И.Т. Глебов был оставлен в городе и направлен в одну из временных холерных больниц. Здесь вместе со студентами-медиками он находился до февраля 1831 г., оказывая помощь тяжелобольным. Помимо лечебной работы, И.Т. Глебов занимался изучением акушерства. 23 февраля 1831 г. он успешно сдал экзамен в Конференции академии и получил звание акушера.

К весне 1831 г. эпидемия холеры в Москве ослабела. Однако в Поволжье и северных районах она вспыхнула с новой силой и прибли-

² Там же, д. 250, л. 1 и 15.

³ Там же, л. 5 и 23.

зились к Петербургу. Поэтому И.Т. Глебов, который фактически числился еще в должности уездного врача г. Симбирска, срочно выехал на борьбу с эпидемией в Поволжье, где количество жертв возрастало с каждым днем.

Всю весну, лето и осень 1831 г. И.Т. Глебов провел в борьбе с этой болезнью, самоотверженно оказывая помощь населению сначала в Симбирске, а затем в Сенгилее, Буинске, Корсуни и Ставрополе. Работая в основном в деревнях, где не было не только достаточно средств и лекарств для лечения, но и необходимого числа помощников, он использовал для лечения в основном народные средства. Так, он организовал по берегам рек, ручьев и прудов русские бани, для чего у берега в землю врывался котел или чугунок. В нем непрерывно кипятилась вода, которой обваривали в ушатах и чанах свежее сено.

"Заболевшие дома, в поле, на лугу, в лесу и пр. немедленно спешили прямо в баню, где парились и обкладывались горячим сеном, кто мог – сам, кто не мог, тех парили и обкладывали сеном другие, и больные оставались в таком положении до тех пор, пока не согрелись и не пропотевали. При этом давалось больным несколько раз по чайной ложке сперва салепу, а потом, при недостатке салепы, и крахмалу" [I, 5, с. 211].

Самоотверженность работы И.Т. Глебова, по-видимому, успешность его лечебных мер обусловили высокое доверие к нему среди населения, и он "заслужил благодарность начальства губернии" [Там же].

К концу декабря 1831 г. эпидемия холеры была приостановлена, И.Т. Глебов был освобожден от должности врача в Симбирске и вернулся в Москву⁴, тем более что Конференция Медико-хирургической академии уже ходатайствовала о возвращении к себе своего питомца.

⁴ Там же, оп. 52, д. 115, л. 29.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Самое главное – научить людей мыслить.

Б. Брехт

Учитель, образ его мыслей – вот что самое главное во всяком обучении и воспитании.

А. Дистервег

И.Т. ГЛЕБОВ

В МОСКОВСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

В Медико-хирургической академии И.Т. Глебов был принят на должность адъюнкта анатомии и физиологии и назначен помощником И.Е. Дядьковского по ведению академической библиотеки. Однако в мае 1833 г., по собственному его желанию, он был перемещен и.о. адъюнкта на кафедру терапии в клинику, которой руководил И.Е. Дядьковский.

Еще в сентябре 1832 г. И.Т. Глебов обратился в Конференцию академии с прошением: "Желая получить степень доктора медицины, покорнейше прошу Почтеннейшую Конференцию, учинивши мне по положению о сем предмете экзамен, удостоить меня оной"¹. Он сдает все положенные при этом экзамены, после чего Конференция академии задает ему тему диссертационной работы. К 1834 г. диссертация "О страстях с физиологической, патологической, терапевтической и фармакологической точек зрения" [I, 2] была подготовлена, а 10 декабря И.Т. Глебов ее успешно защитил. По установленному в то время порядку диссертация была написана и издана на латинском языке.

Не касаясь подробного ее рассмотрения (об этом речь будет ниже), следует отметить, что диссертация И.Т. Глебова посвящена проблеме, которая и на сегодняшний день остается одной из актуальных в физиологии, психологии и медицине. В ней И.Т. Глебов блестяще развивает взгляды И.Е. Дядьковского на роль нервной системы в организме, в регуляции его функций, в установлении взаимосвязи организма и окружающей его среды.

19 января 1835 г. И.Т. Глебов обращается в Конференцию академии с прошением допустить его к экзамену для получения звания адъюнкт-профессора общей и частной терапии². Конференция определила: "Г. Глебова допустить к экзамену по занятии вакансии Адъюнкта-профессора по означенной кафедре". На экзамене ему были заданы три вопроса: из общей терапии "De Examine morborum", из частной терапии "De morbis nervofii" и один письменный вопрос "De inflamumatione cerebri". Сверх того по определению Конференции он приготовил по заданной ему теме две пробные лекции: на латинском языке из частной

¹ ЦГИАМ, ф. 433, оп. 53, д. 12, л. 1.

² Там же, оп. 56, д. 10, л. 1.

терапии "De Rheumatismo consensuali in genesi et de dactylagra in specie" и на русском языке из общей терапии "О значении и различии метода лечения"³.

9 февраля И.Т. Глебов "в полном заседании г. профессоров, при стечении учащихся и других посторонних лиц"⁴ прочитал пробные лекции. Конференция, найдя пробные лекции соискателя совершенно удовлетворительными, признала его заслуживающим звания адъюнкт-профессора общей и частной терапии⁵.

23 марта он был утвержден в звании и должности, а 27 апреля того же года по существовавшему положению был приведен к присяге, "клятвенному обещанию", как профессор. В ней он обещал свои обязанности "надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать"⁶.

Казалось бы, судьба И.Т. Глебова в академии складывалась счастливо. Однако при изучении архивных материалов мне неожиданно попалось на первый взгляд странное дело, о котором ни в одной из предыдущих публикаций о И.Т. Глебове не упоминается. Постараемся изложить его последовательно. 7 июля 1835 г. И.Т. Глебов обращается в Конференцию академии со следующим прошением: "Принося чувствительную благодарность почтеннейшей Конференции за удостоверение меня ученых степеней, кои я получил во время службы моей при здешней Академии, долгом поставляю довести до ее сведения, что по расстройству моего здоровья, сильного засорения легких, угрожающего переходом в чахотку, против которой употреблены мною в течение последних трех лет самые решительные фармацевтические средства и искусственные минеральные московские воды оказались недостаточны; **по причине неблагоприятствующего здешнего климата** (выделено мною. – В.М.), нахожусь я не в состоянии исправлять должности моей при сей Академии надлежащим образом. Желая, впрочем, быть еще полезным моему отечеству, покорнейше прошу оную Конференцию ходатайствовать пред высшим начальством о перемещении меня на службу, соответствующую моему званию, или в Виленскую академию, или в Харьковский университет, как такие места, кои могут способствовать к излечению моей болезни..., если при упомянутых учебных заведениях вакантных мест не имеется, о совершенном увольнении меня из службы для прииска места более благоприятного к излечению моей болезни"⁷. Это было в конце учебного года, а И.Т. Глебову исполнилось только 29 лет.

Перед началом очередного академического 1835/36 г., а точнее 16 августа 1835 г., И.Т. Глебов обращается с рапортом к вице-

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 32.

⁵ Там же, л. 33.

⁶ Там же, л. 36.

⁷ Там же, л. 37.

президенту академии профессору Г.И. Фишеру фон Вальдгейму, в котором, в частности, пишет: "Расстроенное мое здоровье, о котором известно Вашему Превосходительству из рапорта моего в Конференцию Академии поданного, доселе не поправилось, почему к должности моей явиться теперь не могу, о чем и имею честь донести Вашему Превосходительству"⁸.

В сентябре от имени Конференции Московской медико-хирургической академии на имя президента Петербургской медико-хирургической академии Я.В. Виллие поступило представление: "Конференция, убедившись словесным подтверждением г. Профессора терапии Дядьковского, что здоровье Адъюнкта его Глебова действительно крайне расстроено, долгом поставляет свидетельствовать перед Вашим Превосходительством о постоянном усердии, с коим чиновник сей в течение четырехлетней бытности при Академии исполнял свою должность и потому стяжал полное право на милостивое к нему внимание высшего начальства в теперешнем его болезненном состоянии"⁹ и поддерживает просьбу И.Т. Глебова об освобождении его от занимаемой должности.

Но не проходит и трех месяцев и в Конференцию академии поступает прошение уже от И.Т. Глебова, в котором он сообщает: "Теперь же, поправившись в моем здоровье, я готов с тою же ревностью опять служить в той же должности при здешней Академии, о чем усерднейше и прошу почтеннейшую Конференцию представить Высшему начальству. Декабря 21 дня 1835 года. К сему прошению Адъюнкт-профессор Иван Глебов руку приложил"¹⁰.

Через три дня Конференция академии обращается к президенту Петербургской медико-хирургической академии с просьбой поддержать ходатайство И.Т. Глебова и разрешить ему продолжать преподавание при академии.

14 января 1836 г. поступило "Представление" президента Я.В. Виллие. Оно настолько интересно, что мы приводим его полностью. "Поступившее ко мне в сентябре прошлого года представление сей Конференции о переводе Адъюнкт-профессора Глебова тем же званием в Виленскую медико-хирургическую академию или в Харьковский университет либо об увольнении его вовсе от службы, по причине совершенного расстройства здоровья, направлению которого мешает московский климат, оставлено было мною на некоторое время без дальнейшего движения, потому что я очень сомневаюсь в справедливости этой причины. Мне казалось, да и теперь я остаюсь убежденным, что не расстроенное здоровье, а какие-нибудь частные обстоятельства лично неблагоприятных дел Глебова вынуждали его покинуть настоящую службу. Но такие обстоятельства ни в каком случае не должны быть принимаемы в уважении, а тем менее потворствуемы: личное угождение вредит пользе службы.

Конференция поспешила этим делом и чрез то едва не лишилась

⁸ Там же, л. 38.

⁹ Там же, л. 43–44.

¹⁰ Там же, л. 39.

чиновника, которого рекомендовала она мне прежде как молодого человека, подающего надежды, и о котором отзывается и теперь с равной похвалой. Ей бы следовало наперед точнее удостовериться в истинном побуждении И. Глебова оставить службу при Академии и, не основываясь на словесном уверении о его болезни, потребовать письменное законное о том свидетельство. Повторяю, Конференция поспешила этим делом потому, что, как она сама доносит мне, неизлечимо больной теперь выздоровел и может продолжать по-прежнему службу, да и я сам имел случай лично удостовериться, что Адъюнкт-профессор Глебов совершенно здоров.

Соглашаясь поэтому на ходатайство Конференции, изъясненное в представлении ее ко мне от 24 декабря минувшего года за № 1106, возвращаю вследствие того представление¹¹.

Вот такая документально удостоверенная история. Попробуем разобраться в ней. Какова же та причина, которая побудила И.Т. Глебова уйти из академии? Ответ на вопрос, как нам кажется, надо искать не в истории болезни И.Т. Глебова, а, скорее всего, в той обстановке, которая сложилась в эти годы в окружении И.Т. Глебова, в самом близком его окружении в академии.

Мы уже говорили о том, что в академии существовала рязанская группа, сплотившаяся около И.Е. Дядьковского. Сам Иустин Евдокимович оказывал всяческую поддержку не только своим землякам, но и всем русским студентам, обучавшимся в академии. И.Е. Дядьковский вел неустанную борьбу за самостоятельность русской медицинской науки, против раболепия перед иностранцами. Слепое подражание иностранным, особенно немецким, ученым было, по свидетельству современников, не только чуждо И.Е. Дядьковскому, но и вызывало у него глубокое негодование. "Вот двадцать лет доказываю я, что русские врачи, при настоящих сведениях своих, полную имеют возможность свергнуть с себя ярмо подражания иностранным учителям и сделаться самобытными. И доказываю не словами только, но и самым делом" [II, 16, с. VI].

В своих работах он призывал русских ученых к "благородной национальной гордости, той высокой патриотической любви", которые, как он писал, "животворят дух отечественных предприятий" и поэтому необходимы для расцвета науки и просвещения.

С негодованием писал он, "что в особенности высшие сословия в России, от внимания и содействия которых преимущественно зависит развитие подобных предприятий, до того равнодушны к успехам отечественного просвещения и, наоборот, до того пристрастны ко всему иностранному", до того "напитаны необыкновенным, невиданным доселе ни в каком благоустроенном государстве духом космополитизма", что это подавляет "всякое соревнование к состязанию в просвещении с другими народами" [Там же].

Это вызывало озлобление определенной части профессуры, особенно немецкой, таких преподавателей, как Н. Рейс и Я. Кир. Первый

¹¹ Там же, л. 42.

был профессором химии. Он читал студентам лекции на латинском языке без опытов, и поэтому студенты мало что усваивали из них [II, 52, с. 49]. Я. Кир был терапевтом. Его лекции были пронизаны рассуждениями о находящейся в теле человека некой таинственной "целительной силе природы", при помощи которой оно защищает себя от болезней, а многие болезни прогоняет, многие тотчас по их выявлении разрушает, а другим способствует к счастливому окончанию. По его мнению, "целительная сила природы... сия одна достаточна к излечению многих болезней и почти во всех помогает, а лекарства сами по себе лучшие служат только для того, чтобы возбуждать упавшие силы, направлять их к цели и управлять оными". В конце концов подобные "философские" рассуждения заканчивались полным пессимизма признанием: "Сколь трудно постичь настоящее свойство болезней, равным образом и исход их не более известен" (цит. по: [II, 31, с. 235]).

И это говорилось студентам в то самое время, когда на лекциях И.Е. Дядьковского они слышали: "Поелику же человеческий организм находится под влиянием бесчисленных, разнообразных, всегда на него действующих вещей – условий природы, которые производят в нем значительные перемены, то для подробнейшего, точнейшего действия лекарственных веществ требуется первоначальное познание физики, натуральной истории, физиологии, как таких наук, в которых излагаются общие и частные понятия о явлениях и законах всей видимой природы и самого человека" [II, 17, с. 21].

Студенты, прослушав лекции И.Е. Дядьковского, в которых, "кроме ясного изложения своего предмета", они узнавали и многое из того, что плохо преподавалось на других кафедрах, отказывались посещать лекции Я. Кира. В ответ на следовавшие за этим аресты, выговоры, заключения в карцер многие студенты подавали официальные прошения об освобождении их от посещения клиники Кира. В то же время на лекциях И.Е. Дядьковского они часто засиживались по несколько часов подряд [II, 34, с. 27].

Это продолжалось на протяжении ряда лет и привело к интригам и открытым выступлениям против И.Е. Дядьковского. Реакционно настроенной профессуры были поддержаны и высшим начальством, особенно президентом академии Я.В. Виллие. Последний с явным неудовольствием относился к материалистическим идеям И.Е. Дядьковского, атеистические высказывания которого, непримиримость к идеалистическим извращениям в науке, твердость в отстаивании своего мнения вопреки признанным авторитетам послужили причиной частых нападок на него.

В 1831 г., после кончины во время эпидемии холеры в Петербурге М.Я. Мудрова, на кафедру патологии; терапии и клиники Московского университета был приглашен И.Е. Дядьковский. Здесь он так же, как и в академии, продолжал отстаивать свои идеи. В его работах и лекциях нашли отражение мысли о роли нервной системы в организме, сформулировавшиеся позже в неврогенную теорию медицины и ставшие теоретической основой развития отечественной практической медицины.

И это происходило в то время, когда в стране был ужесточен

политический режим, когда все силы реакции были направлены на подавление любой творческой мысли и инициативы. Когда во главу угла в преподавании, согласно новой инструкции для инспекторов, присланной в 1834 г., ставилась религия: "§ 46. Религия есть тот краеугольный камень, на котором незыблимо зиждется чистая, добрая нравственность; по сему инспектору поставляется первою и важнейшею обязанностью обращать неусыпное внимание на религиозное направление учащихся в университете и, противодействуя распространению между ними вредных начал, не допускать и самого равнодушия к богослужению, таинствам и священным обрядам церкви христовой" [II, 20, с. 3].

В этих условиях искали только благовидный предлог, чтобы расправиться с неугодным профессором. И он не заставил себя долго ждать. "Поводом к тому послужило следующее обстоятельство, – вспоминал М.Г. Соколов. – Раз на лекции он (Дядьковский. – В.М.) коснулся вопроса о гниении трупов, причем объяснил, в каких слоях земли и в каких местностях труп не подвергается разложению, а в каких превращается в мумию. Указав на Березов, он добавил, что там, найдя труп в целости, иной может принять его за нетленные мощи, принадлежащие какому-нибудь угоднику. Вот об этом-то добавлении и доложено было его врагами попечителю графу С.Г. Строганову как доказательство его кощунства над православной религией. Дядьковскому предложено было подать в отставку" [II, 52, с. 56].

Из академии И.Е. Дядьковский был уволен в 1834 г., а из университета – с 1 января 1836 г. под вполне благовидным предлогом: "...вследствие преобразования университета по высочайше утвержденному 26-го июня 1835 г. уставу", – как записано в его личном деле (цит. по: [II, 31, с. 263–271]).

То, что И.Е. Дядьковский был не просто уволен, а именно изгнан из академии и университета, не оставляет никакого сомнения. Это же подтверждают и воспоминания о нем многих современников.

А теперь вернемся к истории с отставкой И.Т. Глебова. По нашему мнению, прошение И.Т. Глебова об увольнении от службы в Московской медико-хирургической академии есть не что иное, как протест молодого ученого на расправу с его учителем.

Его ссылка на расстроенное здоровье ни в коей мере не состоятельна, о чем и пишет президент академии: "Мне казалось, да и теперь я остаюсь убежденным, что не расстроенное здоровье, а какие-нибудь частные-обстоятельства лично неблагоприятных дел Глебова вынуждали его покинуть настоящую службу". А таким "личным обстоятельством" и была его реакция на расправу над И.Е. Дядьковским, к которой И.Т. Глебов не мог относиться равнодушно. Как и И.Е. Дядьковскому, И.Т. Глебову был неблагоприятен тот климат, который существовал в академии в годы николаевской реакции. Этой отставкой он выразил свое отношение, протест к религиозной нетерпимости, произволу и насилию, которые царили в стенах академии и которые усилились после принятия в 1835 г. нового университетского устава. Это и привело его к решению оставить академию и уйти "с милого севера в сторону южную".

Делу И.Т. Глебова президент академии до конца 1835 г. не давал хода, так как он сомневался, и не без основания, в правдивости причины, выдвинутой И.Т. Глебовым для ухода из академии. Не исключено, что эти сомнения были вызваны устным подтверждением болезненного состояния И.Т. Глебова именно И.Е. Дядьковским, который находился у него под подозрением и решение об увольнении которого было им принято. Недаром же президент в представлении указывает, что не следовало основываться на словесном уверении о болезни И.Т. Глебова, а нужно было потребовать "письменное законное о том свидетельство". "Да и я сам имел случай лично удостовериться, – пишет он, – что Адъюнкт-профессор Глебов совершенно здоров".

Нельзя с уверенностью утверждать, что президент академии догадывался об истинных мотивах ухода И.Т. Глебова. Возможно, что так. Но он считал, что "такие обстоятельства ни в коем случае не должны быть принимаемы в уважении, а тем менее потворствуемы: личное угождение вредит пользе службы". Нравственные и моральные факторы он просто не принимал во внимание.

23 декабря от И.Т. Глебова поступает прошение об оставлении его на службе в академии. Трудно сейчас с определенностью объяснить причину, побудившую И.Т. Глебова изменить свое решение. Думается, что это было сделано не без участия И.Е. Дядьковского, которому небезразлична была судьба его учеников.

И вот ученый, "всю жизнь борющийся с рутинной и... не только словами, но и самым делом" [II, 16, с. XL], лишенный возможности самому проводить свои идеи, стремится это делать через своих учеников и последователей. Проводить их в студенческую среду, и в науку. А И.Т. Глебов был не просто земляком, но и человеком, который пользовался руководством и покровительством И.Е. Дядьковского еще со студенческой скамьи. Под его влиянием выработалось научное мировоззрение И.Т. Глебова, и кому же, как не И.Т. Глебову, одному из наиболее близких и последовательных учеников И.Е. Дядьковского, быть продолжателем традиций своего учителя в академии, быть распространителем его идей? Недаром журнал "Современник" писал в 1845 г.: "Покойный профессор Московского университета Дядьковский оставил после себя много последователей и распространителей своего учения. Это служит доказательством, что он был человек не только с большими знаниями, но и с сильной душой" [т. 40, с. 96].

РАБОТА В УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЛАБОРАТОРИЯХ И КЛИНИКАХ ЗА РУБЕЖОМ

В 1837 г. по постановлению Конференции академии И.Т. Глебов был командирован на два года в Германию "для усовершенствования во врачебных науках и специально в теории и клинике внутренних болезней", а потом был оставлен еще на третий год для посещения с той же целью Франции и Англии.

На первых порах за границей И.Т. Глебов особое внимание уделяет изучению клиники разных болезней. Он составляет для себя

план, предусматривающий пройти все медицинские науки в германских университетах у лучших профессоров. Его можно видеть и в терапевтической и в хирургической клиниках, в клиниках глазных болезней и в акушерской, в отделении кожных болезней и в детской больнице. Он уделяет внимание не только детальному изучению диагностики и симптоматики заболеваний, но и методикам исследования, о которых прежде не знал. Так, в терапевтической клинике Г. Майнера в Галле он прослушал полный курс лекций об аускультации и перкуссии, а также "делал первые опыты употребления стетоскопа и плессиметра под руководством его при распознавании болезней на самих больных" [I, 5, с. 213].

Во время пребывания в Галле И.Т. Глебов привлекает кабинет патологической анатомии Меккеля, а также кабинет сравнительной анатомии, науки, о которой ничего не было известно при его обучении в академии. И вот уже в Берлине И.Т. Глебов начинает посещать наряду с клиниками физиологическую лабораторию И. Мюллера, где прослушал публичный курс лекций по физиологии и частный курс патологической и сравнительной анатомии, прочитанный самим великим физиологом. На этом частном курсе он демонстрировал результаты микроскопических исследований строения опухолей. "У профессора ботаники Майена он впервые познакомился с микроскопическим методом исследования растений, а вместе и с приемами и способом употребления микроскопа, инструмента совершенно для него тогда нового" [I, 5, с. 214].

Во все годы пребывания за границей И.Т. Глебов исправно посещает клиники в различных университетах Германии, Франции и Англии. Но его внимание все в большей степени начинает привлекать сравнительная анатомия и физиология. Побуждаемый интересом к этому предмету, вызванным в нем лекциями И. Мюллера и экспонатами кабинета Меккеля, он направился летом 1838 г. вместе с Н.Н. Зининым к побережью Средиземного моря, чтобы ознакомиться самому на практике с анатомией морских животных. Пешком они прошли Богемию и через Тироль спустились с Альп в Италию. В окрестностях Вероны И.Т. Глебов изучает ящериц, в Венеции его внимание привлекают морские животные. "Здесь, изучая в первый раз морских животных в натуре, вместе с Н. Зининым, нераздельным своим спутником, он приобрел для себя впервые практические знания в сравнительной анатомии. При исследовании строения животных, особенно мелких и низших, он явственно ощущал недостаток в пособии микроскопа" [I, 5, с. 215].

К 1 ноября 1838 г. И.Т. Глебов вновь в Берлине. В его планы входит прослушать те курсы, которые он не успел посетить в первом полугодии: "Анатомию нервной системы у И. Мюллера, анатомию других систем тела человеческого у Генле, Шлемма" [I, 5, с. 215]. Особенно же в этот период его привлекает возможность пройти курс у известного немецкого гистолога и физиолога Т. Швана (1810–1882), "сделавшего открытие, изменившее в основании физиологическое учение об органической жизни, состоящее в том, что первоначальная форма живого органического вещества есть клеточка" [I, 5, с. 216].

По приезде в Берлин И.Т. Глебов приобретает микроскоп новейшей конструкции у Шика (кстати, он им пользовался долгое время и потом, когда уже вернулся в Россию и работал в Московском университете). Под руководством Т. Швана И.Т. Глебов осваивает технику микроскопического исследования, методику приготовления препаратов из животных тканей и проводит ряд сравнительно-гистологических работ по изучению некоторых тканей человека и животных. В это же время он прослушал курс лекций по технике микроскопического исследования у известного немецкого натуралиста и зоолога Х. Эренберга (1795–1876). В конце семестра, уже будучи в Вене, И.Т. Глебов познакомился с профессором анатомии Берресом и "изучал у него на дому его знаменитые микроскопические инъекции" [I, 5, с. 216].

Однако, не удовлетворяясь изучением препаратов из мертвых тканей, И.Т. Глебов вновь направляется на побережье Средиземного моря. В Марселе он занимается изучением морских животных, преимущественно полипов актиний. В течение двух месяцев, которые И.Т. Глебов провел в Ницце, он составил (на собственные деньги) замечательную коллекцию морских позвоночных и беспозвоночных животных, которая впоследствии стала основой созданного им при Московском университете кабинета сравнительной анатомии.

Для сбора коллекции морских животных И.Т. Глебов неоднократно отправлялся в открытое море на рыбную ловлю. Там он покупал животных, только что вынутых из воды. "Тогда же он покупал электрических рыб – скатов, у которых электричество так сильно, что невозможно было не выронить их из рук от удара по локтям при поднятии их, несмотря на все усилия удержать их. Боль от удара точно такая же, как от ударов электрической машины" [I, 5, с. 218]. Здесь же, на месте лова, И.Т. Глебов препарировал рыб, которые составляли затем экспонаты его коллекции. Ловлей медуз он занимался сам.

Коллекция, созданная напряженным трудом и за счет материальных лишений, уже насчитывала 500 экземпляров различных животных. На собственные деньги И.Т. Глебов отправляет ее в Россию. "Для лучшего же сохранения он зашил каждое животное отдельно в холстину, к каждому привязал жестяной номер, соответствующий номеру в каталоге, в котором они, определенные им еще живые на месте собирания их, размещены по классам и порядкам и получили систематические родовые и видовые названия. Всех их уложил в жестяные банки, которые наполнил спиртом, герметически закупорил, залил свинцом и, вставив для большей безопасности еще в деревянные ящики, осенью, в конце октября, 1849 г. отпустил с чужим кораблем в море, адресовав в Медико-хирургическую академию в Москве. От такой заботливой укладки и укупорки зависела та удивительная целость и сохранность животных, на которые он с удовольствием может указать и доселе" [I, 5, с. 217].

Здесь же, в Ницце, И.Т. Глебов познакомился и некоторое время работал вместе с известным физиологом Г. Валентином (1810–1883) и зоологом Р. Вагнером (1805–1864), специалистом в области сравнительной анатомии и физиологии. Оба ежегодно во время летних

каникул приезжали со своими сотрудниками на Средиземное море для собирания коллекций морских животных и исследования их здесь же, на месте. "Советами обоих, как уже опытных, пользовался он как при собирании животных, так и при анатомировании их. Несколько раз делал общие экскурсии то в горы, то в море вместе с Р. Вагнером и Г. Валентином и некоторыми из свиты их докторов, гг. Риссо и Одуэном, бывшими также в Ницце тогда, но недолго" [I, 5, с. 218].

В Неаполе, куда И.Т. Глебов отправился после Ниццы, он посетил старинный университет и познакомился с коллекцией естественного музея. Здесь он продолжил изучение морских животных, составил новую коллекцию, которую привез в Россию.

Интерес И.Т. Глебова к сравнительной анатомии и физиологии становится все более и более определенным. Несмотря на то что в оставшееся время он продолжает посещать клиники и изучать практическую медицину, значительно больше времени он уделяет изучению анатомии и физиологии. В последний семестр пребывания во Франции он все свое время уделяет изучению "сравнительной анатомии у Блэнвиля, сравнительной физиологии у Флюранса, в сравнительно-анатомическом кабинете Кювье в Ботаническом саду; анатомии тела человеческого у Бреше, физиологии здорового человека у старшего Бернара в Медицинской школе и у Мажанди в *College de France*; анатомии и физиологии нервной системы два курса *privatissime* у Лонже в практической медицинской школе; общей патологии у Андраля; патологической анатомии у Кривелье в медицинской школе" [I, 5, с. 220]. Он продолжал осматривать различные музеи: зоологический, сравнительно-анатомический Кювье, анатомический в медицинской школе, анатомо-патологический в Дюноитрене и др.

Из Парижа И.Т. Глебов отправился в Лондон, где посетил госпитали и патолого-анатомические музеи при каждом из них, а также Естественный национальный сравнительно-анатомический и патологический музей Гунтера.

Давно известно, что путешествие – это познание. Во время пребывания за границей И.Т. Глебов не ограничивался только занятиями в различных медицинских учреждениях, но и живо интересовался культурой и историей тех мест и стран, которые посещал. В Риме под руководством русских художников, находившихся там для совершенствования в своем искусстве по направлению Академии художеств, он изучал классический город, его памятники, знакомился с художественными сокровищами. В Неаполе "осмотрел Бурбонский музей, Помпею, Геркуланум. Был на Везувии и ночью спускался в его кратер [I, 5, с. 218–219]. Большую часть путешествия он проделал пешком.

В июле 1840 г. И.Т. Глебов вернулся в Москву. Конференция поручила ему преподавание физиологии и общей патологии. Были назначены две пробные лекции на тему о пищеварении в желудке: одна – на русском языке – о желудке в физиологическом отношении, другая – на латинском языке – о патологии желудка. Через год он был утвержден в звании ординарного профессора по физиологии и общей патологии.

Лекции И.Т. Глебова пользовались популярностью у студентов академии. Один из его слушателей, М.Г. Соколов, в своих воспоминаниях, написанных спустя 50 лет после окончания Московской медико-хирургической академии, писал: "Иван Тимофеевич Глебов занял кафедру Алексея Леонтьевича Ловецкого спустя год после его смерти и тотчас по возвращении из заграничной поездки, где он слушал лекции по физиологии у Мюллера. Глебов своими лекциями внес современную науку в аудиторию, лекциями увлекал слушателей, на них ходили студенты из высших классов. Теснота бывала страшная в аудитории" [II, 52, с. 53].

ПРОФЕССОРСТВО В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ввиду закрытия в октябре 1842 г. Московской медико-хирургической академии И.Т. Глебов был переведен на физико-математический факультет Московского университета на должность профессора кафедры сравнительной анатомии и физиологии, и одновременно он вел зоологию на медицинском факультете. "Таким образом, проф. Глебов имел честь первым открыть кафедру сравнительной анатомии и физиологии при Московском университете, до того времени при нем не существовавшую, первую его лекцией при университете 12-го ноября 1842 г. В 1843 г. определились положительно средства кафедры и началось как правильное преподавание науки, так и соответственная цели обстановка кафедры и обзаведение нужнейших на первый раз предметов и вещей" [I, 5, с. 222].

И.Т. Глебов оснащает кафедру микроскопами и необходимым для практических занятий студентов оборудованием. За 7 лет преподавания на кафедре сравнительной анатомии и физиологии он приобрел "4 микроскопа, выписанные из Парижа от Шевалье, 236 разных анатомических инструментов, также выписанных из Парижа от Шарьера, куплены сравнительно-анатомические препараты из папье-маше, привезенные из Парижа профессором Басовым" [I, 5, с. 223] и многое другое, что широко использовалось на практических занятиях и при чтении анатомических и физиологических лекций.

Именно И.Т. Глебову принадлежит честь введения в Московском университете микроскопических занятий, занятий по гистологии. Поэтому, обращаясь к Ивану Тимофеевичу на юбилее по случаю его 50-летней службы, Ф.В. Овсянников сказал: "С Вашим именем неразлучно связаны воспоминания о микроскопических занятиях студентов, впервые введенных Вами в Московском университете" [II, 40, с. 18].

Лекции И.Т. Глебова и занятия на кафедре сопровождались большим количеством опытов, значительная часть которых проводилась и подготавливалась А.Н. Орловским. "Курс преподавания сравнительной анатомии и физиологии, – писал он впоследствии, – ...разделен на две части. Профессор излагал слушателям те законы, по которым слагалось, совершенствовалось и действовало животное. Прозектор (это был А.Н. Орловский. – В.М.) в особо для сего определенные часы рассекал животных, знакомил студентов практически как с организацией

Московский университет (40-е годы XIX в.)

животного, так и со всеми приемами и тем устранял все трудности для начинающих. На животных он показывал отправления различных частей организма" [I, 10, с. 15]. Немалое количество собак, кроликов, морских свинок, голубей и различных птиц, черепах, ящериц, змей, лягушек, рыб, разных насекомых, раков, раковин было использовано для физиологических опытов.

"Сравнительную анатомию и физиологию читал профессор Иван Тимофеевич Глебов, – вспоминал позднее И.М. Сеченов, – ...человек несомненно очень умный и очень оригинальный лектор... Из сравнительной анатомии нам сообщались лишь отрывки (органы пищеварения, кровообращения, дыхания и локомоции)¹²; но они сами по себе, как вся вообще сравнительная анатомия, настолько красивы и излагались настолько ясно, что на 2-м курсе я мечтал в будущем не о физиологии, а о сравнительной анатомии" [II, 48, с. 53–54].

Именно в это время лекции И.Т. Глебова стал посещать А.И. Герцен. В его "Дневнике 1842–1845" есть такая запись: "Начал ходить к Глебову на лекции, читает прекрасно сравнительную анатомию и анатомию человеческого тела" [II, 10, с. 385]. "Сегодня Глебов вскрыл живую собаку, – записал он в дневнике 14 февраля 1845 г. – В первые минуты зрелище страшное, отвратительное, но потом

¹² И.М. Сеченов учился на медицинском факультете, где предмет "Сравнительная анатомия и физиология" был не основной, а вспомогательный, поэтому читался не весь курс, а только избранные главы.

интерес поглощает все другое: вот она пульсация артерии, вот нервы, производящие судороги при прикосновении, и наконец сердце, еще горячее, еще бьющееся; я положил на него руку, есть что-то торжественное в этом святотатственном прикосновении к тайнику жизни" [Там же, с. 405].

Однако выдающегося русского философа, революционера-демократа привлекала не только манера чтения лекций И.Т. Глебова, его в большей степени интересовали его методика преподавания и материалистическое объяснение жизненных процессов. А ведь в это время А.И. Герцен писал "Письма об изучении природы", где сформулировал диалектические положения о развитии природы, переходе количественных изменений в природе в качественные, о методах познания природы, жизни и т.д. И невольно возникает мысль о том, что многие идеи, высказанные русским философом, возможно, были навеяны и развивались под впечатлением увиденного и услышанного на лекциях в Московском университете, в частности на лекциях И.Т. Глебова.

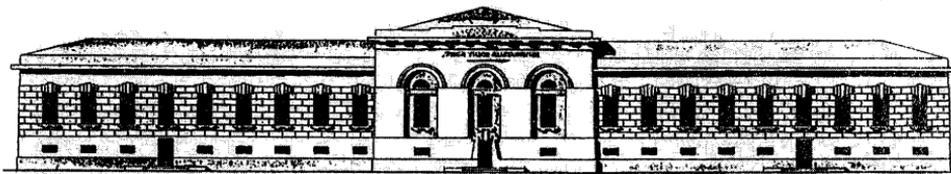
Впрочем, подтверждение этому мы находим в "Дневнике" А.И. Герцена: "Анатомия со всяким днем открывает мне бездну новых фактов, а с ними мыслей, взглядов, etc. на природу" [Там же, с. 386].

Лекции по сравнительной анатомии и физиологии И.Т. Глебова были высоко оценены многими современниками ученого. А.В. Станкевич в биографическом очерке о Т.Н. Грановском, вспоминая о посещении А.И. Герценом лекций в Московском университете, писал: «Автор "Писем о природе" слушал в Москве лекции сравнительной анатомии, и ему казалось, что он познакомился в аудитории и анатомическом театре с новым сильным поколением юношей, с направлением реалистическим, т.е. положительно научным. Эта молодежь разглядела, в чем он расходится с Грановским, и хотела, чтобы он непременно склонил его на сторону их, будто бы философских, мыслей. Все это опять приводило к спорам между друзьями» [Ш, 53, с. 261].

С 1844 г. И.Т. Глебов начал создавать при кафедре кабинет сравнительной анатомии и физиологии, "краеугольным камнем в основание" которого легла его коллекция морских животных и препаратов. На первых порах кабинет включал около 500 экземпляров, собранных им во время путешествия по Средиземному и Адриатическому морям. Начиная с 1846 г., когда в университете было отведено место для устроенного И.Т. Глебовым музея, число его экспонатов "беспрерывно возрастало чрез постоянное приобретение покупкою и пожертвованиями новых животных" [I, 5, с. 222]. К 1849 г. кабинет был окончательно приведен в систематический порядок, он содержал уже свыше 2100 препаратов, достойных "внимания сколько по редкости предметов, вошедших в состав ее, столько же по превосходному сохранению их"¹³.

В январе 1849 г. скончался профессор кафедры физиологии здорового человека медицинскогo факультета университета А.М. Филомафитский, "постоянным и сильным желанием которого было по мере сил и способностей быть полезным своим соотечественникам". "За сим

¹³ ЦГИАМ, ф. 418, оп. 19, д. 215, л. 2.

**Здание Анатомического театра Московского университета,
где находилась кафедра физиологии**

озабоченный замещением упразднившейся кафедры достойнейшим преподавателем, – говорилось в письме декана медицинского факультета профессора Л.С. Севрука в Совет университета, – факультет остановил свое внимание на г. ординарном профессоре Глеbove и по единодушному мнению своих членов, убежденный в обширнейших сведениях г. Глебова по предмету физиологии..., доказанных при изложении оной в бывшей Московской медико-хирургической академии, льстит себя надеждою, что г. профессор Глебов, согласившись по просьбе факультета принять на себя в текущем полугодии преподавание означенных предметов, не откажет предложение факультета принять на себя... в качестве профессора медицинского факультета и чрез то даст возможность достойно заменить столь неожиданно и ранневременно потерянного достойнейшего своего члена г. профессора Филомафитского"¹⁴.

Вскоре И.Т. Глебова переводят на кафедру физиологии здорового человека медицинского факультета университета, а общую патологию поручают читать А.И. Полунину (1820–1888). Впрочем, и после этого перемещения он продолжал чтение лекций по сравнительной анатомии и физиологии на физико-математическом факультете, однако от руководства музеем был тем не менее Советом университета отстранен, "на том основании, что сравнительная анатомия и физиология животных в медицинском факультете преподается в виде вспомогательной науки, а в физико-математическом... составляет особую самостоятельную кафедру"¹⁵. Заведование музеем было поручено профессору Н.А. Варнеку (1821–1876), который одновременно преподавал зоологию на медицинском факультете университета.

В рапорте в Совет Московского университета И.Т. Глебов при передаче кабинета сравнительной анатомии и физиологии писал: "Оставляя теперь названный кабинет, я считаю себя обязанным свидетельствовать пред Советом о трудах и усердии лиц, участвовавших в образовании его, и именно о трудах г. профессора Басова, г. прозектора Соколова, но в особенности о продолжительном, многолетнем

¹⁴ Там же, оп. 18, д. 24, л. 2.

¹⁵ Там же, оп. 19, д. 195, л. 7.

усерднейшем содействии мне г. помощника прозектора Орловского; его теплой любви к своему делу, его постоянным, усидчивым, неутомимым многолетним трудам и отличному искусству готовить препараты несравненно более других обязано столь быстрое и столь малоценное (в смысле дешевое. – *В.М.*) развитие кабинета. Поэтому почитаю самым справедливым долгом покорнейше просить Совет ходатайствовать пред Высшим начальством о награде г. Орловскому, какой оно признает его достойным за такую заслугу университету. Заслуживают также признательность и г. профессор Басов, равно как и г. прозектор Соколов"¹⁶.

На кафедре физиологии здорового человека И.Т. Глебов преподавал с 1849 по 1857 г., т.е. до переезда в Петербург. В "Артикулах лекций", содержащих планы учебных занятий на предстоящий академический год, которые публиковались ежегодно, за 1854/55 учебный год можно найти указание, что "ординарный профессор Иван Тимофеевич Глебов будет преподавать в 3-м и 4-м полугодиях физиологию здорового человека: в 3-м полугодии по 6 часов в неделю, а в 4-м по 4 часа в неделю, кроме того, в 3-м полугодии будет заниматься вивисекциями, а во 2-м полугодии будет читать сравнительную анатомию по 4 часа в неделю"¹⁷.

В преподавании физиологии И.Т. Глебов продолжил традиции экспериментальной физиологии, заложенные на кафедре А.М. Филомафитским и проводившиеся в жизнь им самим еще на кафедре сравнительной анатомии и физиологии. Поэтому понятны то возмущение и решительное возражение, которые вызвало у И.Т. Глебова позже, в 1859 г., в бытность его работы в Петербургской медико-хирургической академии, объявление, напечатанное в № 236 "Северной пчелы" под заголовком "Абонемент на публичные лекции в Пассаже". Анонимный корреспондент газеты сообщал, что в скором времени в Пассаже профессор Е.В. Пеликан будет читать публичные лекции по физиологии, при этом он будет "заниматься на лекции экспериментами над животными, изложит в первый раз в России так называемую целлюлярную патологию, будет упражнять желающих, в отдельной лаборатории, в экспериментальной физиологии, микроскопических и химических исследованиях... До сих пор, – говорилось в объявлении, – физиология в наших учебных заведениях только в полном смысле читается, но никогда профессора не сопровождают своих лекций экспериментами. Профессору Пеликану принадлежит честь в первый раз в России начать курс экспериментальной физиологии...

У нас в России, – заявлял корреспондент, – предпринято великое дело, какое и за границей составляет предмет не всегда удобоисполнимый, отчасти по недостатку искусных экспериментаторов, отчасти по дороговизне принадлежностей" [II, 1].

Буквально через несколько дней в № 264 "Санкт-Петербургских ведомостей" была напечатана большая статья И.Т. Глебова "В защиту

¹⁶ Там же, л. 18.

¹⁷ Там же, оп. 361, д. 44, л. 9.

преподавания физиологии в России" [I, 13]. Расценивая объявление, помещенное в газете "Северная пчела", как "неправду и клевету на наши учебные заведения", И.Т. Глебов обстоятельно излагает историю преподавания физиологии в университетах России, и в частности в первом ее университете, Московском.

Он напомнил, что "следы экспериментальной физиологии" в России встречаются в XVIII столетии и относятся к 1792 г., когда профессор Ф. Керестури "дабы точнее определить действие многих частей одушевленного тела, то покажет строение оных частей и в животных разного рода. Почему для делания анатомо-физиологических экспериментов будет иногда рассекать живых животных. Для рассмотрения тончайшего строения мельчайших частей в помощь употребит микроскоп" [II, 39].

Честь же первым начать систематический курс экспериментальной физиологии, отмечал И.Т. Глебов, принадлежит по праву А.М. Филомафитскому. Начав преподавание курса физиологии в Московском университете в 1835 г., он смело внедряет как в преподавание физиологии, так и в научные исследования эксперименты на животных. "Способ исследования жизненных явлений есть опытный, – писал А.М. Филомафитский, – здесь естествоиспытатель, руководствуясь наблюдением и опытом, старается все жизненные явления исследовать порознь; наблюдает оные в различное время, при различных обстоятельствах; этого мало, он подвергает их опыту, при котором выбирает нужные и различные условия, и через повторение одного наконец уверяется в том, что было существенное, постоянное и что случайное в исследуемом им явлении... Цель, для которой физиолог производит кровавые опыты, польза для науки, а следовательно, благо для рода человеческого" [II, 56, с. 17–18].

Однако А.М. Филомафитский не просто внедряет опыт в физиологию, а стремится органически сочетать опытное исследование со "строгим логическим умствованием", которое тем не менее следует также доказать опытом.

Далее И.Т. Глебов подробно описывает опыты, которые проводил на кафедре сравнительной анатомии и физиологии А.Н. Орловский. "Стало быть, – с гордостью заключает ученый, – и опыты и инструменты не составляют у нас в 1859 г. явления необыкновенного, когда первые делались, а последние употреблялись в наших учебных заведениях и в прошедшем столетии, разумеется, сообразно состоянию науки" [I, 13].

Сам И.Т. Глебов, как видим, придавал большое значение эксперименту в познании физиологических процессов, протекающих в организме человека и животных. Это было на кафедре сравнительной анатомии и физиологии, это же нашло свое отражение и в его работе на кафедре физиологии здорового человека. И здесь лекции И.Т. Глебова сопровождалось большим количеством физиологических опытов.

О преподавании на кафедре можно судить хотя бы по "Программе преподавания части физиологии здорового человека, которая будет

преподана в 1-й семестр академического 1850/51 года"¹⁸. Эта программа для нас интересна и тем, что она дает довольно полное представление о состоянии физиологии в ведущем университете страны, и тем, что она опубликована как раз в тот год, когда на медицинский факультет Московского университета поступил учиться И.М. Сеченов. Он слушал лекции И.Т. Глебова, которые читались именно по этой программе, и не здесь ли кроются истоки его интереса к физиологии, истоки некоторых его теоретических положений, высказанных в первых его научных публикациях, в тезисах его докторской диссертации, когда он еще не вел систематических экспериментов.

Начинается программа определением физиологии как науки. "Физиология, – пишет он, – в обширном смысле есть наука о целой натуре, в тесном – наука о жизни вообще, и в частности о жизни человека. Физиология здорового человека есть наука о здоровой жизни его"¹⁹. Следуя за своим учителем И.Е. Дядьковским, И.Т. Глебов считает, что человек неотделим от всей природы. "Нет явления на земле столь сложного, как жизнь человека. Она, как окончательный результат творения, соединяет в себе все главные видоизменения действия произвольной природы. Эти видоизменения составляют отдельно существующие жизни на земле"²⁰.

Определяя жизнь как "самосуществование тела", И.Т. Глебов подчеркивает, что она определяется двумя факторами: внутренними и внешними.

"1. Внутренние условия жизни каждого тела суть материя и сила. По разности свойства этих двух элементов жизни, главных разностей ее, существует две: А. жизнь минеральная. В. жизнь органическая... Жизнь человека включает в себе все эти видоизменения жизни земной как части и включает сверх того в сферу свою как составную часть ряд явлений, исключительно ему принадлежащих и характеризующих собственно жизнь человека – это жизнь психическую.

2. Внешние условия жизни суть: I. Интегрирующие, т.е. вещества, входящие в состав самого тела, как земля, вода, воздух и пр. II. Оживляющие, т.е. возбуждающие процессы жизни, как теплота, свет, электричество и пр."²¹

Для И.Т. Глебова, как практически и для всех ученых первой половины XIX в., был характерен аналитический подход к изучению организма, его функций. Это и нашло отражение в его программе: "Для удобнейшего изучения сложной жизни человека необходимо предварительное изучение видоизменений ее в отдельности, в простоте", – считает он²².

Целостность же организма он понимал как сумму отдельных частей, "притом все процессы здесь так тесно сливаются друг с другом,

¹⁸ Там же, оп. 357, д. 82.

¹⁹ Там же, л. 51.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 53.

²² Там же, л. 53.

что их изолировать в натуре невозможно. Наука, однако, изолирует их отвлеченно и в жизни человека каждый отдельно исследует один за другим. Такой искусственный анализ целой жизни на части и исследование каждой отдельно, – указывает И.Т. Глебов, – в определенном порядке составляет систему науки"²³.

Изучение физиологии, так же как и познание закономерностей функций человеческого организма, по мнению И.Т. Глебова, должно базироваться на знании естественных наук: физики, химии, минералогии, ботаники, зоологии и др. В то время на медицинских факультетах эти науки относились к числу вспомогательных дисциплин. И.Т. Глебов же считает, что "их должно называть элементарными основными, ибо из их частных знаний слагается наконец целое физиологическое знание человека, сложное знание жизни его"²⁴.

В связи с этим хотелось бы несколько более подробно остановиться на одном обстоятельстве, на которое обратил внимание еще С.Р. Микулинский [II, 34, с. 100]. В "Автобиографических записках" И.М. Сеченов, вспоминая о И.Т. Глебове и высоко отзываясь о его лекциях по сравнительной физиологии и анатомии, в то же время сетовал, что лекции Ивана Тимофеевича по физиологии отстали от науки и содержали старый материал. "Из его лекций мы не узнали даже такого факта, – пишет он, – как остановка сердца возбуждением бродящего (блуждающего. – В.М.) нерва... Другое дело, – заключает И.М. Сеченов, – если бы Ив. Тимоф. читал физиологию по существовавшему уже тогда знаменитому учебнику Иоганна Мюллера; но этого не было. Он, очевидно, придерживался французов. Это я заключаю из того, что в его лекциях и помина не было о том, что физиология есть прикладная физикохимия" [II, 48, с. 53].

Трудно согласиться с подобным высказыванием И.М. Сеченова. И.Т. Глебов, будучи учеником И.Е. Дядьковского, при изучении физиологических процессов в живом организме четко придерживался взгляда своего учителя. "Учение Дядьковского, – писал он, – может быть названо физико-химическим учением. Дядьковский был глубокомыслящий физик и химик в медицине, врач-философ. Учение его было полное, всестороннее, а не одностороннее, как учение гуморальное, солидарное, раздражительное, возбуждательное, воспалительное и пр. и пр." [I, 6, с. 325].

Даже если только внимательнее вчитаться в программу по курсу физиологии здорового человека, составленную И.Т. Глебовым, ясна будет ошибочность заявления И.М. Сеченова. Он пишет, "если бы Ив. Тимоф. читал физиологию по существовавшему уже тогда знаменитому учебнику Иоганна Мюллера". А ведь это так и было. В указанной программе совершенно определенно сказано: "Главным руководством при изложении лекций по физиологии здорового человека по программе служит физиология И. Мюллера... Студентам рекомендую в руководство физиологию Филомафитского.

²³ Там же, л. 52–53.

²⁴ Там же, л. 52.

Для пополнения и критики соображаю с физиологическими сочинениями Галлера, Бурдаха, Ришерана, Рудольфи; Тревирана, Каруса, Чарльза Белла, Флюранса, Маршала Галя, Лонже, Тидемана, Швана, Рейхарта, Лёре, Дюже и пр. и для современности с периодическими изданиями, а именно с Архивом Мюллера... с записками академий наук Парижской, Берлинской, Петербургской и других по отделу естественных наук вообще и медицинских в особенности"²⁵.

Таким образом, не может быть и речи о том, что И.Т. Глебову оставались неизвестны новейшие работы по физиологии. Больше того, И.Т. Глебову импонировал учебник И. Мюллера, выдержавший несколько изданий, в котором физиология была представлена как экспериментальная наука. Если же он действительно недостаточно обращал внимание студентов на работы выдающегося немецкого физиолога, то, скорее всего, потому, что философские взгляды И. Мюллера, примыкавшего к кантианству, были чужды материалистическому, "положительному", как тогда говорили, направлению, в котором был воспитан и которого придерживался И.Т. Глебов [II, 34, с. 100].

Что же касается сомнений И.М. Сеченова относительно осведомленности И.Т. Глебова об опытах братьев Вебер по тормозному влиянию блуждающего нерва на работу сердца, то, как мы увидим ниже, здесь же на кафедре под руководством и при участии И.Т. Глебова его сотрудник А.Н. Орловский широко проводил экспериментальное изучение этого феномена и неоднократно демонстрировал его студентам. Думается, что подобная ошибка в воспоминаниях И.М. Сеченова объясняется только тем, что они писались им спустя почти 60 лет и кое-что стерлось из памяти ученого.

Метод изложения предмета, которому следовал И.Т. Глебов, был следующий: "Первоначально изъяснить процесс теоретически, а потом повторяется опытом на живых животных. Каждый опыт описывается студентом. Описание читается и разбирается критически в присутствии всех студентов; в случае затруднений одного в объяснении явлений спрашивается другой, третий и т.д. Кроме того, студенты сами на 2-м полугодии делают опыты и описывают"²⁶.

Физиология преподавалась 6 часов в неделю в продолжение целого академического года, с небольшими вариациями. Из них 4 часа отводились на чтение лекций, а 2 часа каждую неделю, и именно в понедельник в последние часы занятий, посвящались собственно экспериментам. При проведении каждого опыта два студента были помощниками преподавателя. Они описывали ход опыта, ассистировали при проведении эксперимента. Затем эти студенты наблюдали за опытным животным до тех пор, пока оно не выздоровеет или умрет. В последнем случае животное студентами вскрывалось с подробным описанием увиденного на секции.

Все явления, имеющие значение в опыте, как уже отмечалось, студенты описывали и должны были давать им свое толкование. Потом

²⁵ Там же, л. 58.

²⁶ Там же.

все это зачитывалось в присутствии всего курса в один из понедельников и разбиралось, причем выяснялось мнение каждого студента о значении описываемых явлений, так что лекция по понедельникам была обыкновенно самая оживленная и продолжительная. Она требовала от студентов большого напряжения и, конечно же, знания материала. Результаты опытов принимались в расчет при выставлении оценок по физиологии. Больше того, без этой оценки студент не получал окончательной аттестации и не мог быть переведен на следующий курс [I, 13].

А таких опытов делалось немало. Проводились опыты: а) над пищеварением в полости рта, желудке и кишечнике; б) над всасыванием разных веществ разными поверхностями тела, и в частности венами, млечными и другими лимфатическими сосудами и пр.; в) над кровообращением: над самой кровью, над ее движением, над действием сердца и сосудов; г) над дыханием животных, дышущих как в атмосфере, так и в воде; д) над отделениями, для чего делались вырезывание органов, перевязка сосудов, идущих к отдельным органам, вырезалась селезенка и пр.; е) более всего делалось опытов над отправлением нервной системы, как над частями центров ее, головных и спинных, так и над разными нервами... Короче, по всем частям физиологии ежегодно были проделываемы опыты, "служащие к объяснению главнейших фактов и некоторых подробностей. Делались опыты с ядами, лекарствами, красильными и пахучими веществами и пр.; делались исследования крови при помощи механических, микроскопических и химических веществ.

При помощи микроскопов каждый год показывались все элементарные анатомические ткани (histologia) и морфологические свойства питательных и отдельных соков тела человеческого и вообще животного студентам целого курса, всем до одного без исключения, по списку" [I, 13].

Репутация И.Т. Глебова в университете как педагога и лектора была исключительно высокая. "Лекция по физиологии, – считал он, – как и всякая лекция, должна представлять собой связное, строго-логически последовательное рассуждение" [Там же]. Интересны воспоминания И.М. Сеченова о манере чтения лекций И.Т. Глебовым: "Излюбленную им манеру излагать факты можно сравнить с манерой судебного следователя допрашивать обвиняемого: именно, существенный вопрос, о котором заходила речь, он не высказывал прямо, а держал его в уме и к ответу на него подходил исподволь, иногда даже окольными путями. Как человек умный, свои постепенные подходы он вел с виду так ловко, что они получали иногда характер некоторого ехидства... Соответственная манера читать лекции не могла не нравиться, и лично для меня Иван Тимофеевич был одним из наиболее интересных профессоров" [II, 48, с. 53].

С.П. Боткин, слушавший лекции И.Т. Глебова, писал в 1880 г.: "Всякий, кому пришлось учиться в Московском университете, помнит то громадное впечатление, которое производили лекции профессора Глебова на учащихся. В высшей степени ясное, живое и критическое

изложение предмета возбуждало в слушателях тот интерес к науке, ту искреннюю любовь к истине, которые составляют одно из существенных условий развития истинного ученого. Из Московского университета вышло несколько замечательных физиологов, и между ними профессор Сеченов" [II, 8].

Популярность И.Т. Глебова в этот период в Московском университете была не меньше, чем известного профессора всеобщей истории университета Т.Н. Грановского, о котором Н.Г. Чернышевский говорил, что он был одним из сильнейших посредников между наукой и обществом. «Едва ли мы ошибемся, если скажем, – писал один из учеников И.Т. Глебова в 1884 г. в "Московских ведомостях", – что после Грановского его физиологическая аудитория была наиболее переполнена слушателями, и притом не только обязательными, т.е. медиками, но и необязательными – естестволюбцами» [II, 18].

Интересна характеристика, которую дает профессору И.Т. Глебову известный русский врач, яркий представитель отечественной общественной медицины, журналист-демократ Н.А. Белоголовый, близкий к прогрессивным литературным кружкам Петербурга и особенно к "Отечественным запискам", когда в них активно сотрудничали М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов и другие известные русские писатели [II, 4, с. 67]. В своих воспоминаниях о Московском университете, опубликованных в 1901 г., он писал: "Физиологию читал И.Т. Глебов... Он добросовестно следил за развитием своей науки на Западе, и если в его изложении и были, может быть, кой-какие пробелы, они щедро выкупались его живой и увлекательной дикцией и тем огромным интересом, какой присущ самой физиологии как науке; оттого аудитория его всегда была битком набита внимательными и симпатизирующими лектору слушателями" [II, 37, с. 209].

"О том, каковы были его лекции физиологические, – сказал в своем приветствии профессор Варшавского университета Н.А. Андреев на юбилее 50-летней службы И.Т. Глебова, – всего лучше свидетельствует то, что в Московском университете он зародил и потом в С.-Петербургской медико-хирургической академии сам же воспринял двух российских алмазов нормальной и патологической физиологии – Сеченова и Боткина" [II, 40, с. 70].

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что не все столь восторженно отзывались о профессоре И.Т. Глебове. Так, один "доживающий свой век смоленский дворянин", вспоминая на старости лет о времени обучения в Московском университете и его профессорах, писал о И.Т. Глебове: "Угрюмый, желчный и крайне раздражительный человек; и в словах его, и в жестах ежеминутно высказывалось какое-то нетерпение, даже лекции он читал как будто торопился скорее окончить, а его мрачные глаза почти злобно глядели из-за золотых очков. Профессор, впрочем, он был замечательный и по учености, и по красноречию изложения, на экзамене был строг до неприятности" [II, 9, с. 194].

Действительно, на экзаменах, на том, как их принимал И.Т. Глебов, стоит остановиться особо.

Оканчивающие медицинские факультеты университетов по желанию могли получить одну из медицинских степеней: лекаря или доктора. Для получения степени доктора необходимо было сдать дополнительные экзамены. Наличие докторского диплома давало его владельцу возможность замещать старшие врачебные должности как в военном, так и в гражданском ведомстве, а также занимать места старших госпитальных врачей, инспекторов врачебных управ и т.п. Как правило, эти должности довольно легко доставались воспитанникам Дерптского университета, которые в большинстве своем по его окончании получали докторские дипломы, воспитанники же русских университетов везде были обречены на роли младших врачей. "Всякий, кому хоть сколько-нибудь известна материальная нужда тогдашних провинциальных врачей, – писал Н.А. Белоголовый, – поймет, как их угнетали и деморализовали такое приниженное положение и почти абсолютная невозможность выбиться из него, потому что нужны были незаурядная энергия и редкая счастливая случайность, чтобы добраться до университетского города впоследствии и, выдержав докторский экзамен, открыть себе дипломом дорогу к лучшему будущему" [II, 37, с. 216].

Московский университет был известен своей неумолимой строгостью к тем из оканчивающих курс, которые изъявили намерение держать прямо экзамен на доктора. Такие желающие, конечно же, находились в каждом выпуске, но в большинстве случаев они делались жертвами беспощадного ригоризма экзаменаторов, а если кому-нибудь и удавалось благополучно пройти весь длинный строй испытаний, то он неизбежно проваливался на экзамене по физиологии у И.Т. Глебова.

И.Т. Глебов слыл грозой московских студентов-медиков за свою беспощадную взыскательность на докторских экзаменах. Но даже несмотря на эту строгость, он пользовался среди них большим уважением и авторитетом, как человек очень умный и справедливый. Самому безукоризненному искателю докторского диплома И.Т. Глебов неизменно повторял одну и ту же фразу:

"Вы приготовились прекрасно, отвечали превосходно, а все-таки я вас пропустить не могу, и вот почему: все различие между доктором и лекарем, так как наука все одна и та же, заключается только в количестве и объеме познаний, т.е. первый гораздо начитаннее и сведущее второго, а я, по личному опыту и по наблюдению над товарищами, знаю, что как бы способен и прилежен ни был студент, а ему только что в пору управиться с изучением обязательных лекций и учебников и решительно не хватает времени расширять свои познания чтением более специализирующих предмет научных сочинений" [Там же, с. 215–216].

Бесспорно, указывает Н.А. Белоголовый, точка зрения И.Т. Глебова на докторский экзамен не лишена логичности и справедливости, но лишение соискателя докторского диплома ставило его в крайне зависимое материальное и социальное положение.

Студенты боялись И.Т. Глебова на экзаменах, как огня. "Мне даже случилось видеть на экзамене одного из своих товарищей

спрятавшимся под скамейку, чтобы не быть вызванным после погрома, претерпевшего его предшественником по алфавиту", – писал в "Автобиографических записках" И.М. Сеченов. Вот как он описывает случай, происшедший на одном из экзаменов.

"В том году много разговоров между студентами возбудил экзамен у Глебова на звание доктора младшего прозектора по анатомии Б. Вытянул он очень простой билет – о свертывании крови, но, должно быть, сильно оробел, потому что сказал:

– Если возьмем палочку (этими словами начинался в записках Глебова трактат о свертывании крови), – и замолчал.

Он не смог ответить на последовавшие затем два вопроса профессора:

– Что же будет, если взять палочку? – спросил И.Т. Глебов.

– . . .

– Что же будет, если не взять палочку? – последовал новый вопрос.

–

Не получив ответа на свои вопросы, Глебов показал в списке рядом с фамилией экзаменуемого единицу и сказал ему:

– Вот что будет" [Там же, с. 53].

Не менее интересен и случай, происшедший на экзамене с С.П. Боткиным. Сергей Петрович был в числе пяти или шести храбрцов, решивших идти на штурм докторской степени, не взирая на столь неодолимые препятствия, и подал прошение о допуске его к докторскому экзамену. Всех соискателей постигла обычная судьба: они получили лекарский диплом, за исключением С.П. Боткина. Он благополучно сдал все экзамены, и только И.Т. Глебов, верный своему взгляду, не пропустил его. Однако, по видимому отличив его способности от способностей предыдущих экзаменуемых, он предложил ему явиться после дополнительной подготовки, посоветовав летом больше читать физиологическую литературу. Это было очень необычно, но тем не менее вселяло какую-то надежду на удачный исход. В то время как все товарищи по курсу отдыхали и хлопотали о рабочих местах, Сергей Петрович уединился на все лето на даче в селе Архангельском и стал готовиться к переэкзаменовке по физиологии.

Через три месяца, 19 августа, он сдал экзамен И.Т. Глебову и, получив звание "лекарь с отличием", отправился в Крым на фронт, где в течение короткого времени работал в качестве ординатора в одном из госпиталей в Симферополе.

ОБЩЕБИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ И.Т. ГЛЕБОВА

Нужно иметь смелость высказывать свои убеждения.

И.М. Сеченов

Жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентации.

А. Швейцер

Проводившаяся в стенах Московского университета серьезная теоретическая и практическая деятельность сыграла существенную роль в развитии отечественной физиологии. В первой половине XIX в. как в России, так и за рубежом развернулась острая борьба за утверждение экспериментального направления в физиологии, опиравшегося на опыт, который, по выражению А.Н. Радищева, есть "основание всего естественного познания" [II, 46, с. 50]. Стремление глубже проникнуть в сущность физиологических процессов, познать объективные законы деятельности организма – вот те причины, которые возродили к жизни новое философское и научное направление, противоположное господствовавшему в то время (особенно за рубежом) натуралистическому, умозрительному.

Это передовое направление в России формировалось под значительным влиянием отечественной философской материалистической мысли, заложенной в конце XVIII в. М.В. Ломоносовым и А.Н. Радищевым и получившей развитие в трудах русских просветителей-демократов XIX в. А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова. В их работах выдвигался целый ряд принципиальных вопросов строго научного познания закономерностей природы и общества, развивалась материалистическая мысль о неразделимости организма и окружающей среды и их взаимовлиянии.

На рубеже XVIII и XIX вв. в обострении двух противоположных направлений в развитии естествознания (старого – умозрительного и нового – экспериментального) большую роль сыграли ученые Московского университета. Проблема целостности организма, материалистический подход к изучению психических явлений, борьба с идеализмом в любых его проявлениях всегда характеризовали деятельность прогрессивных ученых университета, и в частности И.Т. Глебова. Наиболее полно эти взгляды нашли отражение в речи, с которой он выступил 12 января 1856 г. на актовом дне Московского университета.

Торжественные годовичные акты были большим и важным событием в жизни Московского университета. Их проведение первоначально приурочивалось к таким знаменательным датам, как опубликование указа Сената об учреждении Московского университета – 12 января

(23 января) 1755 г. или день торжественного открытия университета – 26 апреля (7 мая) 1755 г. На торжественном акте виднейшие профессора Московского университета произносили актовые речи, которые были событиями большой научной важности и имели к тому же общеобразовательное значение для всех мыслящих людей России. Первый торжественный акт в Московском университете состоялся ровно через год после его открытия – 26 апреля, спустя несколько лет торжественные акты стали проводиться 12 января.

Актовую речь поручалось произнести наиболее заслуженным и уважаемым профессорам, внесшим существенный вклад в развитие отечественной науки, а темами их выступлений были наиболее актуальные проблемы науки. С актовыми речами выступали такие выдающиеся ученые-медики, как И.Ф. Эразмус (1765 г.), С.Г. Зыбелин (1768, 1775 гг.), И.И. Вечь (1770 г.), Ф.Ф. Керестури (1783 г.), М.Я. Мудров (1809, 1820 гг.), И.Е. Грузинов (1812 г.), Е.О. Мухин (1817 г.), И.Е. Дядьковский (1833 г.), А.М. Филомафитский (1844 г.), И.Ф. Иноземцев (1845 г.), В.А. Басов (1851 г.), А.И. Полунин (1852 г.) и др.

В этот день отмечались заслуги лучших профессоров, преподавателей и студентов. Наиболее отличившиеся в учении студенты награждались золотыми и серебряными медалями, им вручались шпаги и памятные книги. В дни торжественных актов здание университета украшалось, организовывалась праздничная иллюминация. Помимо профессоров, преподавателей и студентов, на торжественный акт приглашались почетные гости, выдающиеся ученые, писатели, деятели искусств, государственные деятели, приезжали и иностранные гости [II, 47, с. 3].

Торжественные акты Московского университета были выдающимися событиями в жизни не только Москвы, но и всей России. В 1838 г. В.Г. Белинский писал, что произносимые на них речи и публикуемые о них отчеты представляют собой драгоценные документы истории этого первого и важнейшего учебного заведения России. По ним, считал он, как по живым летописям можно следить за его ежегодными успехами, за каждым шагом его вперед. Позже эта традиция была подхвачена и другими учебными заведениями страны.

На заседании Совета Московского университета 20 июня 1855 г. его ректор П.М. Терновский объявил, что к торжественному годичному собранию 12 января 1856 г. по решению членов Совета профессорам И.Т. Глебову и С.Н. Орнатскому поручается подготовить лекции, при этом "первому написать речь на латинском языке, а последнему на русском"¹. Обе речи: И.Т. Глебова "De ratione, quam physiologia cum aliis medicis habet" ("Об отношении физиологии к прочим врачебным наукам") и С.Н. Орнатского "О единстве всеобщего, высшего закона правды, в сравнении с множеством и разнообразием положительных законов в разных человеческих обществах" – были отпечатаны в университетской типографии.

Свою речь И.Т. Глебов начинает с четкой постановки цели и задачи,

¹ ЦГИАМ, ф. 418, оп. 24, д. 176, л. 23.

РѢЧЬ
ОБЪ ОТНОШЕНІИ ФИЗИОЛОГІИ

КЪ

ПРОЧИШЬ ВРАЧЕВНИШЬ НАУКАМЪ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

12-го января 1856 года,

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ

Ив. Глебовича.

(Съ нѣкоторыми прибавленіями противъ латинскаго подлинника).

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.
1856.

Титульный лист
актовой речи И.Т. Глебова, 1856 г.

которые стоят перед физиологией как наукой: "Предмет физиологии есть живое тело, – указывает он, – а задача ее – объяснение жизни этого живого тела..." Следовательно, приходит он к заключению, прежде всего необходимо решить важнейший и едва ли не труднейший из всех вопросов, какие только ум человека задавал себе: "Что такое жизнь?" И совершенно определенно отвечает: "По моему мнению, жизнь, составляющая задачу физиологии, в обширном смысле есть самообразование и самосуществование тела... или самосохранение целостности его" [I, 8, с. 4]. В этой фразе совершенно определенно слышится мысль, которая позже в физиологии будет известна как принцип саморегуляции.

По мнению И.Т. Глебова, именно эти признаки составляют постоянную принадлежность как самой сложной, так и самой простой жизни, существующей на земле. Таким образом, считает он, жизнь существует там, где есть тело, "ибо, пока тело не существует, о жизни его и мысли быть не может". Признаки, составляющие основу жизни, присущи телам всех "трех царств природы", т.е. животным, растениям и минералам.

Критикуя представления древних и некоторых современных ему ученых, которые проводят резкую грань между живыми и мертвыми телами, И.Т. Глебов пишет: "Мы, напротив, считаем тела земные все живыми, не исключая и минералов, и именно потому, что и минералы точно такую же внутреннюю, собственную силою сохраняются, как растения, животные и самый человек... И потому, признавая все эти тела живыми, мы отвергаем разделение их на мертвые и живые и признаем вместо его деление, принятое большею частью авторов, на неорганические и органические" [Там же, с. 7].

И.Т. Глебов считает, что процесс самообразования и самосохранения во всех телах в основном один и тот же, но существуют и частные явления и специальные процессы жизни, которые их различают, а следовательно, и жизнь тел, принадлежащих к различным царствам природы, различна. Различие жизни органических и неорганических тел заключается, полагает он, в их составе, форме, способе образования и способе существования.

Анализируя состав органических и неорганических тел, И.Т. Глебов приходит к заключению, что между ними нет существенного различия по химическому составу, как это считали раньше, "что те и другие образованы из одних и тех же элементов". Касаясь особенностей формы тел, он указывает, что "она есть результат определенной внутренней деятельности, и притом до того постоянной, что целый род и вид определенных тел совсем истребится, нежели изменит свою видовую или родовую форму". Следовательно, заключает ученый, постоянство внешней формы тела есть важнейшая черта, определяющая существование тела в окружающей его среде.

Однако И.Т. Глебов обращает внимание и на различия в способе образования органических и неорганических тел. Способ образования органического тела, полагает он, значительно сложнее и более разнообразен, чем тел неорганических. "В организме атомы, прежде нежели

составить тело, образуют малейшие отдельные пузырьки, называемые клеточками. Эти-то клеточки, или пузырьки, чрез взаимное их объединение и различное изменение образуют весьма разные части, называемые тканями. Чрез взаимное сложение, проникание и переплетение тканей составляются органы, или орудия, назначенные для выполнения определенных жизненных отправления. Из соединения сих последних, наконец, образуется тело, которое потому и называется органическим телом, организмом" [Там же, с. 10].

Тем не менее он указывает, что различие в способе образования неорганических и органических тел не столь уж резко выражено, поскольку первоначальный процесс образования, т.е. движение атомов, как в кристалле, так и в организме, один и тот же.

Значительные различия видит он в способе существования органических и неорганических тел. По его мнению, если жизнь минеральных веществ характеризуется неизменяемостью составляющих их веществ и формы, то совершенно противоположным образом существует органическое тело. "Оно сохраняет свое бытие, свою цельность не иначе, как непрерывно изменяя вещество, его составляющее, чрез беспрестанное принятие нового вещества внутрь (*intussusceptio*), извержение старого вон (*secretio et excretio*), при сохранении, однако, одной и той же формы и того же состава. Таким образом, в органическом теле происходит беспрестанное движение атомов вещества, составляющего его, и это движение есть собственно жизнь органическая. Для этого движения вещества в органическом теле существуют пути, которые составляют большею частью особые аппараты и органы" [Там же, с. 12].

Как мы уже отмечали, И.Т. Глебов считал, что движение кристаллов происходит и в неорганических телах. Но это движение, полагал он, незначительно и зависит "от чрезвычайного напряжения силы, находящейся в них и удерживающей их в соединении".

Давая подробную характеристику жизни в органических телах, И.Т. Глебов отмечает, что и среди них имеются различия. Жизнь животного отличается от жизни растения, и различие это выражается также в их составе, форме, способе образования и существования. Правда, анализируя состав растительной и животной жизни, он признает, что "тела разных царств природы, как ни кажутся различны с первого взгляда и особенно в своих крайностях, всегда, однако, имеют точки, которые взаимно соприкасаются, между собой связываются и представляют постепенный переход из одного царства природы в другое" [Там же, с. 16].

При описании способа существования растительных и животных организмов И.Т. Глебов отмечает, что именно здесь заключается их существенная разница. Если кристалл образуется из минеральных веществ, отмечает он, то органическая материя предварительно проходит различные фазы, изменения формы, прежде чем образуется организм. "Первоначально в прозрачной органической жидкости появляются, как первые, неопределенные и непостоянные твердые формы органического вещества, крупинки (*moleculae*), которые и

делают эту жидкость мутною; из сих, потом, зерна (grana), далее ядра (nuclei) – все это со многими другими промежуточными видоизменениями; около этих, наконец, являются клеточки (cellule), уже определенные и постоянные формы органического вещества, как выше видели" [Там же].

Из приведенного высказывания видно, что И.Т. Глебов допускал не только происхождения клетки от клетки, но и возможность ее происхождения из доклеточной субстанции, хотя и отмечал, что существенной разницы в жизнедеятельности животной и растительной клетки нет. "Каждая из таких клеточек состоит из оболочки, полости и содержимого... В клеточке замечается процесс самообразования, питания, рращения, самосохранения и процесс рождения новых клеточек; коротко в клеточке мы видим полный круг главных явлений жизни, замечаемых в целом сложном органическом теле. И этот процесс жизни клеточки, жизни весьма простой, но полной, свойствен как клеточке растения, так и клеточке животного одинаким образом" [Там же, с. 16–17].

Последующая часть доклада была посвящена детальному описанию различия дальнейшего развития растительных и животных клеток. Если растительная клетка, указывает он, как бы не изменяла она свою форму, всегда остается клеткой самостоятельно существующей, "материально-самостоятельно-ограниченную, динамически самостоятельно-деятельною частью" растения (иначе говоря, И.Т. Глебов считает растение своего рода механически соединенными множественными клетками, способными жить вместе и отдельно), то животный организм представляет собой целое как в анатомическом, так и в физиологическом отношении, в котором каждая клетка есть органическая часть целого. "Здесь она (клетка. – В.М.) превращается в волокно, которое идет по телу, переплетается с другими волокнами и таким образом связывает части его одну с другой так, что все они вместе только составляют одно целое, одно неделимое: individuum. Потому в животном теле части его находятся в таком материально-органическом отношении между собою, что выделить из тела одну из них, без повреждения других и часто всей целости его, невозможно... а потому животное делить на части, как растение, без расстройства жизни нельзя" [I, 8, с. 18].

Однако существенное различие между растительными и животными телами, по мнению ученого, находится в другом. "В последних, – пишет он, – образуются еще две замечательнейшие ткани, и именно – мышечная и нервная; вместе с ними в теле животном обнаруживаются такие два явления жизни, которые отличают животных от растений, – это движение и чувство" [Там же].

И.Т. Глебов рассматривает жизнь на земле "в трех ее царствах" в динамике как процесс непрерывного развития высших форм из низших. Таким образом, он выступает как ученый-эволюционист, для которого органический мир не механическая совокупность признаков, а сложный процесс непрерывного изменения и развития. Для него совершенно ясно, что жизнь в любом из этих "царств" определяется двумя не-

разрывными факторами: внутренними и внешними. "Внутренние условия жизни каждого тела суть материя и сила... Внешние условия жизни суть... вещества, входящие в состав самого тела, как земля, вода, воздух и пр. (и) возбуждающие процессы жизни, как теплота, свет, электричество"².

Далее И.Т. Глебов подробно останавливается на особенностях, присущих человеку. Он, так же как и И.Е. Дядьковский, не отделяет человека от всей природы, а считает, что изучить и понять сложность явлений жизни человеческого организма можно только, основываясь на изучении жизни "всех трех царств природы": минеральной, растительной и животной. "Жизнь человека есть соединение всех доселе рассмотренных жизней, в состав ее входят и явления жизни минеральной, и явления жизни растительной, и явления жизни животной" [Там же, с. 22].

Однако, замечает он, только к совокупности всех этих закономерностей понятие жизни человека не сводится, так как человек в процессе развития приобретает совершенно новые качества, которые свойственны только ему и которые характеризуют собственно жизнь только человеческую, – это "ряд явлений жизни психической или духовной, которые суть разумение и разумное, или свободное, или нравственное действие" [Там же, с. 22].

Важную роль в изучении жизнедеятельности организма человека И.Т. Глебов отводит физиологии, которая "в обширном смысле есть наука о целой натуре, в тесном – наука о жизни вообще, и в частности о жизни человека. Физиология здорового человека есть наука о здоровой жизни его"³.

Жизнь человека, по И.Т. Глебову, определяется теми условиями окружающей среды, в которых он находится и развивается. А "так как процесс жизни человека, равно как и во всяком органическом теле, иначе не совершается, как под влиянием внешних стимулов, то физиология неизбежно должна изучать еще и эти стимулы и определять их образ действия на тело человека". Здесь совершенно четко видна приверженность И.Т. Глебова к признанию единства организма и окружающей среды, что было наиболее характерно для московской физиологической школы.

Все факторы внешней среды, оказывающие влияние на развитие организма человека, И.Т. Глебов делит на две большие группы: а) весомые, или материальные: вода, воздух, пища и питье и пр., б) невесомые: теплота, свет, электричество. В своей речи он подробно останавливается на значении каждого из этих факторов. Так, вода, указывает он, "играет важную роль в экономии живого тела"; влияние воздуха на организм определяется "в физико-химическом и физико-динамическом действии составных частей его"; пища, "с одной стороны, доставляет организму пластическое вещество, собственно превращающееся в существо тканей тела... с другой стороны, она доставляет телу

² Там же, оп. 357, д. 82, л. 53.

³ Там же, л. 51.

материал для горения внутри его и развития теплоты, необходимой для всех процессов" [Там же, с. 28].

Касаясь влияния света на организм человека, он пишет, что "он есть сильнейший химический деятель в натуре. Он образовал из атмосферы целое царство растительное, эту величайшую лабораторию органической материи, составляющей пищу, материал для образования животного царства" [Там же, с. 30].

Однако его интересует не только вопрос о влиянии света на физико-химические процессы, он отмечает, что свет как фактор внешней среды оказывает различное влияние и на здоровье человека, его развитие в зависимости от условий и образа жизни человека, его социального положения. "Люди, живущие в темных подвалах, привратники, узники, рудокопы и подобные, обыкновенно бывают малорослы, дурно сложены, обрюзгли, одутловаты, флегматичны, отечны, подвержены английской болезни, девичьей немощи, золотушны, чахоточны и пр." Напротив того: "Богатые и знатные дамы, особенно дочери их, проводя все утро и даже большую часть дня во сне, а ночь в бодрствовании и бессоннице, в пышных палатах, хотя при ярком свете свечей и ламп, бледнеют, желтеют, зеленеют, вырастают длинны, тонки, тощи, нервны, истеричны" [Там же].

В части речи, посвященной влиянию на организм электричества, И.Т. Глебов приводит обстоятельный исторический обзор различных концепций (Л. Гальвани, А. Вольта, Э. Дюбуа-Реймона и др.) на природу электрических процессов в животном организме. Не опровергая ни одного из приведенных многочисленных мнений по этому вопросу, он считает, что "как бы то ни было, но в теле человеческого живом токи электрические, без сомнения, должны быть... нельзя сомневаться в том, чтобы не было в живом органическом и человеческом теле электрических токов". А если так, то электричество оказывает свое влияние на живые тела, хотя действие его на организм человека незаметно, говорит И.Т. Глебов, так как организм человека является хорошим проводником электричества.

"Электричество... оказывает действие на нервную систему человека, то возбуждая нервы чувства и производя в них различные ощущения, начиная с чувства легкого щекотания до чувства сильной боли, то раздражая нервы движения и производя в мышцах разнообразные сокращения, начиная с едва заметных содроганий до титанических судорог. От такого влияния на нервы напрягаются все отправления и процессы в теле: волосное кровообращение становится деятельнее, отделения изменяются; желудочное пищеварение и по перерезке легочно-желудочного нерва продолжается, если гальванический ток направлен будет к желудку по отрезанной части нерва" [Там же, с. 31–32].

Влияние электричества сказывается и на поведении человека. "Такое влияние электричества, – указывает И.Т. Глебов, – обыкновенно замечается за несколько дней перед грозами... При приближении таких гроз люди нервные и сангвиники чувствуют боль головы, содрогание в мышцах, летучие боли по всему телу, тягость головы и

расслабление всех членов; страждущие от ран замечают усиление болей в них и делаются более расположенными к припадкам столбняка; внутренние острые болезни ожесточаются. Особенности необъяснимые действия электрических возмущений атмосферы на нервную систему обнаруживаются у людей самых отважных и великих духом невольною безотчетною боязливостью, переходящею иногда в невыразимые муки страха и даже отчаяния" [Там же, с. 32].

Несомненно, что материалистическая позиция И.Т. Глебова в отношении проблемы единства организма и среды роднит его со взглядами его учителя И.Е. Дядьковского, который рассматривал жизнь человека как постоянное и непрерывное взаимодействие "сил внешних" (окружающей природы) и внутренних, присущих самому организму человека. "Взаимное непрерывное действие исчисленных сил тела человеческого, т.е. внешних на внутренние и внутренних на внешние, составляет жизнь, – писал И.Е. Дядьковский. – Без этого взаимного действия сил жизнь тела человеческого нельзя даже представить" [II, 17, с. 84].

Таким образом, продолжая славные материалистические традиции, заложенные в русской науке М.В. Ломоносовым, А.Н. Радищевым и другими авторами, И.Т. Глебов вместе с выдающимися учеными-физиологами Московского университета С.Г. Зыбелиным, Е.О. Мухиным, А.М. Филомафитским отстаивал идею единства организма и внешней среды, определяющей роли факторов окружающей среды в жизнедеятельности организмов, зависимости сложных проявлений, происходящих в организме человека, в том числе и психических, от этих факторов.

Отмечая важную роль окружающей среды в жизнедеятельности человека, его здоровье, профессиональной активности, характере питания, И.Т. Глебов указывал на необходимость учета социальных факторов и их изучения, так как они не только влияют на физическое здоровье человека, но и формируют его характер. И.Т. Глебов видел взаимосвязь социального и биологического в понимании жизнедеятельности человека и призывал не только учитывать это, но и активно изучать.

Материалистическое понимание влияния внешней среды на организм человека проявилось и в его взглядах на взаимоотношение физиологии и медицины. Точка зрения И.Т. Глебова здесь совершенно определенная: "Физиология... есть прямо часть практической медицины, и притом есть начальная исходная точка для всех практических действий врача" [I, 8, с. 36].

Физиология для врача, по образному выражению И.Т. Глебова, "составляет истинный светильник, освещающий тайны внутренней жизни человека... она есть ключ, отпирающий врачу двери в храмину тела человеческого" [Там же, с. 56]. Используя этот ключ, врач сможет познать те условия, которые либо способствуют сохранению здоровья, либо являются причиной болезней. "А узнавши эти условия, стоит только подчинить их своей власти, чтобы уметь управлять ими по своему произволу; тогда с помощью их одних можно будет управлять развитием, ростом и полною жизнью человека, равно как

сохранением его здоровья и исцелением болезни. Но можно ли так подчинить эти условия своей власти? – задается вопросом И.Т. Глебов и совершенно определенно отвечает: Можно... ибо если механик управляет этими условиями по своему произволу в машине, им же самым сделанной, физик – в громоотводе, химик – в вольтовом столбе, садовник – и вообще земледelec – в организме растительном, хозяин скотовод – в организме животном, то может ли быть, чтоб врач не мог подчинить своей власти и пользоваться ими по своему расчету? Без всякого сомнения, может и может единственно посредством этих условий и законов улучшить соки в организме человека, поправить телосложение его, возвысить физическую жизнь его, утвердить и укрепить его здоровье, и, если произойдет болезнь, уничтожить ее" [I, 8, с. 57–58].

В этих словах твердая уверенность ученого в науке, ее возможностях сохранить и приумножить здоровье человека. Уверенность в необходимости союза медицины и физиологии, так как только физиология способна объяснить, что такое здоровье ("Это есть нормальная, типическая жизнь"), способна объяснить, что такое болезнь ("Это есть видоизменение физиологической жизни, т.е. процессов, составляющих физиологическую жизнь (здоровье), состоящее в большем или меньшем отклонении их от типа, от нормы") [Там же].

И вполне понятно его отрицательное отношение к разного рода мистическим, умозрительным теориям, всезнайству в науке, шарлатанству, которые, кроме вреда, ничего не могут принести человеку. Они способны только уничтожить медицину, "науку истинную и великую, и дают ей видимость, чего-то вроде абракадабры, астрологии, алхимии, месмеризма, гомеопатии и многих других мистификаций, поражающих своею таинственностью многих, и именно таких людей, которые по темпераменту, или по воспитанию, или по образу жизни, или по особому способу понимания вещей, или по тому и другому вместе дают в себе более простора и свободы пылкому воображению, чем холодному рассудку" [I, 8, с. 40]. И.Т. Глебов совершенно убежден: "Без физиологии медицина становится шарлатанством"

Он отстаивал необходимость для врача любой специальности знания физиологии жизни человека, а для этого есть только один путь, которым следовал его учитель И.Е. Дядьковский, считавший истинным знанием только то, которое основано на опыте и подтверждается теоретическими обобщениями. Ни рационализм, ни голый эмпиризм, отдельно взятые, по его мнению, не способны привести к истине.

И.Т. Глебов тоже придает большое значение экспериментальному пути в изучении физиологических процессов. Он писал: "Но чтоб внутренность человека сделалась для врача определенно светлою, чтоб тело человека стало для него, так сказать, осязательно прозрачным, для этого нужна физиология не теоретическая и отвлеченная, а физиология наблюдательная и опытная, и последняя не просто выученная из книги, а проверенная собственными наблюдениями и

опытами. Но и этого мало. Врачу нужно, как я повторял несколько раз, обладать физиологиею, как наукою, основанною на знании физики, химии и естественной истории, и притом на знании их в такой глубине, подробности и с такою отчетностью, с какой позволяет и требует в настоящее время состояние их, чтобы он свободно, легко и верно мог разлагать каждое явление жизни человека на свои элементы, т.е. на часть его физическую, химическую, фитологическую, зоологическую и собственно антропологическую, и чтобы, таким образом, понимал ясно процесс каждого из этих элементов живого явления, видел прямо причину и обнимал сразу весь механизм его. Тогда, без сомнения, внутренность хранины тела человеческого врачу будет светла. Такая физиология необходима врачу, и так она должна быть изучаема, т.е. изучению ее непременно должно предшествовать возможно подробное и точное изучение естественной истории, физики, механики, химии. Без предварительного, глубокого изучения их изучение физиологии невозможно, а затем невозможна и рациональная медицина" [I, 8, с. 56–57].

А ведь эти взгляды на сущность познания природы И.Т. Глебов высказывал в то время, когда И. Мюллер (1801–1858) сформулировал "закон специфической энергии", отрицавший возможность объективного познания внешнего мира и достоверность наших впечатлений; когда Г. Гельмгольц (1821–1894), крупнейший естествоиспытатель XIX в., признавая реальность объективного существования внешнего мира, тем не менее склонялся к агностицизму, что нашло отражение в сформулированной им "теории символов"; когда на Западе нашел благодатную почву витализм, ярким выразителем которого в конце XVIII в. был крупный французский ученый, создатель учения о тканях М. Биша (1771–1802).

На несовместимость виталистического учения с экспериментальной наукой указывал еще К.А. Тимирязев. Согласно этому учению, свойства живых тел прямо противоположны свойствам физическим; законы, управляющие физическими и биологическими явлениями, абсолютно различны, а следовательно, оно утверждало непознаваемость биологических процессов, невозможность их управлять ими. Недаром К. Бернар (1813–1878) считал, что подобное положение М. Биша равносильно отрицанию физиологии как науки [II, 55, с. 451].

И.Т. Глебов, воспитанный на материалистических традициях отечественной науки, девиз которой "Опыт и умозрение – две необходимые истинные, действительные степени одного и того же знания" [II, 11, с. 97], был далек от подобного рода философских коллизий, не оказали на него влияния и идеи немецкой натур-философии.

В утверждении материалистического направления в физиологии, развитии физико-химического направления при изучении жизнедеятельности организмов, наконец, в постановке социальных вопросов в физиологии – в этом видится выдающаяся роль И.Т. Глебова в истории

московской физиологической школы, в развитии отечественной физиологии.

"Почему... в первой половине девятнадцатого века волна метафизического умозрения, чуть не затопившая немецкую науку, едва докатилась до наших пределов, не оставив и следа в судьбах нашей науки? – задавался вопросом К.А. Тимирязев. – Я полагаю, что все это не было делом случая, что как в выборе своих учителей, так и в блестящих, заявленных перед всем миром результатах своей собственной деятельности русский человек проявил свою природную склонность идти охотнее, а главное – успешнее, по следам Ньютона, чем по пути Платона" [II, 54, с. 43].

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Познай самого себя.

Надпись на храме Аполло а в Дельфах

Первое условие для ученого, предающегося экспериментальному исследованию естественных явлений, состоит в том, чтобы не задаваться никакой системой и сохранить полную свободу ума, основанную на философском сомнении.

К. Бернар

РАЗНЫЕ РАБОТЫ

В автобиографии, написанной в 1854 г. и опубликованной в "Биографическом словаре" преподавателей и профессоров Московского университета, И.Т. Глебов пишет: "Сочинений почти никаких не издал в свет, потому что слишком были разнообразны предметы его (Глебова. – В.М.) преподавания [I, 5, с. 225].

"Человек с большим энциклопедическим образованием", – как сказал о И.Т. Глебова президент Медико-хирургической академии В.В. Пашутин [II, 41, с. 19], он в продолжение 24-летней преподавательской деятельности в Московском университете и Московской медико-хирургической академии преподавал в разное время двенадцать различных предметов: зоологию, гистологию, сравнительную анатомию и физиологию, физиологию здорового человека, ветеринарные науки (зоотомию животных и зоофизиологию, зоопатологию, скотоводство и зоохирургию), патофизиологию и общую патологию, общую и частную терапию, акушерство.

Отдавая все силы обучению студентов, И.Т. Глебов действительно опубликовал незначительное количество научных работ. Но и тот небольшой материал, которым мы располагаем, дает нам полное право говорить о нем как о крупном ученом, который обладал не только выдающимся организаторским талантом, но и большой творческой энергией.

Одна из первых его работ (1846 г.) посвящена результатам микроскопического исследования мягких тканей мамонта [I, 3]. Материалом исследования послужили ископаемые останки доисторического животного, которые незадолго до этого были найдены купцом Трофимовым в Сибири, в зоне многолетней мерзлоты на берегу Енисея, и затем подарены им Московскому обществу испытателей природы. В этой работе И.Т. Глебов дал подробное описание микроскопического строения мозга, мышц, сухожилий, надкостницы и жировой ткани мамонта.

Работа объемом 27 страниц включала три таблицы и сопровождалась восемью рисунками. Выполненная на уровне науки того времени, это фактически одна из первых гистологических работ русских

ученых начала XIX в. Она представляет для нас интерес и в том отношении, что объектом исследования было ископаемое животное. Как считает М.Р. Микулинский, работа И.Т. Глебова "Микроскопическое исследование мягких тканей мамонта" является одним из ранних палеогистологических исследований [Ш, 35, с. 103].

Нельзя не отметить и работы И.Т. Глебова в области истории физиологии. Его перу принадлежит подробный биографический очерк И.Е. Дядьковского, который, по существу, явился основой многих последующих работ о жизни и творчестве этого выдающегося русского ученого [I, 6], очерк жизни и деятельности А.Н. Орловского [I, 10], работы по истории развития экспериментальной физиологии в России [I, 13] и др.

Из некролога, написанного И.Т. Глебовым, мы узнали о работе прозектора кафедры сравнительной анатомии и физиологии Московского университета А.Н. Орловского. Этот талантливый русский ученый, рано ушедший из жизни, с 1842 по 1856 г. проводил систематические физиологические опыты на кафедре сравнительной анатомии и физиологии, а также на кафедре физиологии здорового человека, помогал А.М. Филомафитскому в операциях переливания крови у животных. В терапевтической клинике Московского университета он успешно провел впервые в медицинской практике четыре операции переливания крови в вену холерным больным [Ш, 33, с. 98].

Давая высокую оценку мастерству изготовления А.Н. Орловским анатомических и гистологических препаратов, искусству производить физиологические опыты, И.Т. Глебов писал: "Сколько сотен собак, кроликов, морских свинок, голубей и разных птиц, черепах, ящериц, змей, лягушек, рыб, а также разных насекомых, пауков, раков, моллюсков, животного-растений и всех живых перерезал он для физиологических опытов. Трудолобивый по природе, он с одинаковой отчетливостью изготовлял как препараты крупные, так и мелкие, грубые и тонкие, нежные и микроскопические, отделял с одинаковою тщательностью главные и побочные предметы; ловкость в приемах много способствовала ему в быстроте работы... Терпению, усидчивости и старанию его не было пределов...

Кроме того, он приготовлял все элементарные ткани и жидкости тела животного для показания их чрез микроскоп студентам физико-математического и медицинского факультетов и каждую ткань и жидкость показывал каждому из них отдельно, по списку, всего двум, трем стам и более человек. Какое терпение! Какое усердие! Вот что связало с ним студентов нежною любовью!" [I, 10, с. 32].

Деятельность А.Н. Орловского интересна для нас еще и потому, что она протекала в тот период, когда на медицинском факультете Московского университета учились И.М. Сеченов, С.П. Боткин, П.П. Эйенбродт, А.И. Бабухин и другие известные в будущем русские ученые. Статья-некролог, написанная И.Т. Глебовым, является фактически единственным источником сведений о жизни и неутомимой творческой энергии человека, который "всем существом своим, всею душою" стремился быть полезным людям. Именно из нее, так как до сих пор не

найлены рукописи неопубликованных работ А.Н. Орловского, мы узнаем об объеме и характере проделанной им работы. А широта его научных интересов охватывала и сравнительную анатомию с физиологией, и вопросы "чистой" физиологии, и гистологию, и клинику; он "спешил всюду, где мог привести в движение свои силы"

Не менее интенсивна была и научная работа А.Н. Орловского. Оценивая ее, известный физиолог Х.С. Коштоянц указывал, что "А.Н. Орловского можно считать одним из первых русских сравнительных физиологов додарвиновского периода" [II, 24, с. 19]. Он настойчиво внедрял сравнительный метод для всестороннего изучения сущности физиологических процессов. В частности, при изучении природы ритмической деятельности сердца и ее нервной регуляции он широко использовал этот метод исследования. "Действительно, – писал И.Т. Глебов, – он организацию сердца изучил сравнительно в целом царстве животных не из книг и рисунков, но на самих сердцах, а движение его – на живых животных всех классов, наблюдая все изменения в нем под влиянием разнообразных условий" [I, 10, с. 45].

Важное место в исследованиях А.Н. Орловского занимали опыты в области нервной регуляции сердечной деятельности. Это тем более примечательно, что работы А.Н. Орловского в этом направлении были одними из первых по проблеме торможения. Опыты, проводившиеся А.Н. Орловским по изучению нервной регуляции деятельности сердца в течение 5–6 лет, т.е. с самого начала 50-х годов, были посвящены изучению действия на работу сердца блуждающего и симпатического нервов. (Как заметил И.Т. Глебов, эти работы "не только у нас, но и везде очень редки" [Там же].) Он подчеркивал антагонистическое действие этих нервов на частоту и амплитуду сокращения сердца.

Особое внимание А.Н. Орловский уделял детальному изучению тормозящего действия на сердце блуждающего нерва, которое незадолго до этого, в 1845 г., было открыто немецкими учеными братьями Эрнестом и Эдуардом Веберами. "Заинтересованный столь любопытным явлением жизни, каково остановление биения сердца в живом животном само по себе, а еще более тем, что это остановление биения сердца происходит от раздражения одного легочно-желудочного нерва, и притом остановление с расширением, а не с сжатием сердца, тогда как от раздражения всех прочих нервов, влияющих на движение мышц, происходит везде без исключения сокращение, а не расширение сих последних, и пораженный столь резким противоречием знаменитых авторитетов настоящего времени, покойный Орловский, с особенной любовью, с особенным любопытством, даже с особенною, можно сказать, смелостью всегда выходивший навстречу трудным задачам в естественных науках, не устранился и настоящего вопроса. Для решения его он делал анатомические исследования сердца животных едва ли не всех классов и производил опыты над сердцами всех их при жизни их" [I, 10, с. 39].

Результаты многочисленных экспериментов привели А.Н. Орловского к заключению весьма далекому от точки зрения таких известных ученых, как А. Галлер, видевший причину остановки сердца при

раздражении блуждающего нерва в особой раздражительности сердечных мышц; как Валлах, считавший, что при этом происходит изменение центростремительного действия нервов в центробежное; как Э. Вебер, полагавший, что блуждающий нерв обладает какой-то особой тормозной силой.

А.Н. Орловский на основании своих опытов придерживался точки зрения, которая была высказана в то время Ю. Будге и М. Шиффом, объяснявшими тормозящее действие блуждающего нерва на сердце истощением нерва в результате сильного его раздражения. Таким образом, А.Н. Орловский считал, что нет "обособленности возбуждающих и тормозящих нервов", а следовательно, и не должно быть и речи о самостоятельности тормозящих нервов.

После столь подробного освещения этого вопроса не может не вызывать недоумение замечание И.М. Сеченова, сделанное им в "Автобиографических записках", о том, что на лекциях И.Т. Глебова он не узнал "даже такого факта, как остановка сердца возбуждением бродящего нерва" [II, 48, с. 53]. Это тем более странно, что сам Иван Михайлович отмечал, что интерес его к изучению действия нервных центров на движение был подсказан опытами братьев Вебер. И трудно поверить, что всесторонняя разработка проблемы тормозного влияния блуждающего нерва на сердечную деятельность, которая в Московском университете интенсивно проводилась А.Н. Орловским, тесно связанным со студентами, могла оставаться неизвестной для студентов медицинского факультета.

Результаты опытов А.Н. Орловского и те выводы, которые он делал, не могли быть неизвестны студентам, с которыми прозектор проводил все время на занятиях. Они не могли не заинтересовать и И.М. Сеченова. А если встать на эту точку зрения, то совершенно поновому с исторической позиции надо трактовать появление пятого тезиса в диссертации И.М. Сеченова "Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения", написанной им в 1859 г. и защищенной в 1860 г., т.е. в тот период, когда И.М. Сеченов еще не занимался экспериментальным изучением нервной системы, а до его известного опыта, открывшего наличие центрального торможения, оставалось четыре года.

Следует думать, что пятый тезис диссертации, который гласит: "Нервов, задерживающих движение, нет", скорее всего, был сделан на основании опытов А.Н. Орловского, проводившихся в университете в период студенчества И.М. Сеченова. Кстати, вывод, сделанный И.М. Сеченовым на основе опытов по изучению торможения в центральной нервной системе, о том, что в центральной нервной системе имеются специальные тормозящие центры (за что он подвергался критике со стороны М. Шиффа, А.А. Герцена, Ф. Гольца), противопоставлен взглядам А.Н. Орловского, что, на наш взгляд, только доказывает, что пятый тезис диссертации был написан И.М. Сеченовым не на основе собственных экспериментальных работ, а навеян уже известными нам работами московского физиолога, когда только формировалось физиологическое мышление студента Сеченова.

Все эти факты, как считает Х.С. Коштыянец, приводят нас к мысли, что научные интересы И.М. Сеченова к явлениям угнетающего влияния нервной системы в своей экспериментальной физиологической связи были заложены уже в студенческие годы в Московском университете одним из наиболее талантливых московских физиологов – А.Н. Орловским, которым эта проблема разрабатывалась настолько активно, что она привлекла к себе острое внимание широких кругов студенческой молодежи и научной общественности того времени [II, 24, с. 32].

После А.Н. Орловского эту проблему в университете активно разрабатывали П.П. Эйбродт (1859 г.) и А.И. Бабухин, который защитил диссертацию на тему "Об отношении блуждающего нерва к сердцу" (1862 г.). Эта тема неоднократно освещалась в курсовых работах студентов Московского университета.

Заканчивая анализ некролога, написанного А.Т. Глебовым, нельзя не отметить его упоминание о работах А.Н. Орловского о влиянии симпатического нерва на работу сердца, об экспериментальных исследованиях о трофическом влиянии нервной системы, в частности симпатической нервной системы, на ткани. Эксперименты А.Н. Орловского над влиянием симпатического нерва на работу сердца, которые он проводил в начале 50-х годов независимо от опытов немецкого физиолога А. Бецольда (1826–1868) и братьев Вебер, установили ускоряющее действие симпатического нерва на сердце, а также показали "самостоятельность (независимость. – В.М.) п. sympathici в управлении сердцем" от блуждающего нерва, что указывает на антагонизм блуждающего и симпатического нервов в регуляции работы сердца. Кроме того, А.Н. Орловский проводил исследования по изучению центральной регуляции сердечной деятельности, раздражая структуры "большого мозга, мозжечка, продолговатого мозга, четверного возвышения, спинного мозга посредством опытов, произведенных у разных животных, при помощи разных деятелей (раздражителей. – В.М.), особенно разных ядов" [I, 10, с. 48].

Другой проблемой, занимавшей внимание А.Н. Орловского, было исследование трофической роли симпатической, или, как тогда ее называли, "узловой", нервной системы. Идея трофической регуляции со стороны симпатической нервной системы широко разрабатывалась в Московском университете начиная с 40-х годов. Особенно интенсивно ею занимался выдающийся клиницист Ф.И. Иноземцев (1802–1869), придерживавшийся концепции французского врача Ф. Бруссе (1772–1838).

Согласно этой концепции, сочувственные или узловые нервы, пронизывающие все внутренние органы и сосуды, управляют деятельностью и питанием органов организма независимо от центральной нервной системы, "поэтому-то всякое повреждение правителя питания – узловой нервной системы – должно отражаться сначала в сфере питания того организма, в котором повреждение этих нервов имело место. На основании этого, будет ли узловая нервная система поражена травматически или простудой, явления этого поражения

должны выражаться в сфере питания в различных тканях организма" [II, 21, с. 225].

В подтверждение своих теоретических концепций на роль симпатической нервной системы Ф.И. Иноземцев широко практиковал постановку физиологических опытов, в проведении которых большую помощь ему оказывал А.Н. Орловский. И выбор его был не случаен. Ф.И. Иноземцев с большой похвалой отзывался об экспериментальном искусстве А.Н. Орловского: "Алексей Николаевич Орловский, – писал он, – владел в совершенстве экспериментальной частью физиологии. Он производил чрезвычайно важные опыты отлично, ловко и с величайшим физиологическим и анатомическим знанием. Обладая такими средствами, он вполне был в состоянии сделать критический разбор сочинения Аксмана¹, так убедительно знакомящегося с физиологическим значением нервной узловой системы, разбор не теоретический, но экспериментальный, состоящий в повторении и проверке, со всею анатомическо-физиологическою точностию, всех его опытов и справедливою оценкою их" [I, 10, с. 34].

"Незадолго перед кончиною А.Н. Орловский сообщил результаты опытов своих по этому предмету Ф.И. Иноземцеву. Эти результаты помещены в статье Ф.И. Иноземцева, посвященной памяти А.Н. Орловского, "О белом размягчении вещества головно-спинной нервной системы, как припадке простудного катара" [II, 19, с. 41].

Опыты А.Н. Орловского и взгляды Ф.И. Иноземцева на роль симпатической нервной системы, конечно же, не могли быть неизвестны И.М. Сеченову, который занимался под их руководством. Не исключено, что они подтолкнули И.М. Сеченова на критический обзор сочинения К. Аксмана, результаты которого были им изложены в статье "Влияют ли нервы на питание", опубликованной в 1858 г. в Московской медицинской газете, редактировавшейся Ф.И. Иноземцевым.

Лекции Ф.И. Иноземцева слушал и С.П. Боткин, будучи студентом Московского университета. Ему также были знакомы взгляды Ф.И. Иноземцева, работы, которые велись в университете в этом плане. Не здесь ли просматривается историческая преемственность: ведь позже именно в физиологической лаборатории клиники, руководимой С.П. Боткиным, молодой ученый Иван Павлов начинает изучать вопрос о трофической роли нервной системы в выполнении сложных функций организма?

Еще в бытность свою за границей И.Т. Глебов приготовил было к изданию "Трактат о способе исследования груди в болезнях ее посредством физических признаков, открываемых осмотром груди (Inspectio), мерою (Mensuratio), ударом по груди (Percussio) и слушанием ее (Auscultatio)", но не смог по возвращении тотчас издать его "по

¹ Речь идет о книге доктора К. Аксмана "Исследования о микроскопическом строении и о физиологии узловой нервной системы человека и позвоночных животных", которая по инициативе Ф.И. Иноземцева была переведена С. Барыковым и издана в Москве в 1856 г.

причине развлечения другими занятиями... поэтому трактат и остался неизданным" [I, 5, с. 225].

Помимо уже разобранных работ "Об отношении физиологии к прочим врачебным наукам", наиболее полно общебиологические взгляды И.Т. Глебова были изложены в двух других крупных работах: "Рассуждение о страстях с физиологической, патологической, терапевтической и фармакологической точек зрения" (1834 г.) [I, 2] и "Физиология аппетита или голода" (1856 г.) [I, 9]. К более подробному их рассмотрению мы и переходим.

"РАССУЖДЕНИЕ О СТРАСТЯХ..."

"Рассуждение о страстях с физиологической, патологической, терапевтической и фармакологической точек зрения" является докторской диссертацией И.Т. Глебова [I, 2 и 18], подготовленной им под руководством И.Е. Дядьковского. Она была защищена в 1834 г. в Московской медико-хирургической академии. По установленному в то время порядку диссертация была написана и издана академией на латинском языке.

Интерес человека к природе таких состояний, как страсть, боль, гнев, радость, голод, любовь и т.п., существует с глубокой древности. Пожалуй, первые упоминания о попытке приблизиться к их разгадке относятся к работам выдающегося ученого древности Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). Он считал, что душа человека исторгает мысль, а тело вместе с душой рождает определенные душевные ощущения (страсти). Другой ученый древности, ученик Сократа, Платон (428–348 гг. до н.э.) главным вместилищем переживаний человека считал сердце. Недаром в своем трактате "О частях живого" он писал, что сердце – вместилище чувств, страстей, ума и произвольных движений. Почти аналогичных взглядов придерживался и известный мыслитель, философ и теолог XIII в. Фома Аквинский (1225–1274).

Большое место в философских исканиях проблеме страстей уделял великий французский энциклопедист Р. Декарт (1596–1650). Хорошо известно его сочинение, посвященное этому вопросу, "Страсти души" (1649). По его мнению, различные внешние раздражители, действуя на органы чувств через "оптические нервы", достигают шишковидной железы. Здесь происходит "оценка" этих воздействий, и отсюда результаты этой "оценки" направляются к душе, сердцу, мозгу и другим органам, которые определенным образом реагируют.

Согласно взглядам нидерландского философа Б. Спинозы (1632–1677), возникновение страстей (эмоций) обуславливает "изменение способности тела и души к действию" и "сомнения в исходе вещей", на которые влияют различным образом возбуждающие внешние причины.

В начале XIX столетия французский естествоиспытатель Ж.-Б. Ламарк (1744–1829) все возможные переживания, которые способен испытывать человек, делил на две категории: рожденные определенными мыслями и возникающие в силу тех или иных физических ощущений. Эти воздействия через некий "нервный флюид", рас-

DISSERTATIO

INAUGURALIS

MEDICA

DE

PATHEMATIBUS

sensu physiologico, pathologico, therapeutico
et pharmacologico,

QUAM

E DECRETO AUCTORITATEQUE

AMPLISSIMI CONVENTUS

ACADEMIAE CAESARAE

MEDICO - CHIRURGICAE MOSQUENSIS,

PRO GRADU DOCTORIS MEDICINAE,

egitime obtinendo, elaboravit atque publice defendet

CHIRURGUS

Johannes Siebow.

MOSQUAE.

TYPIS UNIVERSITATIS CAESARAE.

MDCCCXXXIV.

Титульный лист
диссертации И.Т. Глебова, 1834 г.

положенный в головном мозге, оказывают свое влияние на мышечную систему и внутренние органы, что и сопровождается внешне в виде определенных эмоциональных состояний.

Эта проблема не прошла мимо внимания и русских ученых. В XVIII в. она увлекла профессора Московского университета М.И. Скиадана (род. в 40-х годах XVIII в. – 1802). В 1777–1778 гг. он читал курс "О самосознании, или основательное самого себя познание, к верховному человеческому благу руководствующее". В 1794 г. М.И. Скиадан опубликовал работу "О причинах и действиях страстей душевных, также и о способе умерять и укрощать оные для благополучной и спокойной жизни", в которой с медицинской точки зрения стремился показать, "сколь много служат страсти душевные к повреждению, а иногда и к восстановлению потерянному здоровью... будучи надлежащим или тому противным употреблены образом" [II, 50, с. 9–10]. Однако сочинение М.И. Скиадана носило скорее описательный характер, в нем решение поставленной задачи автор производил "не в опытах, а устанавливал путем наблюдений и рассуждений".

Вопросам происхождения ощущений, возникновению страстей были посвящены также исследования Е.О. Мухина и И.Е. Дядьковского.

Вернемся к диссертации И.Т. Глебова. Существенное отличие работы И.Т. Глебова как научного исследования от сочинения М.И. Скиадана как раз и состоит в том, что он стремится решить ряд выдвинутых им положений экспериментальным путем, проводя многочисленные опыты на различных животных или используя экспериментальные данные других исследователей.

И.Т. Глебов начинает работу с того, что приводит определения термина "страсть", которые были даны древними и современными ему учеными. При этом он считает, что множественность и разнообразие, а часто и противоречивость определений обусловлены прежде всего тем, что природа страстей изучалась не в опытах, а "устанавливалась предыдущими авторами исключительно путем наблюдений и рассуждений" [I, 18, с. 278].

Так, по мнению Листорна, "страсти суть движения, обычно могущественные, способностей души". По мнению Р. Декарта, который поддерживал идею дуализма и признавал наличие двух независимых начал – материи и духа, "страсти – это восприятия или чувства, или воображения души, которые особенным образом передаются ей и производятся, сохраняются и укрепляются каким-либо движением духов". "Страсти есть склонность или предрасположение, которые препятствуют сравнивать разумное со всем остальным и предпочитать его", – считал немецкий философ, один из основоположников немецкого классического идеализма, И. Кант. Профессор классической филологии и теологии Лейпцигского университета И.А. Эрнест полагал, что "аффект есть такого рода состояние души, когда она делается возбужденной под влиянием чувств или фантазий, восходя все более к удовольствию или дурному расположению", а по мнению другого немецкого филолога и теолога – Г. Канца, "аффект есть повышенная степень сильного желания или чувственной склонности; он проистекает

из смешения дурных и хороших представлений и соединен с чрезвычайно сильным движением крови". "Аффект есть не что иное, как горячее чувственное стремление или сопротивление, соединенное в нашем теле с каким-то необыкновенным возбуждением крови и нервной жидкости", – полагал немецкий философ Ф. Баумейстер, а английский ученый Г. Смитт считал, что "аффекты являются тяжелыми и внезапными движениями души, возникающими внутри нас от восприятия какой-нибудь внешней вещи или обстоятельства, иногда внутреннего, заимствованного из памяти, которыми душа побуждается к страстному желанию их или к противодействию им" [I, 18, с. 278–279].

Эти противоречивые определения страстей И.Т. Глебов сопоставляет с идеалистическими представлениями о природе происхождения страстей, где разные авторы также "не более согласны между собой". Так, богословы объясняют страсть борьбой плоти с духом и реакцией духа на плоть. По мнению спиритуалистов, или пневматиков, Гиппократ, Гален, Эразистрат и др., "ближайшая причина страстей заключается в неупорядоченном и внезапном движении духов", а по мнению Зенона, страсти обусловлены неестественным движением пневмы, отклоняющей разум с прямого пути.

И.Т. Глебов приводит целый ряд высказываний разных ученых: знаменитого швейцарского врача эпохи Возрождения Парацельса, "который помещал своего архея, верховного руководителя животного автомата, в отверстие сердечного желудочка, наделял этот архей способностью возбуждать страсти, так что архей, будучи взволнован, заставляет волноваться духов, управляющих автоматом, и таким образом порождать аффект"; последователей немецкого химика и врача, автора учения о флогистоне Г.Э. Штала; анимистов, видевших источник страстей "в движении души, поддерживающем здоровье тела"; известного немецкого медика XVIII в., одного из родоначальников механистической медицины, Ф. Гофмана о том, что природа страстей лежит в нарушении циркуляции крови; средневекового теолога-схоласта Фомы Аквинского, считавшего первопричиной возникновения страстей "способность к страстному стремлению, которая приводит к любви, ненависти, желанию, отвращению, радости и печали, и способность к гневу, которая является источником надежды, отчаяния, страха, храбрости и, наконец, гнева" [I, 18, с. 279].

После столь подробного анализа И.Т. Глебов разделяет все определения страстей на три группы. Согласно первой, источником страстей является душа, второй – их возникновение частично зависит и от воли, третьей – страсти, будучи принадлежностью внутреннего мира человека, зависят и от внешних причин.

Представив, таким образом, общий исторический обзор высказываний древних и современных ему авторов о природе страстей, И.Т. Глебов тем не менее ни с одним из них не согласен, так как, по его мнению, все они "принимают во внимание или только состояние души, слишком мало касаясь тела, или состояние тела, забыв о состоянии души [I, 18, с. 280]. Сам же И.Т. Глебов считал, что нельзя понять природу страстей, не учитывая одновременно действие и материальных

и психических факторов на организм, т.е. "одновременно того и другого, именно как души, так и тела" [Там же].

"Действительно, что может этика, а в особенности медицина вывести для установления своих законов только из психического понимания всех страстей, если многие из них проистекают из чисто материальных изменений? Решительно ничего, ибо нет никакого сомнения, что каждая из этих наук при таком толковании погрузилась бы в бездну пустых фантазий философов, так как правильные соображения основываются на эмпирии. Не меньше ущерба потерпели бы обе эти науки, рассматривая все страсти только с материальной стороны, поскольку многие из них (как это мы ясно увидим ниже) ведут начало только с психических изменений" [Там же].

Высказав критическое отношение ко всем предыдущим теориям, И.Т. Глебов приводит и собственную точку зрения: "Согласно учению профессора И. Дядьковского, которому я следую, страсть есть энергичная склонность субъекта, сопровождаемая необычным возбуждением тела и души, или соединяться с объектами, или, напротив, избегать их, смотря по тому, приятно или неприятно эти объекты воздействуют на его тело или душу" [Там же].

Обращает на себя внимание в этом определении то, что И.Т. Глебов наделяет страсти теми же признаками, которые присущи и инстинктам. Создается впечатление, что он как бы смешивает понятие страсти с понятием инстинкта. "Инстинкты и страсти противоположны друг другу, – тем не менее указывает он, – если их рассматривать с противоположных сторон; однако другими своими сторонами они настолько тесно соединены друг с другом, что между ними в действительности нельзя установить никаких границ" [Там же]. Для того чтобы понять природу страстей, считает И.Т. Глебов, "необходимо начать с инстинкта, так как именно из него начинается и развивается сама страсть".

И.Т. Глебов исходит из того положения, что в природе нет ни одного явления, ни одного предмета, существование которого нельзя было бы объяснить наличием первоначальных сил природы – притяжением и отталкиванием. В царстве минералов форма образуется в результате сочетания первичных элементов, удерживаемых силами сродства. В телах более сложных эти же силы можно назвать образовательными напряжениями. Их мы наблюдаем и в кристаллах, где они создают как внешнюю форму, так и внутреннюю структуру. В растениях эти же силы, еще более усложненные, не только образуют внешнюю структуру, но и дают образование силам раздражительности. Эту физическую раздражительность надо отличать от раздражительности органической, животной, которая всегда связана с нервной системой и нервным электричеством.

Раздражительность в животном мире, по мнению ученого, вполне объяснима влиянием на организм таких внешних факторов, как свет, температура, атмосферное электричество. Раздражительность собственно органическая всегда достояние сложного высокоразвитого организма. Именно в связи с наличием этой раздражительности и возникают инстинкты и страсти [Там же].

Так как к страстям наиболее близко стоят инстинкты, а, по мнению И.Т. Глебова, из них начинается и развивается и сама страсть, то он делает попытку выяснить природу и происхождение инстинктов. А вот точка зрения И.Е. Дядьковского, которой следует И.Т. Глебов, по этому вопросу: "Страсть есть не что иное, как инстинкт, развитый в обширнейшую сферу; или есть такое внутреннее побуждение, раскрывающее в нас или желание воспользоваться каким-нибудь предметом, или отвращение" [II, 17, с. 24].

И.Т. Глебов, следуя И.Е. Дядьковскому, делил инстинкты и страсти на органические и психические. "Первые из них ведут начало от предшествующих ненормальных уклонений материи, составляющих животные тела, тогда как другие порождаются не иначе, как от непосредственных психических впечатлений без такого материального уклонения; первые из них присущи всем животным телам, а другие составляют удел только животных, снабженных нервной системой" [I, 18, с. 282].

Психические инстинкты и страсти И.Т. Глебов разделил на два рода: физико-психические и морально-психические. "Первые возбуждаются только воздействиями физико-психических объектов и прежде всего влияют на органы вкуса, обоняния и осязания, а другие возникают собственно под воздействием морально-психических объектов, которые оказывают влияние в первую очередь на органы слуха и зрения. Кроме того, инстинкты и страсти того и другого рода разделяются на два вида, именно произвольные и непроизвольные, так как первые из них возбуждаются собственно воздействием внешних предметов, влияющих на органы чувств, а другие порождаются только действием памяти и воображения, а также разума" [Там же, с. 285].

Этапы прогрессирующего развития органических страстей из инстинктов И.Т. Глебов представлял следующим образом: 1) первичные зачатки органического инстинкта таятся в минеральных телах в форме избирательного сродства и, далее, образовательного стремления; 2) эти зачатки, уже достаточно заметные у растений и зоофитов в их частичной подвижности, зависят, кроме избирательного сродства и образовательного стремления, от их физической раздражимости; 3) у животных, снабженных ганглиозной системой, дальнейшее развитие органического инстинкта и сочетание его со следами органических страстей происходят из их органической раздражимости; 4) наконец, обнаруживающаяся эволюция органических страстей у животных, снабженных мозговой системой, происходит не из какого-либо иного источника, кроме той же органической раздражимости, распространяющейся с ганглиозной системы вплоть до самого мозга... Мозговая система служит животным для той цели, чтобы с ее помощью познавать качества вещей, находящихся вне их, и тем самым так или иначе определять свое отношение к вещам, смотря по тому, оказываются ли они полезными или вредными [Там же, с. 284].

Таким образом, И.Т. Глебов считал, что инстинкты имеют материальную природу и возникают в органическом мире не вдруг, а постепенно путем развития и совершенствования органической материи.

Природу возникновения страстей он видел в постепенном прогрессирующем усложнении нервной системы организмов, начиная от самых низших форм к более высокой организации и вплоть до человека, что позволяет ему установить более тесные связи с окружающей средой, а также способствует совершенствованию реакций организма на разнообразные воздействия факторов внешнего мира.

Приведем для сравнения мысль, высказанную И.М. Сеченовым спустя почти 30 лет, в 1863 г., в работе "Рефлексы головного мозга": "Процесс развития страсти подчиняется тем же законам, как, например, развитие представлений из ощущений. Толчок – инстинктивное стремление к чувственному наслаждению, средства – частота повторения его, или, что все равно, психического рефлекса" [II, 49, т. 1, с. 107].

Историко-сравнительный анализ развития нервной системы позволил И.Т. Глебову установить, что нервная система обеспечивает взаимосвязь организма с внешней средой, в то же время было показано, что деятельность самой нервной системы строго детерминирована воздействиями, падающими на организм из окружающей среды. Следовательно, И.Т. Глебов признает, что мозг является материальным субстратом высшей нервной деятельности (поведения) человека, через его посредство организм определяет свое отношение к окружающим предметам внешнего мира.

Касаясь вопроса о "седалище страстей в нашем организме", И.Т. Глебов вновь обращается к истории. Он указывает, что многие ученые как древности (Платон, Хризипп), так и современные (Н. Мальбранш, Дж. Локк, Э.Б. Кондилляк, Ш. Бонне и др.) помещали "седалище" всех страстей в сердце, где, как они полагали, находится душа. "Некоторые назначали для каждой из страстей особую часть тела: для храбреца – сердце, для гнева – печень, для скуки – селезенку. Например, древние, – пишет И.Т. Глебов, – говорили, – говорили, что люди селезенкой смеются, желчью гневаются, печенью любят, легкими беспокоятся, сердцем понимают" [I, 18, с. 287]. Это представление нашло отзвук и в комедии У. Шекспира "Венецианский купец" [II, 58, с. 262]:

Скажи мне, где мечты начало?
Мозг, сердце ль жизнь ей даровало?

Позже "седалище" страстей искали в крови. Многие современники И.Т. Глебова полагали: "седалище" страстей находится в узлах большого симпатического нерва (М. Биша), в нервных сплетениях (Н. Лека), в разных отделах головного мозга: продолговатом мозге, полосатых телах, овальном центре и др. (Ф. Галль, А.-Б. Ришеран, Р. Декарт).

Думается, что не стоит слишком строго судить эти мнения. Ведь пройдет еще много времени, прежде чем будут уточнены и изучены структуры головного мозга, играющие решающую роль в механизмах эмоциональных состояний. Появятся новые теории происхождения эмоций: периферическая (У. Джемс, К.Г. Ланге, 1884–1885), объяснявшая эмоциональное состояние производным от состояния периферических органов; таламическая (У. Кеннон, Л. Бард, 1927–1928), считавшая,

что рождение эмоции обусловлено процессами, происходящими на уровне таламуса; биологическая (П.К. Анохин, 1949), согласно которой эмоция возникает как результат "рассогласования" акцептора действия с результатом; информационная (П.В. Симонов, 1964), считающая, что эмоция есть отражение мозгом потребности организма и удовлетворения ее в данный момент, в зависимости от количества информации, имеющейся у субъекта, и уровня информации, необходимой для удовлетворения потребности. Не следует забывать, что все эти теории берут начало от работ своих предшественников, к которым по праву мы относим и исследования русского физиолога И.Т. Глебова.

И.Т. Глебов же, как и многие естествоиспытатели конца XVIII – начала XIX в., вопрос о "седалище" страстей решает вполне определенно: "Вне всякого сомнения – в мозговой системе" [I, 18, с. 287]. Тем самым субстратом эмоциональной деятельности человека является головной мозг.

После столь тщательного разбора природы и происхождения страстей И.Т. Глебов переходит к характеристике условий, которые необходимы для возникновения страстей и их развития. Он считает, что для их возникновения требуются две причины – внутренние и внешние условия. "Внутреннее условие есть известное состояние субъекта, которое, впрочем, обеспечивает только возможность развития страсти. Внешнее условие образуют те стимулы, которые приводят в действие упомянутую возможность". Любая страсть возникает "не иначе, как из слияния обоих условий, именно внутреннего и внешнего" [Там же, с. 288].

"Каковы же причины разнообразия страстей?" – задается вопросом И.Т. Глебов. Верный своему принципу историко-сравнительного рассмотрения поставленного вопроса, он старается проследить и этот вопрос с исторической точки зрения. Он приводит мнение английского ученого Г. Смита, который видел причину многообразия страстей у человека в том, что в каждом человеке "все изображение вещей воспринимается в душе неодинаковым способом и столь же неодинаково умы людей подвергаются их воздействию и движутся ими" Гиппократ на основании различия областей и воздуха установил, что духи людей различны, различны и духовные нравы, а отсюда и различие аффектов, Гельвеций, Мажанди и многие другие полагают, что причина различия страстей лежит в государственном устройстве [Там же, с. 289].

Однако И.Т. Глебов ни с одним из них не согласен. "Легко можно понять, – пишет он, – что эти мнения весьма слабы и односторонни, так как изображают страсти только как психические или, наоборот, только как органические". Он считал, что "разнообразие страстей вообще основывается: 1) на врожденном различии субъектов, у которых возникают страсти, и 2) на различии стимулов, вызывающих страсти. Субъекты в этом смысле могут варьировать: в отношении возраста, пола, темперамента, конституции тела, образа жизни, состояния здоровья, привычек, воспитания, религиозных обычаев, способа суждения и т.д. и т.д. Различие стимулов зависит от: а) различия их качества,

б) различия количества и в) различия частей тела, при посредстве которых они затрагивают субъекта, и т.д." [Там же].

И тем не менее решающую роль в возникновении страсти, в причине ее многообразия И.Т. Глебов видит не столько во врожденных особенностях организма, сколько в разнообразных воздействиях внешней среды, в условиях, в которых он растет и развивается. "При изменении этих условий, – указывает он, – изменяется и врожденное свойство самой страсти".

Признание И.Т. Глебовым решающей роли внешней среды в развитии организмов, их нервной системы, несомненно, способствовало развитию русской научной и философской материалистической мысли.

Как известно, наиболее полное и обоснованное развитие учение о единстве организма и среды, о зависимости сложных явлений, происходящих в организме, от факторов внешней среды в отечественной физиологии впервые получило в трудах ученика И.Т. Глебова И.М. Сеченова. И невольно возникает предположение, а не здесь ли, на лекциях И.Т. Глебова, молодой студент Иван Сеченов проникся материалистическим пониманием природы существования и развития организма, которое с таким блеском было им развито впоследствии в его физиологических и психологических трудах?

Опираясь на работы русских ученых И.Е. Дядьковского и Я.К. Кайданова, И.Т. Глебов в своей диссертации вплотную подошел к эволюционному рассмотрению некоторых вопросов физиологии. Он наметил новое направление доказательства наличия эволюции в органическом мире фактами, почерпнутыми им при изучении физиологии различных групп животных.

Приступая к разработке вопроса о природе страстей, И.Т. Глебов стремится к экспериментальному доказательству ряда выдвинутых им в работе положений, в частности о природе нервного процесса в организме. Взгляды на эту проблему полностью совпадают с представлениями его учителя профессора И.Е. Дядьковского, который объяснял природу нервных процессов присутствием нервного электричества, возникающего в результате сложных химических реакций в головном мозге. "Он первый и до сих пор один из всех объяснял электричеством (которое он называет собственно нервным), текущим по нервам от центра к периферии, не только весь акт чувствительности, но даже все главные явления животной жизни и отсюда построил более прочные и надежные, чем имелись до сих пор, основания всей физиологии" [Там же, с. 281].

Сославшись на то, что гипотеза И.Е. Дядьковского нашла подтверждение в опытах английского физиолога Ф. Вильсона и немецкого ученого К. Вейнгольда, И.Т. Глебов пишет, что подобную точку зрения "подтверждают мои собственные опыты, многократно поставленные в анатомическом театре Императорской Московской медико-хирургической академии на собаках, кошках и главным образом на голубях в присутствии докторов медицины – адъюнкт-профессора хирургии Т. Кудрявцева, адъюнкт-профессора и одновременно прозектора А. Кикина, врача-акушера М. Суханова и немалого числа студентов"

[Там же, с. 282]. В доказательство И.Т. Глебов в диссертации приводит подробный протокол одного опыта, проведенного им 20 ноября 1833 г.

Эти опыты лишний раз доказывают, что систематические экспериментальные работы в области физиологии в России начались не после 60-х годов, как принято считать, а значительно раньше, в самом начале 30-х годов XIX в.

"ФИЗИОЛОГИЯ АППЕТИТА ИЛИ ГОЛОДА"

Другой работой И.Т. Глебова является статья "Физиология аппетита или голода" [I, 9]. Это не результат его собственных экспериментальных исследований, она носит скорее характер обзорной статьи, в которой дается подробная оценка состояния этого вопроса в научной литературе. Но нас привлекает к ней оригинальная концепция на механизм формирования голода и аппетита самого И.Т. Глебова, трактовка им некоторых вопросов, касающихся одной из интереснейших проблем физиологии – механизма пищевой мотивации.

Эта работа является логическим продолжением его докторской диссертации, несмотря на то что между их написанием свыше двадцати лет. В ней автор подробно касается одной из разновидностей эмоционально окрашенных состояний организма, какими являются голод, аппетит и насыщение и которые определяют целенаправленную деятельность организма во внешней среде.

Как считал С.Р. Микулинский, подход И.Т. Глебова к решению вопроса о природе голода и насыщения определился двумя исходными принципиальными установками, характерными для его научного и общепсихологического мировоззрения: признанием строгой детерминированности всей нервной деятельности, в том числе и ее высших проявлений, и рассмотрением организма как единой биологической системы, находящейся в постоянном взаимодействии с окружающей его средой [II, 35, с. 205].

К сожалению, в литературе, посвященной физиологии пищеварения, данная работа И.Т. Глебова не упоминается, хотя именно в ней не только дается богатый исторический обзор состояния проблемы голода и насыщения в физиологическом и общемедицинском плане до начала 60-х годов прошлого столетия, но в ней он одним из первых отечественных физиологов делает попытку "свести субъективное чувство к особому состоянию возбуждения центральной нервной системы" [Там же, с. 208].

Работа И.Т. Глебова начинается с четкой постановки вопроса, с определения понятий голода и аппетита: "Аппетитом или голодом называется то ощущение в человеке, которое заставляет его принимать пищу как жидкую, так и преимущественно твердую...

Чувство это вначале бывает тихо и слабо, ни приятно, ни неприятно, и выражается такими ощущениями, которым особого названия нет, кроме общего, ничего не определяющего слова – аппетит. Потом оно делается живее, обнаруживается резче, сопровождается явлениями более ясными, и притом как местными, так и общими, из которых

каждое, в частности, также постепенно растет и усиливается, и тогда ощущение это называется уже голодом, так что аппетит и голод суть не что иное, как разные степени одного и того же ощущения" [I, 9, с. 3].

Приступая к анализу "состояния науки" о природе и свойствах голода, которое является по сути субъективным состоянием, И.Т. Глебов пишет: "Известно, что все ощущения в теле, какого бы они рода ни были, производятся нервами и именно нервами чувствования. Поэтому всякое ощущение в теле имеет свой нерв, а следовательно, свое место и свой орган; а так как нерв сам по себе, не будучи возбужден или раздражаем, остается в покое, без действия, то всякое ощущение в теле должно иметь и свой стимул" [Там же, с. 4]. Следовательно, И.Т. Глебов совершенно определенно ставит вопрос об участии нервной системы в возникновении голода и указывает на строгую причинную обусловленность различными внутренними и внешними факторами возникновения соответствующего возбуждения в нервной системе.

"Причиною развития этого чувства в теле или его стимулом физиологии считают чрезвычайно разные условия, – начинает разбор имеющих в литературе теорий голода И.Т. Глебов. – Назовем из них главные, более распространенные между учеными и более основательные: так, причиною его считали трение стен желудка одной об другую, когда он пуст; раздражение стен его желудочным соком, скопляющимся в нем в отсутствие пищи; раздражение стен его желчью, заходящей в него во время пустоты его; приписывали это чувство действию всасывающих сосудов на самые стены его; натягиванию грудобрюшной преграды тяжестью печени, селезенки и пр., опускающихся в пустой живот; сжатию нервов желудка мышечною перепонкою его, усиленно сокращающейся при продолжительном голоде; изнеможению мышечных волокон его от продолжительного их сокращения и пр. и пр." [Там же, с. 4–5].

Подробно проанализировав каждую из теорий, И.Т. Глебов приходит к выводу, что ни одна из них не в состоянии удовлетворительно объяснить ни причину, ни механизм возникновения голода. Правда, приводимые им объяснения несостоятельны с современных позиций и не выдерживают критики. Но не будем забывать, что эти рассуждения относятся к середине XIX в., да и выводы И.Т. Глебова носят скорее умозрительный характер, так как не подтверждаются экспериментальной проверкой.

Так, он совершенно необоснованно полностью отрицает роль движения пустого желудка, а касаясь вопроса о значении раздражающего действия желудочного сока на стенки желудка в возникновении чувства голода, ссылаясь на эксперименты американского врача У. Бомона (1785–1853), опубликованные им в труде "Эксперименты и наблюдения над желудочным соком и физиологией пищеварения" (1833 г.), указывает, что "в пустом здоровом желудке вовсе не бывает желудочного сока до тех пор, пока не поступит в него пища или другое постороннее тело... Следовательно, желудочный сок как по своему составу, так и

потому, что его во время голода в желудке не бывает, никоим образом не может составить причину, возбуждающую голод" [I, 9, с. 7].

Ошибочность этого взгляда была показана значительно позже И.П. Павловым, который, изучая физиологический механизм пищеварения в желудке с помощью разработанных им хронических методов – операции "мнимого" кормления (1877 г.) и изолированного желудка (1894 г.), выделил три фазы желудочной секреции и совершенно четко показал, что в первую, нервно-рефлекторную фазу, когда в желудке еще нет пищи, происходит обильное выделение желудочного сока. Его физиологическое значение для пищеварения состоит в том, что он подготавливает желудок к приему и перевариванию пищи, возбуждает его моторную активность.

Таким образом, критически оценив все наиболее заслуживающие внимания теории, объясняющие возникновение чувства голода, и ссылаясь при этом на данные экспериментальных исследований И. Мюллера, Ф. Мажанди и др., а также на материалы сравнительной анатомии и физиологии, И.Т. Глебов приходит к заключению, "что ни одно из тех изменений или состояний, замечаемых или предполагаемых в желудке, которые сопровождают явление аппетита и голода, не составляет причины этих ощущений", так как не соответствует экспериментальным данным, "причины эти столь произвольны и неосновательны, что не заслуживают и критики"... "Следовательно, заключает он, "это дает повод усомниться в предположении относительно места происхождения их из желудка" [I, 9, с. 13].

"Если же они происходят не из желудка, то откуда же?"

Как врач И.Т. Глебов обращает внимание читателей и на те изменения, которые возникают в организме и которые сопровождают чувство голода. Он отмечает, что чувство голода сопровождается "разными ощущениями под ложечкой и вообще со стороны желудка: то чувствуется пустота в желудке, то теснит под ложечкой, то давит, то тянет, то щемит, то сосет, – далее тошнит, при сем увеличивается отделение слюны, – еще далее урчит в животе, делается пустая отрыжка, еще далее тошнит и наконец происходит рвота, сперва слизью, потом желчью, а наконец иногда и кровью" [Там же, с. 4].

Какие же изменения в организме могут к этому привести? "Из общепфизиологических понятий известно, – пишет И.Т. Глебов, – что существование тела человеческого, равно как и всякого органического тела, поддерживается беспрестанным изменением вещества, составляющего его, т.е. утратою, разрушением и отторжением частиц его, с одной стороны, и заменением их новыми извне, в тело поступающими, с другой, в чем собственно и состоит материальная, или растительная жизнь органических тел вообще и, в частности, человека. Это разрушение и воссоздание совершается в атомах тела, и потому процесс этот, в нормальном состоянии, не подлежит сознательному наблюдению чувств ни в себе, ни в других, т.е. ни субъективно, ни объективно. Если же он и действует на нервы, как иначе и быть не может, то, по тонкости своей, так слабо, что впечатление, производимое им на периферию нервов, почти, можно сказать, не передается центральной

части их, т.е., говоря языком физиологии, перемена, происшедшая в периферии нервов, не производит такой перемены в центре, которая бы действовала на душу и возбуждала в ней сознание о себе. Подобные явления замечаются нередко и в других случаях, особенно ежели впечатления привычны, всегда равны и одинаковы и ежели на них не обращается внимание. Но как скоро процесс этот усиливается, тогда впечатление, производимое им на нервы, производя большую перемену в состоянии их периферической части, сообщается центру" [Там же, с. 14].

И.Т. Глебов был не первым физиологом, считавшим, что центр, определяющий ощущение голода, находится вне пищеварительного тракта, в центральной нервной системе. Его возбуждение представлялось разными учеными по-разному: либо за счет импульсов, приходящих по периферическим нервам, улавливающим истощение энергетических веществ в органах и тканях организма (Ф. Мажанди, А. Мильн-Эвардс и др.), либо раздражающим действием на эти центры "голодной крови", т.е. крови с пониженным содержанием питательных веществ, в частности глюкозы (Э. Дюбуа-Рейомн и позже И.П. Павлов).

И.Т. Глебов присоединился к первому мнению. Он считал, что основная причина, приводящая к возбуждению "центра голода", к возникновению чувства голода, заключается в снижении интенсивности обменных процессов в организме, "в утрате частиц существа целого тела жизненным процессом". Так как эти изменения возникают не в отдельном органе, а во всем организме, то чувство голода и сопровождают общие явления: "...беспокойство, потом тоска во всем теле, всеобщая слабость; далее изнурение и худоба целого тела, качественное изменение соков; еще далее разные болезненные формы, преимущественно цинга, горячки, помешательства... наконец смерть" [Там же, с. 4].

"Перемены, происходящие во всем теле" и обусловленные "потерей материи и вещества" организмом, вызывают возбуждение чувствительных нервов, что, в свою очередь, приводит к возбуждению определенных центров в головном мозгу, "пробуждает сознание, но сознание темное, разливающееся, так сказать, на все точки нашего тела, или, правильнее сказать, возбуждает ощущение неясное" [Там же, с. 14].

Высказанная в этой работе И.Т. Глебовым идея о "темном" сознании получила дальнейшее развитие в работе И.М. Сеченова в виде "темного мышечного чувства", тех неопределенных темных ощущений, "которые сопровождают акты, совершающиеся в полостных органах груди и живота... (например, ощущения голода, сытости и переполнения желудка)" [II, 49, т. I, с. 76].

И.М. Сеченов, как известно, придавал большое значение этим "темным" ощущениям для нормального состояния человека, он считал их одним "из самых могучих двигателей в деле психического развития" [Там же, с. 77], считал, что "от него зависит тот здоровый фон во всем, что делается в теле, который медики обозначают словом *vigor vitalis*, и то, что в психической жизни носит название душевного равновесия" [II, 49, т. II, с. 671]. Так или иначе, но историческая преемственность во взглядах этих двух ученых и здесь просматривается четко.

Однако если чувство голода возникает не из "желудка", а связано с "переменами, происходящими во всем теле", то какое же значение имеют те ощущения, которые сопровождают чувство голода, и как же объяснить тогда те субъективные ощущения, которые испытывает голодный человек, как идущие из желудка? "Судя по тому, – считает И.Т. Глебов, – что они первые открывают сцену явления голода, что растут вместе с ним, сопровождают его до конца, с ним и оканчиваются, очевидно, что они суть не что иное, как составные части его" [1, 9, с. 15]. Таким образом, для И.Т. Глебова нет сомнения в том, что голод – это интегративное состояние организма, обусловленное прежде всего реакцией всего организма на потерю им "материи и вещества", а субъективно испытываемые ощущения со стороны желудка – это составная часть чувства голода.

А то, что это действительно так, можно убедиться: "Действуя прямо на желудок, мы можем успокоить голод точно так же, как действуя на все тело мимо желудка вышесказанным способом. Так, по принятии малого количества пищи в желудок голод уже успокаивается, на чем и основана поговорка: первый кусок – разбойник, а по совершенном наполнении желудка пищею он и совсем прекращается, прежде, нежели пища переваривается в нем; след. прежде, нежели может не только вознаградить потерянные частицы существа тела, но и прежде, чем успеет поступить в кровь, даже в кишки. Этого мало: мы можем успокоить голод, вводя в желудок такие вещества, которые вовсе не могут вознаградить утраченные из тела частицы, так, например, проглоченная глина успокаивает голод; или проглоченный опий и другие наркотические вещества, притупляющие вообще чувствительность нервов, прекращают голод" [Там же].

Из приведенной цитаты видно, что речь идет не только о механизме голода. И.Т. Глебов делает попытку объяснить и механизм формирования насыщения. Это, пожалуй, первая подобная попытка не только в отечественной, но и в мировой физиологической литературе, и была она предпринята в середине XIX столетия русским ученым.

Вот как И.Т. Глебов представляет себе этот механизм: "Отчего, однако, происходит, что как скоро пища, или глина и пр. поступают в желудок, то сейчас же успокаиваются и эти ощущения в желудке, и чувство голода во всем теле? Отчего, т.е. развивается чувство насыщения в теле тогда, когда вознаграждение потерянных частей его ни в каком случае не могло еще произойти?"

Во 1-х, оттого, что ощущения, производимые в желудке пищею, глиною и пр., действуют на мозг резче, нежели ощущения самого голода, происходящие из тела. А успокоение сих последних, или, правильнее, заглушение их в центре, отражается и на целое тело, иногда даже в виде приятного ощущения, которое в первый момент совсем покрывает собою чувство голода...

Во 2-х, сознание о скором вознаграждении потери вещества тела уже успокаивает более или менее и голод, и другие ощущения, сопровождающие его. Так, кусочек пищи, поступивший не только в желудок, но и в рот, даже взгляд на пищу, один запах ее уже

успокаивают неприятные ощущения, производимые от голода в теле" [Там же, с. 22].

Предложенная И.Т. Глебовым концепция механизма насыщения не нашла у него дальнейшего развития ни в этой статье, ни позже. Механизм насыщения был подробно изучен спустя более ста лет преемниками выдающегося русского физиолога по кафедре нормальной физиологии, но уже 1-го Московского медицинского института им. И.М. Сеченова, П.К. Анохиным и К.В. Судаковым.

Согласно разработанной ими нейрофизиологической теории голода и насыщения (1971 г.), пищевое насыщение складывается из двух последовательных фаз. Первая фаза – так называемое сенсорное насыщение – основана "на нервных механизмах". Она заключается в том, что пищевые вещества, действуя на рецепторы полости рта и желудка, приводят к активации "центры насыщения", расположенные в вентромедиальных ядрах гипоталамуса, и к торможению "центра голода", который находится в латеральных ядрах гипоталамуса. Одновременно происходит выброс питательных веществ в кровь из депо организма, а после всасывания принятых питательных веществ в кишечнике – восполнение израсходованных веществ в организме, что связано уже со второй фазой, истинным насыщением.

В механизме первичного насыщения, считают авторы нейрофизиологической теории голода и насыщения, заключен глубокий смысл совершенного приспособления животных к внешнему миру. Благодаря этому механизму организм имеет возможность заранее оценить поглощенную пищу. Биологическое значение "сенсорного насыщения" велико: оно позволяет животным закончить прием пищи еще задолго до того, как принятые питательные вещества поступят из желудочно-кишечного тракта в кровь. Только спустя 1,5–2 часа вслед за приемом пищи развивается вторая фаза – истинное, или биологическое, насыщение. Столь удивительный механизм представляет собой ценное приобретение, возникшее на заре эволюции животных и достигшее высокого совершенства в ходе исторического развития [II, 3, с. 35].

Итак, на основании анализа большого литературного материала и экспериментальных данных многих авторов И.Т. Глебов приходит к следующему окончательному выводу о механизме возникновения чувства голода, насыщения и аппетита: "Существенная причина голода заключается в утрате частиц существа целого тела жизненным процессом. Этот ущерб вещества организма ощущается... через периферию нервов; периферическое же ощущение нервов передается, по закону живой физики, их центру. Но деятельность нервного центра подчинена также закону, и притом такому, что всякое впечатление, доносимое до него и принимаемое им, отражается обратно на периферию нервов, что и составляет живую реакцию в живом организме, и притом отражается им на периферию нервов движения, что собственно и называется рефлексией (*reflexio*), или на периферию нервов чувствования, что и называется иррадиацией (*irradiatio*). В настоящем случае отражение это происходит по последнему закону, т.е. впечатление, принесенное из целого тела к мозгу, передается из сего

последнего в желудок посредством легочно-желудочного (*nervus pneumogastricus*) или блуждающего (*nervus vagus*) нерва, как нерва чувствования" [I, 9, с. 16].

Как видим, И.Т. Глебов исходил из понимания организма как единого целого. Однако его представление о целостности организма в корне отличается от взглядов представителей идеалистического направления, которые рассматривали организм как замкнутое, независимое от внешней среды целое. У И.Т. Глебова понимание целостности организма неразрывно связано с осознанием того положения материалистической биологии и медицины, которое было характерным для русской науки, в особенности для московской физиологической школы, что между организмом и средой его обитания существует неразрывное динамическое взаимодействие.

Это согласование осуществляется по принципу саморегуляции. "По моему мнению, – писал он, – жизнь, составляющая задачу физиологии, в обширном смысле есть **самообразование и самосуществование**" (выделено мною. – В.М.). Как и А.М. Филомафитский, И.Т. Глебов понимает механизм саморегуляции на основе циркуляторного распространения возбуждения между центром и периферией. Целостность организма и внешней среды, по мнению И.Т. Глебова, неразрывно связана с деятельностью в первую очередь нервной системы, которая осуществляет координирующую, синтетическую и интегрирующую роль в организме, обеспечивая адекватное приспособление отдельных органов, систем органов и целого организма к условиям окружающей среды.

Значение афферентации от периферических органов в деятельности нервных центров было предметом изучения многих советских физиологов: И.П. Павлова, Л.А. Орбели, В.Н. Черниговского – и подробно разработано в школе П.К. Анохина при изучении центрально-периферических отношений.

Заканчивая разбор работы, хочется обратить внимание читателя на одно важное обстоятельство в концепции И.Т. Глебова о механизме голода и аппетита. Как в свое время отметил С.Р. Микулинский, в данной работе И.Т. Глебов попытался распространить рефлекторный принцип на работу головного мозга. Однако И.Т. Глебов был далек от того, чтобы таким образом попытаться объяснить всю так называемую психическую жизнь человека [II, 35, с. 20]. Это было сделано спустя шесть лет его учеником И.М. Сеченовым в работе "Рефлексы головного мозга". Эта деталь еще раз подтверждает историческую преемственность во взглядах учителя и ученика.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

А.С. Пушкин

Лучшей оценкой деятельности учителя
являются успехи его учеников.

Древняя истина.

Конец 50-х – 60-е годы XIX столетия характеризуются значительным подъемом экономической, политической и культурной жизни России. Этот подъем был подготовлен всем ходом социально-экономического и общественного развития страны. Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., участвовавшие антифеодальные выступления крестьян, растущее революционно-демократическое движение за освобождение народа от самодержавия и крепостничества крайне обострили внутривнутриполитическое положение в стране, создали взрывоопасную ситуацию, полную революционного напряжения. В стране назревала первая русская революционная ситуация 1859–1861 гг., которая закончилась в 1861 г., отменой крепостного права, освобождением крестьян и наступлением в России капиталистической эры.

Развитие капитализма сопровождалось технической революцией в России: создавались промышленные предприятия, особенно по производству машин, росла сеть железных дорог, развивались химическое производство и военная техника, вводились новые технологические процессы, зарождалась отечественная машиностроительная промышленность, появились паровые двигатели. "Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка, – писал В.И. Ленин в работе "Развитие капитализма в России", – стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка" [II, 28, с. 597].

Развитие промышленности, сельского хозяйства, изменение социальной структуры общества, образование новых классов промышленно-торговой буржуазии и пролетариата требовали и изменения структуры медицинского обслуживания; нужны были новые кадры врачей, следовательно, возникла настоятельная необходимость в совершенствовании системы подготовки медицинских кадров. После поражения в Крымской войне, показавшей всю несостоятельность организации медицинской помощи и лечения раненых в действующей армии, особенно остро встал вопрос об увеличении кадров военных врачей для армии, которая подвергалась существенной реорганизации и технической модернизации. "Всякий, кто имел случай видеть состояние военных госпиталей во время последней кампании (Крымской войны. – В.М.), –

Петр Александрович Дубовицкий
(1815–1868)

писал С.П. Боткин в записке на проект устройства военных госпиталей, — не может не сочувствовать желаниям правительства радикальной реформы старого порядка вещей, существующих до сих пор в управлении военных госпиталей в нашем отечестве" (цит. по: [И, 13, с. 142]).

Естественно, что это было немыслимо без усовершенствования всей системы обучения в медицинской академии с целью улучшения общей и военно-медицинской подготовки врачей для госпиталей и армии. И вскоре в Военно-медицинском ведомстве началась реорганизация. Это, в частности, выразилось в создании в 1859 г. при военном министерстве Комитета по улучшению военно-медицинской администрации

и военных госпиталей, а также в тех принципиальных изменениях в системе обучения и подготовки врачей к военно-медицинской службе, которые имели место с 1857 г. в Петербургской медико-хирургической академии с назначением на пост ее президента П.А. Дубовицкого.

Петр Александрович Дубовицкий родился 18 апреля 1815 г. в богатой дворянской семье в Рязанской губернии. Отец его, отставной полковник, пожелал видеть сына врачом. Получив хорошее домашнее образование, П.А. Дубовицкий по желанию отца поступил на медицинский факультет Московского университета, который закончил в 1833 г. лекарем первого отделения, т.е. с отличием. По окончании университета он был отправлен в Париж, где специализировался по хирургии.

По возвращении из-за границы он выдерживает экзамены на медико-хирурга, а в 1835 г. защищает диссертацию на степень доктора медицины. После защиты диссертации его назначают профессором на кафедру теоретической хирургии в Казанский университет, а с 1836 г. П.А. Дубовицкий начинает вести там оперативную хирургию и заведует хирургической клиникой. С сентября 1841 г. П.А. Дубовицкого приглашают читать лекции в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. В апреле 1844 г. его избирают ученым секретарем академии, а по истечении пятилетнего срока вновь переизбирают на эту должность. В 1849 г. П.А. Дубовицкий был отмечен Демидовской золотой медалью за разбор конкурсного сочинения профессора П.П. Заболотского. В мае 1848 г. его избирают академиком, однако по состоянию здоровья в 1853 г. он вынужден был оставить хирургическую практику.

П.А. Дубовицкий был одним из выдающихся хирургов России, представителем анатомио-физиологического направления в медицине. Он одним из первых успешно выполнил сложные операции ринопластики и тенотомии. Его перу принадлежат работы по вопросам хирургии: "О кровотечениях" (1847 г.), "Записки по хирургии (1848 г.), "Учение о ранах" (1850 г.) и др. П.А. Дубовицкий был опытным педагогом и обладал незаурядными организаторскими способностями, которые проявились и на посту ученого секретаря академии, и, особенно, при организации и редактировании им одного из лучших медицинских журналов того времени "Записки по части врачебных наук", в котором неоднократно публиковали статьи многие выдающиеся русские ученые-медики: В.А. Басов, Н.И. Пирогов, Ф.И. Иноземцев, В.Л. Грубер, А.М. Филомафитский и др.

Назначение в 1857 г. П.А. Дубовицкого на пост президента академии имело целью преобразовать ее и поставить на уровень с лучшими учебными заведениями Европы. Причем президенту и Конференции академии предоставлялись широкие полномочия и права не стесняться в своих предложениях, лишь бы эти предложения "клонились к истинной пользе академии, послужили основанием будущему благосостоянию и процветанию учреждения в государстве и вообще могли поставить в отечестве нашем врачебную науку на ту же ступень совершенства, на коей она находится в Германии и Франции" [II, 41, с. 18].

Объяснение причин столь резких и радикальных изменений в деятельности академии мы находим в речи В.В. Пашутина, с которой он выступил в 1898 г. на 100-летнем юбилее академии: "В преподавании медицинских наук в текущем столетии произошел в Европе большой переворот. Народившийся во Франции еще в прошлом столетии научный позитивизм, т.е. применение точных физических и химических методов к изучению биологических явлений, начал разливатьесь теперь по медицинским школам Европы, вытесняя с корнем чисто умозрительное направление. Естественные науки стали основой медицинского образования, а не прикладными, как прежде; врачу нужно было знать практически и разносторонне методы естественно-научного исследования; медицинская школа должна обладать лабораториями, в которых студенты могли бы учиться этим методам" [Там же, с. 19].

Когда П.А. Дубовицкому было предоставлено право, учитывая обширность реорганизационной работы в академии, избрать себе помощника на должность вице-президента, то он остановил свой выбор на профессоре Московского университета И.Т. Глеbove, "человеке с большим энциклопедическим образованием", который интересам русской медицины был предан более, нежели даже собственным. Вторым его помощником стал выдающийся русский химик Н.Н. Зинин, известный своей преданностью науке, своими открытиями в химии, доставившими русской науке всемирную славу. Он был в это время профессором в академии и ее ученым секретарем.

Николай Николаевич Зинин
(1812–1880)

Эти три выдающихся русских ученых – хирург П.А. Дубовицкий, физиолог И.Т. Глебов и химик Н.Н. Зинин составили своеобразный руководящий триумvirат академии, "триумvirат, в котором, по мнению историков академии, административная деятельность Дубовицкого одухотворялась и направлялась наукой в лице Зинина и Глебова" [Ш, 21, с. 529]. Это были ученые-единомышленники, которых объединяло стремление коренным образом улучшить постановку медицинского образования в стране, воспитать собственные высококвалифицированные российские кадры профессоров и преподавателей, которые бы подняли авторитет русской науки, честь и славу русского ученого. Они разработали план реорганизации Медико-хирургической

академии, который базировался на следующих "основаниях".

1. Основу высшего медицинского образования должны составлять естественные науки (физика, химия и др.), способствующие выработке естественнонаучного мышления.

2. Необходимо улучшить и расширить преподавание медицинских наук, сделав их более практическими и наглядными.

3. Необходимо создать материальную базу для обучения студентов современным знаниям и для выполнения научно-исследовательских работ.

4. Следует вести систематическую подготовку преподавательских кадров для страны на родине.

5. Вопросы преподавания военной медицины должны строиться на современном научном уровне.

Начиная с 1857 г. в академии развернулись большие строительные работы. Деревянные бараки, которые занимали большую часть территории Медико-хирургической академии на Выборгской стороне, были снесены. На их месте были построены каменные здания Естественно-исторического, Анатомио-физиологического и Ветеринарного институтов с лабораториями, оборудованными необходимыми инструментами и аппаратами; возведено здание Ботанического института с оранжереей и лабораториями для практических занятий студентов и научных исследований. На средства, завещанные бывшим президентом академии

**Иван Тимофеевич Глебов –
вице-президент Санкт-Петербургской медико-хирургической
академии (1857–1867)**

баронетом Я.В. Виллие, была выстроена Михайловская клиническая больница.

Было заново отстроено и оборудовано здание 2-го Военно-сухопутного госпиталя. Он был разделен на 11 отдельных клиник, во главе которых стояли профессора академии. По ходатайству П.А. Дубовицкого в госпитале стали принимать и гражданских лиц, "для большего разнообразия болезненных форм, с которыми могли бы знакомиться учащиеся"; при каждом отделении, кроме того, был открыт амбулаторный прием больных, и в течение года принималось более 24 000 больных. Все эти меры позволили проводить целенаправленный подбор больных, что улучшало качество преподавания в клиниках, делало его более наглядным, демонстративным.

Была благоустроена и территория академии. На месте бывшего болота, заброшенных огородов и мусорных свалок были разбиты аллеи, лужайки, проложена дорога, выкопаны чистые пруды – здесь отдыхали и больные и врачи. Недаром выдающийся отечественный терапевт В.А. Манасеин говорил, что куда ни помотришь в академии, от липовой аллеи до библиотеки и клиник – всюду приходится вспоминать Дубовицкого.

Мы уже касались вопроса об общебиологических взглядах И.Т. Глебова, этого вопроса нельзя не коснуться и в этой главе, так как без правильного понимания его нельзя понять сущность тех преобразований в академии, в которых активное участие принимал И.Т. Глебов, на плечи которого, по мнению историка Медико-хирургической академии Г.Г. Скориченко, пала вся черновая работа по преобразованию академии [II, 51, с. 52].

Эпоха российского Возрождения 60-х годов XIX в. характеризовалась повышенным интересом к естественным наукам. Стремление к овладению естествознанием было примечательным для этого периода истории нашей родины. Под влиянием общественно-политических и философских идей революционных демократов многие представители русской интеллигенции обратились к естественным наукам, где защита передовых идей и учений сливалась с общественно-политической борьбой против самодержавия и крепостничества. На физиологию в этот период смотрели как на предмет, способствующий выработке революционно-материалистического мировоззрения: "Взгляните на эту распластанную лягушку и вы найдете в ней обновление русского народа", – говорил в речи "Мотивы русской драмы" Д.И. Писарев [II, 43, с. 392].

И только в высших медицинских учреждениях продолжало бытовать мнение, что естественнонаучные предметы являются не обязательными для студентов-медиков, а вспомогательными. Это было, конечно же, неправильно, так как не только отрывало человека от всей природы, но и как бы противопоставляло его ей. И.Т. Глебов считал, что познание человека, его организма невозможно без знания физики, химии, естественной истории. "Нет явления на земле, – указывал он, – столь сложного, как жизнь человека. Она... соединяет в себе все главные видоизменения действия произвольной природы", а

значит, для изучения физиологии человека необходимо знание и других естественных наук. "Физиология человека находится в таком же отношении к естественным наукам, входящим в состав медицины, как ствол дерева к своим корням; ибо как ствол вырастает из корней, живет и крепнет их соками, так и физиология зарождается, развивается и совершенствуется знаниями естественных наук и тверда их данными"¹.

Все явления, все процессы, составляющие жизнь человеческого организма, считал он, не что иное, как миниатюрное повторение явлений и процессов, происходящих в телах "трех царств природы", и совершаются они по тем же законам, физическим и химическим, по которым происходят и в теле человека. "Отсюда открывается потребность знания многих наук для изучения физиологии человека. Эти науки обыкновенно называются вспомогательными, но правильно их должно называть элементарными, основными, ибо из их частиц знаний слагается наконец целое физиологическое знание человека, сложное знание жизни его. Науки эти суть: физика, химия, минералогия, ботаника, зоология, сравнительная анатомия, включительно и человеческая"².

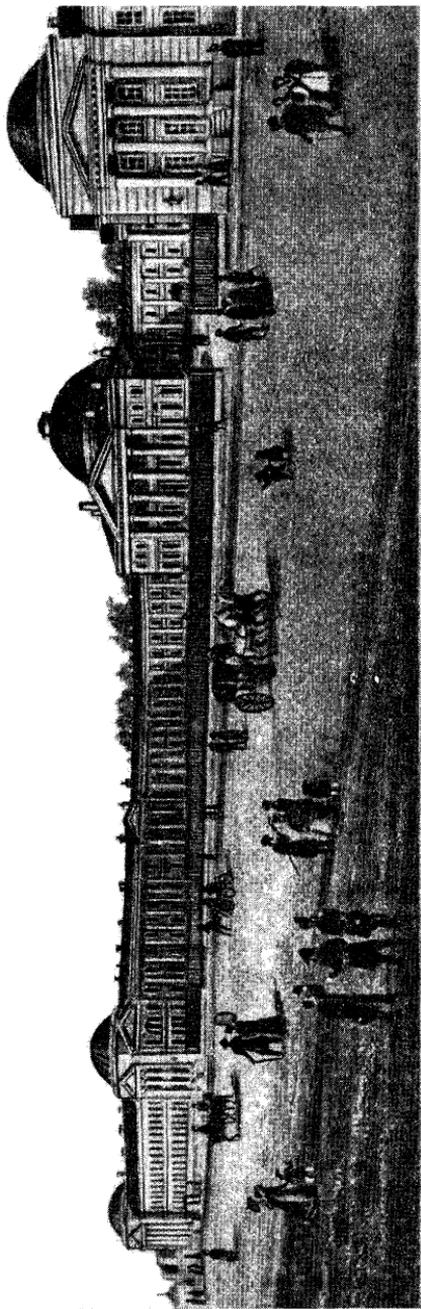
Таким образом, мнение П.А. Дубовицкого и И.Т. Глебова о том, что основу медицинского образования должна составлять обширная естественнонаучная подготовка, совпадали. "Медик должен усвоить себе не столько отрывочные факты прикладного естествознания, сколько общий строй науки, способ мышления, приемы и методы исследования... Только физика и химия дают ключ к разъяснению всех тех сложных и до бесконечности разнообразных физиологических и патологических процессов, которые совершаются в организме" [II, 21, с. 529].

Следовательно, естественные науки, сделавшие значительный скачок в своем развитии, обогатившиеся новыми методами исследования, должны быть не вспомогательными, а основными дисциплинами, помогающими объективному изучению жизнедеятельности человеческого организма. Именно для этой цели и были открыты Естественно-исторический и Анатомо-физиологический институты, в которых учебные комнаты и лаборатории были оборудованы необходимыми инструментами и совершенными аппаратами. Именно здесь И.М. Сеченов создал научную лабораторию, в которой наряду с сотрудниками кафедры научно-исследовательской работой стали заниматься и студенты.

"Самое же существенное и самое важное, – отмечал И.Т. Глебов, – в этом явлении то, что научное направление, основанное на естествознании, у нас проникло и в клиники и усваивается практической медициной" [I, 15, с. 25]. В клиническом госпитале были введены должности врача-физика и врача-химика. Их прямым назначением было применение физико-химических знаний к решению задач научной и практической медицины, чтение институтским врачам лекций, организация консультаций по проведению экспериментов и наблюдений с

¹ ЦГИАМ, ф. 418, оп. 357, д. 82, л. 51.

² Там же, л. 52.

Главный корпус Санкт-Петербургской медико-хирургической академии
(с гравюры В.Ф. Садовникова)

помощью новейшей электрофизиологической аппаратуры [II, 7, с. 65].

При составлении программы по преобразованию академии, "чтобы она могла приносить желаемую пользу", И.Т. Глебов исходил "из крайней необходимости усовершенствования таких двух положений: 1) достаточные учебные средства, как-то: библиотеки, музеи, кабинеты, лаборатории, инструменты и т.д., без которых, как он считал, "движение науки вперед, особенно ее отраслей, непосредственно прилагается к жизни, какова медицина, невозможно", 2) наличие "достойных преподавателей".

Для реализации первого требования необходимо было произвести коренную перестройку во всей системе обучения в академии. Так как качество подготовки врача зависит от успешности усвоения им в процессе обучения обширных научных знаний, то, помимо повышения научно-теоретического уровня преподавания, необходимо было совершенствовать и приемы и методы обучения, "необходимо, чтобы умозрительность и теоретизирование стали постепенно и постоянно уступать место точным и положительным наблюдениям, основанным на законах физических и химических" [II, 15, с. 3].

"Так как естественные науки, а за ними и медицина, как неотделимая ветвь их, делают беспрерывно в области своей новые открытия и через них более и более разрастаются и усовершенствуются, – писал И.Т. Глебов, – то высшие учебные медицинские заведения, цель учреждения которых состоит в передаче массе людей всего того, что выработала и постоянно вырабатывает естественная наука вообще и медицина в частности, должны иметь все для этой передачи потребные средства. Поэтому, само собой разумеется, заведения эти должны развивать средства, необходимые для достижения этой цели, так же, как развивается сама наука. Иначе заведение неизбежно будет несовременным, отстанет от науки и поэтому не в состоянии будет ни удовлетворять требованиям общества, ни соответствовать ожиданиям правительства, коротко, не будет выполнять того назначения, для которого создано и существует. Кроме того, на высших учебных заведениях лежит нравственная обязанность и самую науку двигать вперед, для чего также должны быть средства" [I, 14, с. 3].

С мыслями И.Т. Глебова перекликается по этому вопросу и позиция президента академии П.А. Дубовицкого: "Познания учащихся в медицине только тогда будут основательны и дельны, когда учащийся услышит изложение предмета, когда профессор ему покажет все то, что ему изложил, и, наконец, когда он сам, собственным практическим упражнением, под руководством профессора, освоит себе этот предмет. Следовательно, в медицинском факультете преподавание всех предметов должно быть тройное: теоретическое, демонстративное и практическое" [II, 15, с. 3].

Преобразования в педагогической и научной деятельности начались с создания новых кафедр и лабораторий и реорганизации старых. Вновь были созданы и преобразованы кафедры теоретического профиля: химии, физики с метеорологией, климатологией и физической геогра-

фией, ботаники с фитофизиологией, сравнительной и патологической анатомии, а также кафедры клинического профиля: нервных болезней и "болезней, сопряженных с расстройством умственных способностей", офтальмологии, военной и оперативной хирургии. На всех кафедрах были либо пересмотрены, либо заново созданы программы обучения студентов.

В академии было учреждено "экспериментальное преподавание физиологии, патологии, хирургии, фармакологии, токсикологии и судебно-медицинских исследований", особое внимание обращалось на создание студенческих лабораторий и учебных кабинетов для проведения научных исследований. "При этом устройство, – писал И.Т. Глебов, – должно быть таково, чтобы студентам, молодым врачам, докторам, прозекторам и профессорам, всем было удобно и без помехи друг другу упражняться практически" [I, 15, с. 20].

Военным министром, которому в это время подчинялась академия, отпускались значительные денежные средства для оснащения учебных кабинетов и научных лабораторий современной аппаратурой и инструментами. Так, для клинических кафедр были приобретены микроскопы, гальвано-электрические и электромагнитные аппараты на сумму 3000 рублей, а для оснащения физиологического кабинета было отпущено 25 000 рублей. Заново были оборудованы и оснащены новыми экспонатами и препаратами зоологический, ботанический и минералогический музеи академии, это позволило каждому работающему в них "одним взглядом обнять целое царство и вместе видеть связь между собой и постепенное развитие одного за другим всех предметов, составляющих каждое из трех царств природы" [Там же, с. 23].

Однако особое внимание П.А. Дубовицкий и его помощники обратили на улучшение состава преподавателей и профессоров академии, которые "составляют как бы душу учреждения, а равно и на обеспечение источника, из которого академия могла бы черпать совершенно подготовленные преподавательские силы" [II, 41, с. 21].

Многие высшие учебные заведения в тот период для удовлетворения потребности в преподавателях прибегали к разным способам: либо приглашали известных ученых и профессоров к занятию своих кафедр из других учебных заведений, либо избирали профессоров по конкурсу, либо воспитывали своих профессоров "после предварительного, более или менее долгого, прохождения ученого через разные низшие преподавательские звания".

Однако все эти способы улучшения кадрового состава преподавателей и профессоров, особенно за счет "пришельцев" из других университетов, не способствовали основной цели: поднятию уровня образования в стране. В чем же причина? Ответ мы находим в одном из отчетов Петербургского университета: "Лицо, достойное принять на себя профессорскую обязанность и вполне обладающее качествами, необходимыми для исполнения ее, есть явление редкое, потому что надо много лет посвятить ученым трудам, чтобы наконец решиться взойти на кафедру. Надобно много обработать в себе талантов, чтобы с занимаемой кафедры благотворно действовать на слушателей" [II,

25]. Это, как указывалось в отчете, и приводит к тому, что в университетах по целым годам остаются "праздными" кафедры.

Другая причина нашла отражение в отчете Министерства народного просвещения. В нем сказано, что самое существенное обстоятельство, препятствующее надлежащему развитию образования в стране, заключается "в недостаточном числе способных профессоров", т.е. речь шла о системе подготовки педагогических кадров для университетов. Дело в том, что существовавший с 1828 по 1838 г. профессорский институт при Дерптском университете, подготовивший в свое время много способных и весьма замечательных ученых, таких, как Н.И. Пирогов, А.М. Филомафитский и др., был закрыт. Кроме того, после 1834 г. резко сократилось число лиц, которых посылали за границу для совершенствования в избранной специальности и подготовки к профессорской должности. Это и привело к тому, что "достойные премиями не приготавливались в достаточном количестве". И потому столь остро ощущалась потребность в изменении системы подготовки преподавателей и профессоров для университетов.

Больше того, объявляемые университетами конкурсы на профессорские должности сами по себе уже говорили о том, что в данном университете отсутствуют лица, достойные занять кафедры, а сам университет не в состоянии решить проблему. Так, в течение 18 месяцев, с февраля 1861 по август 1862 г., было объявлено 17 конкурсов, практически всеми университетами России. Некоторые из них были даже повторные, что лишний раз доказывало, что, во-первых, недостаток в достойных избранниках для занятия кафедр существует во всех наших университетах и что, во-вторых, недостаток этот так велик, что и с помощью конкурсов невозможно отыскать людей, способных занять кафедру. И, как результат, к августу 1862 г. в университетах страны была не занята 31 кафедра, да, кроме того, имелось в виду ещё несколько вакансий, а к январю 1863 г. таких незанятых кафедр насчитывалось уже 44 [I, 15, с. 6].

Из всего этого следовало, что необходимо было незамедлительно позаботиться о подготовке "достойных личностей, из которых бы можно было избрать профессоров" [Там же].

ВРАЧЕБНЫЙ ИНСТИТУТ. НАСТАВНИК МОЛОДЫХ ВРАЧЕЙ

По мысли И.Т. Глебова при академии был организован Врачебный институт, в котором готовились квалифицированные кадры врачей-специалистов и будущие преподаватели академии. Он подробно, во всех деталях, разработал устав этого института, правила приема в него и программу обучения. Выдвигая предложение об основании такого института, И.Т. Глебов следовал идее "способствовать обогащению нашего учебного сословия вполне приготовленными деятелями и университетам нашим дать во всякое время возможность избирать в свою среду лица, заявившие уже свою ученую состоятельность" [II, 25, с. 771].

По предложенной им программе, ежегодно, при окончании полного курса и получении диплома лекаря, при академии оставляли десять наиболее достойных студентов. Эти молодые врачи прикомандировывались ко 2-му Военно-сухопутному госпиталю, где они на правах младших ординаторов несли госпитальную службу. В течение трех лет они должны были выдержать экзамен на степень доктора медицины и защитить докторскую диссертацию. Через три года из этих десяти человек выбиралось трое (не меньше, но и не более трех) наиболее достойных, которые посылались на два года за границу для усовершенствования в избранной специальности. Во время пребывания за границей и по возвращении оттуда каждый должен был представить в академию полный отчет о своих занятиях, а также прочитать пробные лекции на звание приват-доцента, а затем, при открывшейся вакансии, он мог быть избран профессором.

Надо сказать, что и прежде оставляли врачей при академии и командировали их за границу для усовершенствования, но выбор кандидатур, как правило, носил случайный характер. По предложению И.Т. Глебова академии следовало руководствоваться при выборе как десяти человек из окончивших курс в институте, так и трех из них для посылки за границу следующими критериями: "1. постоянные отличные успехи избираемой личности в продолжение всего академического курса обучения; 2. постоянное занятие у одного или нескольких профессоров в качестве ординатора или помощника в течение еще 3-х лет пребывания этого лица в институте; 3. держание экзамена на степень доктора медицины или медицины и хирургии; 4. написание диссертации...; 5. научные работы, производимые в кабинетах и лабораториях под непосредственным наблюдением профессоров; 6. печатание некоторых из этих работ в периодических изданиях, даже лучше в иностранных журналах; 7. пробные лекции на получение звания приват-доцента; 8. чтение самих лекций о каком-либо предмете на правах приват-доцента в продолжение полугода или года; 9. научные работы, произведенные за границей и печатаемые в периодических изданиях, и, наконец, 10. отчет о всей заграничной деятельности по окончании заграничного путешествия" [I, 15, с. 27].

Как видим, условия обучения, предлагаемые И.Т. Глебовым, очень напоминают те, которые мы сейчас предъявляем к студентам, рекомендуемым для обучения в аспирантуре. Так что можно смело сказать, что именно И.Т. Глебов разработал и внедрил в практику систему обучения в аспирантуре и сделал это 130 лет назад в Петербургской медико-хирургической академии.

На первых порах при учреждении Врачебного института, когда было важно дать ему возможность "стать на ноги", укрепнуть, И.Т. Глебов проявлял к нему неустанное внимание и вникал сам во все вопросы. По воспоминаниям одного из воспитанников института, он "взял на себя обязанности наставника молодых врачей... Это обстоятельство имело особенное значение, – пишет он. – Мы, молодые врачи, имели в нем своего истинного наставника. Мы обращались к нему не только с разными будничными просьбами, но он служил для нас

справочною книгою и по интересовавшим нас научным вопросам. Он был нашим пестуном во всех отношениях" [II, 38, с. VI].

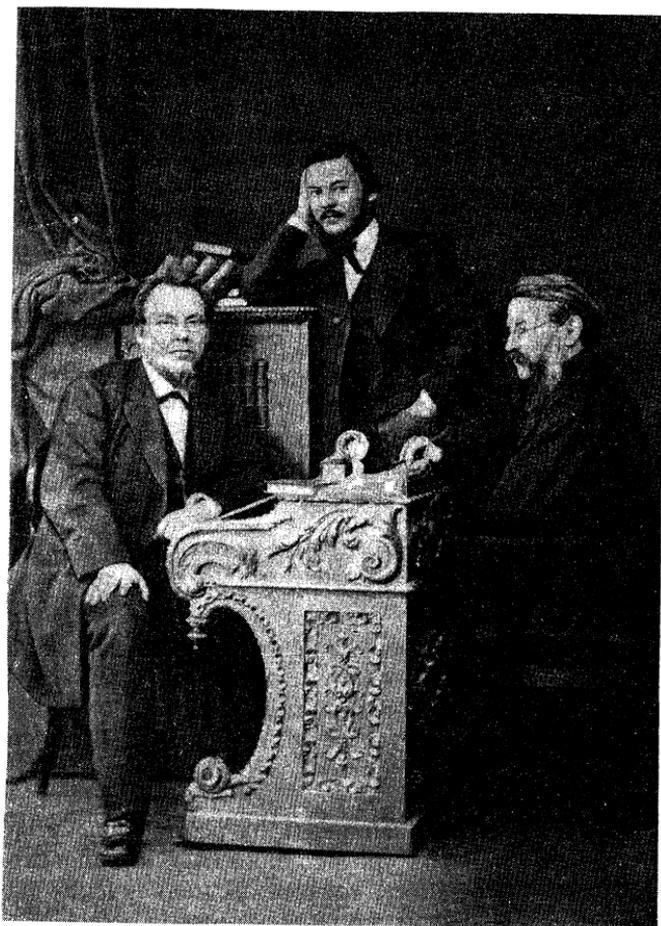
Молодым врачам в институте была предоставлена полная свобода в выборе предмета для специализации в той или иной области теоретической или практической медицины, но необходимо было, чтобы эти занятия проводились "постоянно с истинной любовью и с самым искренним намерением".

Диссертации врачей института отныне составляли самостоятельный научный труд, результаты которого были получены или в экспериментах на животных в лабораториях, или при наблюдениях за больными. Если раньше докторанты подавали диссертации, которые носили в основном компиляционный характер, то теперь "я признаю в них чрезвычайно важное значение в том отношении, что они указывают на новое направление наших молодых врачей, – считал И.Т. Глебов, – рутину и компиляция оставлены, в основание работ принято знание химии, физики и других отраслей естествознания и положено начало самостоятельности, в отсутствии которых нас, русских, справедливо упрекали" [II, 13, с. 25].

Принятое в России правило, что диссертации должны писаться и защищаться на латинском языке, было введено в 1838 г., хотя и ранее они готовились на латинском языке. В 1857 г. борьба научной медицинской общественности России за право писать и защищать докторские медицинские диссертации на русском языке увенчалась успехом, правда пока только в Петербургской медико-хирургической академии. Конференция академии, учитывая то, что за границей допускается написание диссертаций на отечественном (родном) языке и что русская медицинская литература и наука только выиграют, если в России диссертации будут писать и защищать на родном языке, добились в декабре 1857 г. от министра просвещения Е.П. Ковалевского разрешения на оформление и защиту докторских медицинских диссертаций по желанию соискателей на русском или латинском языке.

Спустя два года правительство разрешило писать и защищать диссертации на латинском, русском или на одном из наиболее распространенных в России европейских языков [II, 42, с. 394]. В заметке, опубликованной в "Московской медицинской газете" 25 апреля 1859 г., говорилось по этому поводу, что такое нововведение, "без сомнения, будет плодотворно в своих последствиях для нашей отечественной науки" и что с этих пор "теряет вредную силу обычай, вошедший к нам случайно и составлявший так долго истинное препятствие для наших докторантов".

Развитию научно-исследовательской работы в стенах Врачебного института способствовало не только создание самостоятельных научных лабораторий, которыми руководили такие ведущие профессора академии, как И.М. Сеченов, С.П. Боткин, В.Л. Грубер, Н.Н. Зинин и др., но и создание творческой атмосферы в этих лабораториях и на клинических кафедрах. Для того чтобы врачи имели возможность следить за достижениями науки по русским и иностранным естественно-

**Профессора Медико-хирургической академии
(слева направо) – С.П. Боткин, И.М. Сеченов, В.Л. Грубер**

научным и медицинским журналам, академия только в 1862 г. выписывала 38 журналов: из них 33 иностранных, 1 польский и 4 издаваемых в России.

Между прочим, чтобы дело в институте спорилось, вспоминал профессор Варшавского университета Н.А. Андреев, подогревалось оно соревнованием. Каждый воспитанник по совету Ивана Тимофеевича выписывал какой-либо естественнонаучный или медицинский журнал, и сам он выписывал не одно периодическое издание по естествознанию и медицине. И.Т. Глебов назначил определенные часы и дни, во время которых врачи обменивались информацией из прочитанных статей. Приходил неизменно на такие "сходки" и Иван Тимофеевич и также сообщал о прочитанном. При этом, конечно, завязывался обмен мнениями, обсуждалось прочитанное, "новые наблюдения поверялись со

старыми, возникали недоумения, являлись возражения". Обладая основательными и разносторонними медицинскими знаниями, И.Т. Глебов ненавязчиво, но "основательно" руководил этими прениями, указывал, "где можно положиться на слово автора, что нужно проверить, где можно некоторые противоречия согласить без проверки".

Таким образом, на этих "литературно-товарищеских сходках" приобретался навык излагать свои мысли ясно, связно, последовательно, развивалась способность публично выступать, не смущаясь. Здесь же подчас зарождались темы будущих экспериментальных работ, намечалась аппаратура для этих опытов, предлагалась дополнительная литература. На этих конференциях кто-то выступал с докладом о проделанной работе, и вновь выступал И.Т. Глебов, и опять возникала дискуссия в обсуждении результатов исследования. "Наконец, – считал И.Т. Глебов, – через все это молодые врачи знакомятся друг с другом короче, сближаются теснее и связываются наконец дружною, которая между учеными товарищами составляет одно из важнейших условий для успеха в их научных трудах" [I, 15, с. 21].

Работа шла дружно и споро, в институте проводилось все больше научных исследований, самостоятельных, вполне основательных, всегда вносящих в науку что-либо новое. Только за первые четыре года существования Врачебного института 38 врачами было опубликовано 111 научных работ. К 1886 г. из 222 врачей и 8 ветеринаров, оставленных для обучения во Врачебном институте, 52 получили профессорские кафедры: 23 – в академии и 29 – в университетах; 25 человек состояли приват-доцентами и 3 – прозекторами [II, 21, с. 777].

"Институтские врачи выходили из академии выдающимися научными работниками, и этот институт являлся главным рассадником профессоров и приват-доцентов для всех медицинских факультетов России" [Там же, с. 78]. Среди его воспитанников были такие известные не только в России, но и за границей ученые, как В.М. Бехтерев, А.П. Бородин, Р.Р. Вреден, А.П. Доброславин, Н.П. Кравков, В.А. Манасеин, В.А. Опель, И.П. Павлов, В.В. Пашутин, И.Р. Тарханов, В.Н. Шамов, В.Н. Шевкуненко и многие другие, которыми может достойно гордиться русская наука.

За время существования Врачебного института в отечественных и зарубежных изданиях молодые врачи опубликовали сотни научных работ, защитили более ста диссертаций. Наиболее ярко этот период деятельности академии охарактеризован в прошении ее врачей, с которым они обратились в Конференцию академии, в поддержку С.П. Боткина при избрании его ординарным профессором: "Прикомандированные к этой академии, мы не можем не чувствовать всего счастья развиваться в первом медицинском заведении и горячо сочувствуем всем ее интересам, потому что с развитием их тесно связано наше образование, что при быстрых успехах медицины и перевороте, свершившемся в ней в последнее время, наша академия не только стоит в уровень с современным развитием знаний, но еще в числе своих профессоров считает много благородных имен передовых деятелей, составляющих гордость русской науки" [II, 26, с. 137].

Революционные по своей сути преобразования, проводившиеся И.Т. Глебовым вместе с П.А. Дубовицким и Н.Н. Зининым, были направлены не только на усовершенствование преподавания и улучшение подготовки русских врачей, но и на возрождение и подъем "отечественного духа" в медицине. Ведь в России как практическая медицина, так и процесс обучения медицине долгое время находились в руках иностранцев, многие из которых хотя и выполняли свои обязанности, правда не всегда добросовестно, но совершенно не спешили и не стремились, а подчас и преднамеренно тормозили подготовку высококвалифицированных отечественных кадров для университетов. Кое-кто из них, по словам М.Ю. Лермонтова, "дерзко презирал земли чужой язык и нравы".

И.Т. Глебов, высоко ценивший творческий потенциал русского народа и веривший в него, был глубоко убежден:

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать [II, 29, с. 206].

"Я убежден, – говорил он на юбилее известного русского врача и общественного деятеля Е.И. Богдановского, – что русский человек может работать на поприще науки; дайте ему простор, и он не только усвоит науку, но самостоятельно разовьет ее, независимо разработает, и работать в своем отечестве он будет жизненнее, так как связь его с отечеством прочнее, крепче, теплее всякой инородной силы" [I, 17, с. 109].

Борьба И.Т. Глебова с иностранным засилием в русских учебных заведениях по сути явилась отражением той революционной эпохи, той жизненной позиции, которые были характерны для передовой русской интеллигенции в борьбе за процветание самобытной отечественной науки и культуры. "И.Т. Глебов... успел неопровержимо доказать, что русские врачи могут быть докторами и профессорами не только при благоприятствующих условиях, – говорил на юбилее ученого Н.А. Андреев, – но даже и при громадных затруднениях..., что отечественные врачи, если не тормозить их стремлений, могут получать эту высшую ученую степень не единицами, а сотнями и доказать, что они способны быть не только достойными профессорами, но и самостоятельными двигателями своей науки" [II, 40, с. 71]. "Никто из добросовестных ученых, – продолжал Н.А. Андреев, – не станет отрицать, что в последние два десятилетия русскими докторами и профессорами представлено в науку столько наблюдений, дано столько фактов, внесено столько мыслей, вполне самостоятельных, что они образовали весьма объемистое и вполне здоровое ядро русской медицины" [Там же, с. 73].

Учреждением Врачебного института сразу же был поднят уровень медицинского образования в России, ускорено развитие отечественной медицинской науки. Недаром в приветствии И.Т. Глебову Общества русских врачей в Санкт-Петербурге отмечалось: "Вам академия обязана, сделавшись в короткий промежуток времени первоклассным заведе-

нием России для желающих учиться медицине – заведением, которое по своей обстановке могло смело стать на один уровень со многими подобными же заведениями в Европе вообще. Но, что всего важнее, Вы сделали это заведение русским. Выписыванию из чужих земель готовых профессоров для академии Вы предпочли образование своих собственных.

Сделавши таким образом из нашей академии заведение, во всех отношениях удовлетворяющее чувству национального самолюбия нашего отечества, Вы сделали, Иван Тимофеевич, из него рассадник для России хорошо образованных врачей. Вы заставили иностранцев верить в возможность имени русского ученого. Вы подняли, наконец, значение русского врача-практика во мнении нашего общества, которое недавно еще готово было ему предпочесть всякого пришельца-иностранца" [Там же, с. 16–17].

Сам происходя из духовного звания "и убеждаемый отечественной историей, сколь много истинно полезных деятелей, особенно по части просвещения и врачевания, вышло от алтаря церкви" [Там же, с. 68], И.Т. Глебов добился того, что при общем приеме студентов в академию 16 казеннокоштных мест предоставлялись ежегодно выпускникам семинарий, которые пожелали посвятить себя медицине.

Очевидная польза созданного по замыслу И.Т. Глебова Врачебного института оказалась столь велика для подъема высшего медицинского образования и подготовки отечественных кадров преподавателей и ученых, что вскоре во многих университетах страны стали создаваться научно-педагогические заведения, подобные Врачебному институту Медико-хирургической академии. "Оценивая историческое значение достижений И.Т. Глебова, – писал советский историк медицины А.Г. Лушников, – нельзя забывать того, что именно он сумел подготовить почву для развития нового периода отечественной медицинской науки" [II, 30, с. 38].

ОРГАНИЗАТОРСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Т. ГЛЕБОВА

В академии И.Т. Глебов выполнял и большую административную работу. Вскоре после назначения его вице-президентом была создана под председательством П.А. Дубовицкого комиссия в составе академика П.П. Заболоцкого, профессора И.Д. Шипульского, профессора Н.Н. Зинина, в которую вошел и И.Т. Глебов, для разработки проекта нового устава академии, который способствовал бы "будущему благосостоянию и процветанию академии". Кроме того, он принимал участие во многих других комиссиях, то в звании председателя, то будучи членом комиссии. Так, он был председателем комиссии по составлению каталогов для аптеки академии, комиссии по снабжению кафедр и лабораторий материалами, инструментами, аппаратами, которые требовались для производства наблюдений, исследований и опытов и т.д.

В звании члена комиссии он принимал участие в устройстве меди-

цинской части Кавказской армии, составлении русской военной фармакопеи, составлении устава филантропического комитета и организации лечебницы для приходящих больных. Даже этот далеко не полный перечень говорит, сколь многогранна была деятельность И.Т. Глебова, а также о той большой работе, которая проводилась триумvirатом.

Перед строительством Анатомо-физиологического института и Михайловской больницы И.Т. Глебов был командирован за границу, где осмотрел свыше ста больниц, клиник, анатомических и физиологических лабораторий и институтов в Германии, Франции, Англии, Шотландии, Италии и Австрии. Но как бы хорошо ни были устроены они, сами по себе они могли быть двигателем науки, только имея квалифицированные кадры сотрудников. "Во все продолжение существования наших университетов, — писал он, — ничто не имеет такого резкого влияния на возвышение наших учебных заведений и не производило такой решительной и быстрой реформы в них в научном отношении, как поступление туда личностей, которые были обязаны своим усовершенствованием означенным мерам" [I, 15, с. 6]. Аналогичная мысль была высказана и П.А. Дубовицким: "Главная же действительная мера к возвышению академии есть укомплектование ее вполне достойными преподавателями" [II, 15, с. 5].

Поэтому на заведование многими кафедрами были выдвинуты и приглашены молодые способные ученые: химик А.П. Бородин, гистолог Н.М. Якубович, психиатр И.М. Баллинский, патологоанатом М.М. Руднев. И.Т. Глебов пригласил для работы в академии четырех воспитанников Московского университета, которые проходили усовершенствование за границей, — И.М. Сеченова, С.П. Боткина, Э.А. Юнге, Л.А. Беккерса. Все они стали известными учеными, составившими гордость и славу русской медицины, создали собственные научные школы, определили пути развития не только отечественной, но и мировой медицины и естествознания.

В период работы в академии И.Т. Глебов в течение трех лет заведовал терапевтическим отделением госпитальной клиники, вел занятия со студентами пятого курса. "Способ исследования и изучения болезни был употребляем синтетический, — писал он в отчете. — Начинали с формы болезни, которая разлагалась на свои элементы, т.е. симптомы (физиологические и анатомические), объяснялось внутреннее значение симптомов, взаимная связь их и зависимость, из чего выводилась так называемая *causa proxima* болезни, отыскивалась причина болезни, образ действия и закон образования ее (*generis morbi*), далее выводилось предсказание как относительно хода, так и исхода болезни, устанавливалось показание (*indicationes*) и, наконец, назначалось лечение, по возможности рациональное, а где нельзя — эмпирическое" [I, 14, с. 6].

Но, как справедливо заметил А.Г. Лушников, это был эпизод в той огромной работе, которую проводил И.Т. Глебов в академии по преобразованию с тем, чтобы "поставить в отечестве нашем врачебную науку на возможную степень совершенства" [II, 32, с. 64].

ЮБИЛЕЙ И.Т. ГЛЕБОВА

Как басня, так и жизнь ценится не за длину,
но за содержание

Сенека

Жизнь должна измеряться не прожитым
временем, а совершенными подвигами мысли
и труда

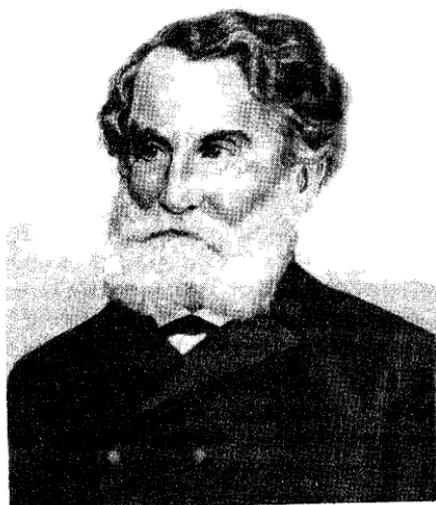
Н.П. Гундобин

В августе 1880 г. в газете "Новое время" (№ 1605) было опубликовано письмо, в котором сообщалось о предстоящем праздновании 50-летнего юбилея службы профессора Ивана Тимофеевича Глебова. Автором письма был ученик И.Т. Глебова по Московскому университету уже известный профессор Петербургской медико-хирургической академии С.П. Боткин. Он, в частности, писал; "...многие ученые и почитатели заслуг И.Т. Глебова, желая почтить торжеством день пятидесятилетнего честного и благотворного служения этого деятеля, выбрали из своей среды комиссию из профессоров Богданова, Боткина, Коломина и Сорокина для обсуждения и приведения в исполнение проекта празднования юбилея".

Эта торжественная дата была отмечена юбилейными собраниями врачей не только в Петербурге, где в это время И.Т. Глебов продолжал служить в Военно-медицинском ученом комитете, но и в других городах России, где он никогда не жил и не служил, но где работали многочисленные его ученики.

Юбилейные мероприятия прошли на квартире И.Т. Глебова. Вот как описывает это празднество газета "Новое время": "17 ноября с одиннадцати часов утра залы квартиры маститого юбиляра начали наполняться депутациями от различных ведомств, учреждений и заведений; публика, прибывшая поздравить Ивана Тимофеевича с памятным для него торжественным днем, к 12 часам наполнившая все комнаты, представляла разнообразную картину, начиная от генералов до простого черного сюртука рабочего ученого".

Первым приветствовал И.Т. Глебова Московский университет: "Глубокоуважаемый Иван Тимофеевич! Первые 25 лет Вашей деятельности посвящены были трудному служению делу науки и преподаванию при Имп. Московском университете, – говорилось в приветственном адресе. – Совет университета, оценив Вашу светлую и многоплодную деятельность, считает своим долгом засвидетельствовать в этот день пред Вами свое глубокое уважение. Фактическим доказательством тому служит избрание Вас в почетные члены Московского университета" [II, 40, с. 4]. В ответ на это И.Т. Глебов сказал: "Старый друг дружески вспомнил обо мне, дружески принял меня снова в среду свою. Приятно старости вспомнить свою молодость. Да здравствует Московский университет и да пребудет навсегда ядром русского просвещения" [Там же].

И.Т. Глебов
(80-е годы XIX в.)

"Конференция Имп. Медико-хирургической академии, – говорилось в приветствии, с которым к юбилею от имени академии обратились А.М. Быков, А.П. Доброславин и П.П. Сущинский, – оценивая заслуги, оказанные Вами в течение 50-летней учено-учебной службы Вашей на пользу науки и молодого поколения, которого Вы были достойным руководителем, и желая вместе с тем выразить свое участие в праздновании торжественного дня Вашего юбилея, признала Вас своим почетным членом" [Там же]. В ответном слове И.Т. Глебов отметил, что Медико-хирургическая академия "остается и останется навсегда предметом моих симпатий и забот, потому что часть моей жизни трудовой положена в него". [Там же, с. 5].

"Всем русским врачам понятно значение Вашего служения отечественному медицинскому образованию как профессора зоологии и физиологии, как основателя первого в России кабинета сравнительной анатомии и первого по времени русского профессора, ознакомившего студентов Московского университета с широкими задачами этой науки в области рациональной медицины, – говорилось в приветственном адресе, с которым к юбилею обратился Медицинский совет Министерства внутренних дел. – ...Под Вашим ученым руководством и при Вашем поощряющем внимании во врачебно-учебных учреждениях обеих столиц преемственно получили специальное образование целые поколения врачей, из которых многие в настоящее время с честью занимают почетное место в медицинской ученой литературе и профессуре" [Там же, с. 6].

От Харьковского университета: "Не часты представители науки, знаменитые не столько научными открытиями, сколько правильным пониманием современных задач научного исследования. Такие люди всегда вносили свет в науку, расширяли область научного исследования и применения знания и тем открывали новые поприща для научной и гражданской деятельности... Там, где Вы читали лекции, возникали кафедры, а там, где Вы занимали кафедры, зарождались целые институты. Везде Вы старались успеху знания обеспечить его будущность" [Там же, с. 13–14].

Поздравляя И.Т. Глебова с юбилеем, известный русский акушер-гинеколог и историк медицины профессор Казанского университета В.М. Флоринский, один из первых воспитанников Врачебного института, в присланной телеграмме писал: "Вспоминаю с душевной благо-

дарностью моего первого руководителя в науке и жизни... Научимся его примером любить дорогую родину и служить ей так же верно, как служил наш руководитель" [Там же, с. 14].

От Общества русских врачей в Петербурге: "...при основательном и крайне разностороннем медицинском образовании, бывши светилом своего времени, как профессор Московского университета не одну тысячу студентов-медиков снабдили Вы массой полезных для их врачебной деятельности познаний по разным отраслям медицины... Переход Академии из былого состояния в цветущее, в котором Вы ее оставили, почти все существенные за это время преобразования в ней, как в общем, так и в частности, принадлежат Вам" [Там же, с. 15].

В приветствии Петербургской врачебной общины отмечалось, что "неустанная и плодотворная полувековая деятельность (И.Т. Глебова. – *В.М.*) была всецело посвящена страждущему человечеству, родной медицине и молодым русским врачам" [Там же, с. 22].

"Жизнь Ивана Тимофеевича Глебова, – говорилось в телеграмме, присланной доктором Стольниковым, – полна усилий, направленных на то, чтобы развить как можно шире родную медицинскую науку, чтобы дать возможность развиваться и крепнуть родным силам" [Там же, с. 38].

Было еще много приветствий от других университетов страны, научных обществ, учеников юбиляра. И в каждом из них отмечалось, что добросовестная служба, творческое отношение к делу, удачное сочетание педагогического мастерства и глубокого знания предмета с умением увлечь, заинтересовать студентов медициной, ее проблемами были И.Т. Глебовым устремлены "к будущему благосостоянию и процветанию русской науки", чтобы "направить в отечестве нашем врачебную науку на возможную степень совершенства".

Большой юбилейный вечер в честь И.Т. Глебова состоялся в Варшаве. Здесь 17 ноября по предложению медицинского инспектора Варшавского военного округа А.А. Боголюбова, который являлся юбиляру "земляком по месту рождения, сожителем по бурсе, сокурсником по семинарии, сотоварищем и сослуживцем по Медико-хирургической академии в Москве и сочленом по Военно-медицинскому комитету в Петербурге" [Там же, с. 58], собрались врачи в Варшавском русском собрании, "чтобы в общей товарищеской беседе за хлебом-солью вспомнить время Глебова".

В речи, с которой перед собравшимися выступил А.А. Боголюбов, была отмечена та огромная роль, которая принадлежит И.Т. Глебову в улучшении высшего медицинского образования в России. Отличительной чертой его деятельности, отметил А.А. Боголюбов, является высокая гражданская доблесть, с которой он отстаивал интересы страны. С созданием Врачебного института его воспитанники стяжали русской медицине славу внутри и вне своего отечества. "Желаю, чтобы врачи, подобные И.Т. Глебову, являлись на родной земле нашей чаще и все были бы столько же преданы мысли о преуспевании отечественной медицины, сколько доселе остается преданным ей И.Т. Глебов" [Там же, с. 56].

Доктору Шнауберту

*въ память для удобства
и удобства Юбилей*

ОПИСАНІЕ 21 ноября 1881 г.

С Петербурга
ПРАЗДНОВАНІЯ ЮБИЛЕЯ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ СЛУЖБЫ

заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета,

бывшаго вице-президента Императорской Медико-Хирургической Академіи,

непремѣннаго члена Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета,

ТАЙНАГО СОВѢТНИКА

**ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА
ГЛѢБОВА,**

17-го ноября 1880 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. А. ЛЕБЕДЕВА, Невск. просп., д. № 8.
1881.

Титульный лист книги
"Описание празднования юбилея И.Т. Глебова", 1881 г.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО РАЗЛИЧНЫМЪ ОТРАСЛЯМЪ

МЕДИЦИНСКИХЪ НАУКЪ.

Сборникъ работъ врачей Института ИМПЕРАТОРСКОЙ
Медино-Хирургической Академіи.

ИЗДАНИИ

КО ДНЮ 50-ти ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ СЛУЖЕВЪ

ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА

ГЛЕБОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Профессора И. Ф. СЛАВЯНСКАГО

(НАСТАВНИКА МОЛОДЫХЪ ЧЛЕНЪ 1860—1881 ГОДЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКАДА Н. Н. ЦЫЛОВА.
1880.

Титульный листъ сборника
воспитанниковъ Врачебнаго института,
изданнаго къ юбилею И.Т. Глебова, 1880 г.

Среди множества приветствий, статей, посвященных юбилару, которые опубликовали многие журналы и газеты, особо выделяется сборник "Новейшие исследования по различным отраслям медицинских наук" [II, 38], который был преподнесен И.Т. Глебову. Этот сборник научных работ ("Глебовский сборник") был подготовлен и выпущен воспитанниками Врачебного института, в разные годы окончившими его. В предисловии к сборнику профессор К. Славянский (наставник молодых врачей института 1880–1881 гг. и сам бывший воспитанник Врачебного института) писал, что выпущен он в честь И.Т. Глебова и что выпуском этого сборника Медико-хирургическая академия отметила "несомненные заслуги и крайне плодотворную деятельность И.Т. Глебова по отношению к институту врачей при Имп. Медико-хирургической академии" [II, 38, с. 3].

Работы, вошедшие в сборник, отличались по направлению научных исследований: здесь были и результаты теоретических исследований, и данные, полученные при наблюдениях за больными в клинике. Авторами статей были уже известные русские ученые В.М. Бехтерев, И.Р. Тарханов, А.П. Доброславин, Н.П. Симановский, П.И. Успенский, И.П. Мержеевский, С.А. Лебедев и др.

Профессор Ф. Заварькин, обучавшийся во Врачебном институте с 1859 по 1862 г., в предисловии к сборнику отметил, что "возникший по мысли Глебова Врачебный институт способствовал развитию медицинской науки в России", он "служил постоянным рассадником медицинских профессоров, откуда брали преподавателей как академия, так и университеты", чем И.Т. Глебов "содействовал насаждению семени просвещения в своем отечестве".

Отвечая на одно из приветствий, И.Т. Глебов сказал: "Одно было во мне стремление всегда и везде, насколько у меня сил и умения доставало, устраивать благо ближнего, и особенно того ближнего, кого судьба вручала непосредственному моему попечению.

Учебная атмосфера, в которой я провел наибольшую часть моей жизни, сделалась для меня такою же жизненной стихией, как для рыбы вода, для птицы воздух. В эту среду и за эту среду я положил, так сказать, живот мой. Студент, вот кому искренне посвящена вся моя жизнь, его возможно лучшему образованию посвящены были все мои мысли и усилия" [II, 40, с. 35].

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.Т. ГЛЕБОВА

- 1806, 24** июня (5 июля) в с. Глебово-Городище Рязанской губернии родился И.Т. Глебов.
- 1806–1821** обучение в Зарайском духовном училище.
- 1821–1826** учеба в Рязанской духовной семинарии. поступил на медицинский факультет Московской медико-хирургической академии.
- 1827** помощник библиотекаря в академической библиотеке.
- 1830** в переводе И.Т. Глебова и А. Лунина вышел учебник Ф. Мажанди "Краткое основание физиологии"; окончил академию с золотой медалью и правом подготовки к профессорской деятельности.
- 1830–1832** участвовал в ликвидации эпидемии холеры в Москве, Поволжье, Симбирске, Ставрополе.
- 1831** получил звание акушера.
- 1832** адъюнкт-профессор по анатомии и физиологии Московской медико-хирургической академии.
- 1833** адъюнкт-профессор по общей патологии и терапии Московской медико-хирургической академии.
- 1834** защитил докторскую диссертацию "О страстях с физиологической, патологической, терапевтической и фармакологической точек зрения".
- 1835** сдал экзамен на звание адъюнкт-профессора общей и частной терапии.
- 1836** профессор кафедры ветеринарии.
- 1837–1840** научная командировка в лаборатории и клиники Германии, Франции и Англии. Создает коллекцию морских позвоночных и беспозвоночных животных.
- 1840** профессор физиологии и общей патологии Московской медико-хирургической академии.
- 1842** переход на работу в Московский университет. Организует на физико-математическом факультете университета кафедру сравнительной анатомии и физиологии. Профессор зоологии на медицинском факультете университета.
- 1844** создает в Московском университете кабинет сравнительной анатомии и физиологии, основу которого составила коллекция животных, собранных им во время заграничной командировки; избран членом Московского общества испытателей природы.
- 1845–1855** ординатор Московского военного госпиталя.
- 1845** избран членом Физико-медицинского общества; избран членом Общества русских врачей в Петербурге; избран членом Королевского Общества Северных антиквариев в Дании.
- 1846** опубликована работа "О микроскопическом изучении мягких тканей мамонта".
- 1849–1857** профессор кафедры физиологии здорового человека на медицинском факультете Московского университета.
- 1850** руководство кабинетом сравнительной анатомии и физиологии И.Т. Глебов передал профессору Н.А. Варнеку.
- 1856** выступил на Актвом дне Московского университета с речью "Об отношении физиологии к прочим врачебным наукам"; опубликовал статью "Физиология аппетита или голода".
- 1857–1867** вице-президент Петербургской медико-хирургической академии.

- 1857–1859** заведующий отделением госпитальной терапевтической клиники академии.
- 1858** при деятельном участии И.Т. Глебова основан при академии Врачебный институт.
- 1859** вышла статья "В защиту преподавания физиологии в России".
- 1860** под руководством И.Т. Глебова И.М. Сеченов защищает докторскую диссертацию и становится профессором физиологии академии; избран членом Медико-филантропического комитета человеколюбивого общества в Петербурге.
- 1868–1884** член Военно-медицинского ученого комитета при академии.
- 1880** юбилей 50-летней службы И.Т. Глебова; избран почетным членом Московского университета; избран почетным членом Петербургской медико-хирургической академии.
- 1884,** 10(22) ноября И.Т. Глебов скончался.

I. ТРУДЫ И.Т. ГЛЕБОВА

1. Мажанди Ф. Краткое основание физиологии / Пер. с фр. И.Т. Глебова и А. Лунина. М., 1830.
2. *Dissertation inauguralis medicina de pathematibus sensu physiologico, pathologico, therapeutico et pharmacologico.* Moscou, 1834.
3. *Recherches microscopiques sur les parties molles de Mamouth (Elephas primogenitus Blumenbachii, Mamonteus Fischeri) avec trois planches* // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1846. Т. 19, N 3. Р. 108–134.
4. Будге. Карманная специальная физиология человека: Пер. с нем. М., 1853.
5. Автобиография // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, 1755–1855. М., 1855. Т. 1. С. 209–225.
6. Дядьковский И.Е. // Там же. С. 315–325.
7. *De ratione, quam physiologia cum aliis medicis habet* // Речи, некрологи и отчеты Московского университета. М., 1856. С. 1–60.
8. Об отношении физиологии к прочим врачебным наукам. Отд. отд. М., 1856.
9. Физиология аппетита или голода. М., 1856.
10. Некролог Алексея Николаевича Орловского, помощника прозектора по кафедре сравнительной анатомии и физиологии в физико-математическом факультете Императорского Московского университета // Моск. врачеб. журн. 1857. Кн. 5/6. С. 21–48.
11. Опыт лечения перемежающейся лихорадки семенами китайского огуречника // Протоколы заседания Общества русских врачей 1857–1858 гг. СПб., 1858. С. 220.
12. Разбор сочинения Заболоцкого: Руководство к изучению и лечению сифилитических болезней // 27-е присуждение Демидовских наград. СПб., 1857. С. 43–101.
13. В защиту преподавания физиологии в России: (По поводу предполагаемого публичного чтения в Пассаже Е. Пеликаном) // СПб. ведомости. 1859. № 264.
14. Краткий обзор действия Императорской С.-Петербургской медико-хирургической академии за 1857–1859 гг. в видах улучшения этого заведения. СПб., 1860. 34 с.
15. О занятиях медиков Врачебного института при С.-Петербургской медико-хирургической академии // Воен.-мед. журн. 1863. № 11. С. 1–27.
16. Критический разбор правил для прикомандирования к Медицинской академии врачей / Сост. Я. Чистовичем. Записка. СПб., 1882.
17. Речь на юбилее Е.И. Богдановского // Тр. О-ва рус. врачей в Петербурге. 1883–1884. Т. 2. С. 109.
18. Рассуждение о страстях / Пер. дис. И.Т. Глебова, выполненный Л.Я. Бляхером // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., 1959. С. 277–294.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Абонемент на публичные лекции в Пассаже // Сев. пчела. 1859. № 236.
2. *Аглицев Д.* История Рязанской духовной семинарии (1724–1840 гг.). Рязань, 1889. 381 с.
3. *Анохин П.К., Судаков К.В.* Нейрофизиологическая теория голода, аппетита и насыщения // Успехи физиол. наук. 1971. Т. 2, № 1. С. 3–41.
4. *Архангельский Г.А.* Н.А. Белоголовый – общественный врач, журналист: (К 150-летию со дня рождения) // Сов. здравоохранение. 1984. № 10. С. 67–70.
5. *Архимандрит Макарий.* Историко-статистическое описание Рязанской духовной семинарии и подведомых ей духовных училищ. Новгород, 1864. 167 с.
6. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1896. Кн. X. С. 567–575.
7. *Беляков В.Д.* П.А. Дубовицкий – выдающийся организатор высшего медицинского образования в России: (К 100-летию со дня смерти) // Сов. здравоохранение. 1968. № 8. С. 61–65.
8. *Боткин С.П.* Юбилей И.Т. Глебова // Новое время. 1880. № 1605.
9. Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина // Рус. старина. 1896. № 1. С. 194.
10. *Герцен А.И.* Дневник, 1842–1845 // Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 199–413.
11. *Герцен А.И.* Письма об изучении природы // Там же. Т. 3. С. 89–315.
12. *Герцен А.И.* Былое и думы. Ч. 1 // Там же. 1956. Т. 8. С. 15–168.
13. *Геселевич А.М.* Незданная записка С.П. Боткина об устройстве госпиталей и увеличении срока высшего медицинского образования // Клин. медицина. 1961. Т. 40, № 10. С. 142–145.
14. *Дранкин Д.И.* Холера: Прошлое и настоящее. Саратов, 1973. 94 с.
15. *Дубовицкий П.А.* Замечания о проекте нового устава российских университетов // СПб. ведомости. 1862. № 243.
16. *Дядьковский И.Е.* Общая терапия. М., 1836. 121 с.
17. *Дядьковский И.Е.* Рассуждение об образе действия лекарств на человеческое тело // Сочинения. М.: Медгиз, 1954. С. 61–86.
18. *Заборовский Н.А.* Воспоминания о И.Т. Глебова // Моск. ведомости. 1884. № 355.
19. *Иноземцев Ф.И.* О белом размягчении вещества головно-спинной нервной системы как припадке простудного катара // Моск. врачеб. журн. 1856. Кн. 5. С. 215–240.
20. Инструкция инспектору студентов Имп. Московского университета. М., 1834.
21. История Имп. Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет, 1798–1898 / Под ред. Ивановского. СПб., 1898. 1189 с.
22. *Колосов Г.А.* Федор Андреевич Гильтебрандт (1773–1845) // Врачеб. дело. 1928. № 19. С. 1473–1476.
23. *Кораблев Г.И.* Курс акушерской науки и женских болезней. М., 1841. Т. 1. 690 с.
24. *Коштовяц Х.С.* Алексей Николаевич Орловский. М.: Изд-во МГУ, 1951. 51 с.
25. Краткий очерк главных распоряжений Министерства народного просвещения за последние семь лет // СПб. ведомости. 1862. № 179.
26. *Куценко А.П.* Исторический очерк кафедры академической терапевтической клиники Имп. Военно-медицинской академии, 1810–1898: Материалы к истории академии. СПб., 1898.
27. *Левина Ю.* Пушкинское Болдино. Горький, 1979. 78 с.
28. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1–609.
29. *Ломоносов М.В.* Ода на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны, 1747 г. // Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 8. С. 196–207.
30. *Лушников А.Г.* Физиолог И.Т. Глебов (1806–1884) // Фельдшер и акушерка. 1952. № 12. С. 34–38.

31. *Лушников А.Г. И.Е. Дядьковский и клиника внутренних болезней первой половины XIX в. М.: Медгиз, 1953. 284 с.*
32. *Лушников А.Г. Научная и педагогическая деятельность И.Т. Глебова // Очерки по истории отечественной медицины середины XIX в. М., 1958. С. 63–83.*
33. *Макаров В.А. Алексей Матвеевич Филомафитский (1807–1849). М.: Наука, 1986. 152 с.*
34. *Микулинский С.Р. И.Е. Дядьковский (1784–1841): Мировоззрение и общепедагогические взгляды. М.: МОИП, 1951. 117 с.*
35. *Микулинский С.Р. Развитие общих проблем биологии в России: Первая половина XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 450 с.*
36. *Микулинский С.Р. Карл Францович Рулье (1814–1858). М.: Наука, 1979. 336 с.*
37. *Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. 487 с.*
38. *Новейшие исследования по различным отраслям медицинских наук: (Сб. врачей Ин-та имп. Мед.-хирург. акад., изд. ко дню 50-летию юбил. службы И.Т. Глебова). СПб., 1880. 400 с.*
39. *О публичных лекциях в Имп. Московском университете и обеих гимназиях оного, преподаваемых с 17 августа 1792 по 26 июня 1793 г. М., 1793.*
40. *Описание празднования юбилея 50-летней службы заслуженного профессора Имп. Московского университета Ивана Тимофеевича Глебова 17 ноября 1880 г. СПб., 1881. 74 с.*
41. *Пашутин В.В. Краткий очерк истории Военно-медицинской академии. СПб., 1898. 38 с.*
42. *Петербургские сенатские ведомости. СПб., 1859. № 31. С. 394.*
43. *Писарев Д.И. Мотивы русской драмы // Сочинения. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2. С. 366–395.*
44. *Прейсман А.Б. Московская медико-хирургическая академия: (Исторический очерк). М.: Медгиз, 1961. 112 с.*
45. *Пушкин А.С. Воспоминания и дневники // Собр. соч. М.: Современник, 1982. Т. 8. С. 335–423.*
46. *Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии // Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 39–141.*
47. *Рябцев В.Г., Кузьмин М.К. Торжественный годичный акт. М., 1968. 40 с.*
48. *Сеченов И.М. Автобиографические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1945. 180 с.*
49. *Сеченов И.М. Избранные произведения. М.: Изд-во АМН СССР. Т. 1. 1952. 772 с.; Т. 2. 1956. 942 с.*
50. *Скиадан М.И. Слово о причинах действия страстей душевных, также о способе умерять и укрощать оные для благополучной и спокойной жизни. М., 1794. 33 с.*
51. *Скориченко Г.Г. Столетие военного министерства: Военно-медицинская (Медико-хирургическая) академия: Исторический очерк. СПб., 1910. Т. 9, ч. 2.*
52. *Соколов М.Г. О Московской медико-хирургической академии: (Воспоминания бывшего студента) // Змеев Л.Ф. Былое врачебной России. СПб., 1890. Кн. 1. С. 31–71.*
53. *Станкевич А.В. Биографический очерк // Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 1. С. 259–262.*
54. *Тимирязев К.А. Праздник русской науки // Сочинения. М.: Сельхозгиз, 1938. Т. 5. С. 37–50.*
55. *Тимирязев К.А. Витализм // Там же. С. 449–452.*
56. *Филомафитский А.М. Физиология, изданная для руководства своих слушателей. М., 1836. Ч. 1. 448 с.*
57. *Чернышевский Н.Г. Очерки Гоголевского периода русской литературы // Избр. соч. М.; Л.. 1930. Т. 4. С. 153.*
58. *Шекспир У. Венецианский купец // Полн. собр. соч. М.: Искусство, 1958. Т. 3. С. 211–309.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агнцев Д. 110
Аксман К. 66
Альфонский А.А. 16
Андраль 35
Андреев Н.А. 46, 96, 98
Анохин П.К. 5, 74, 81, 82, 110
Аристотель 67
Архангельский Г.А. 110
- Бабухин А.И. 62, 65
Баллинский И.М. 100
Бард Л. 73
Барсуков Н. 110
Барыков С. 66
Басов В.А. 36, 39, 40, 50, 85
Баумейстер Ф. 70
Беккерс Л.А. 100
Белинский В.Г. 18, 49
Белл Ч. 44
Белоголовый Н.А. 46, 47, 110
Беляков В.Д. 110
Бернар К. 35, 59, 61
Беррес 34
Бехтерев В.М. 97, 106
Бецольд А. 65
Биша М. 19, 59, 73
Бленвиль А. 35
Бляхер Д.Я. 109
Богданов А.П. 101
Богдановский Е.И. 98, 109
Боголюбов А.А. 104
Бомон У. 77
Бонне Ш. 73
Бородин А.П. 100
Боткин С.П. 5, 45, 46, 48, 62, 66, 84, 95,
96, 97, 100, 101, 110
Брехт Б. 26
Бреше 35
Бруссе Ф. 65
Будге Ф. 64, 109
Бурдах К.Ф. 44
Быков А.М. 102
- Вагнер Р. 34, 35
Валентин Г. 34, 35
Валлах 64
Варламов А.Г. 18
Варнек Н.А. 39, 107
Вебер Эдуард 63, 64, 65
Вебер Эрнест 63, 64, 65
- Вейнгольд К. 75
Велланский Д.М. 19
Веневитинов Д.В. 18
Вечь И.И. 44
Виллие Я.В. 12, 28, 30, 88
Вильсон Ф. 75
Вольта А. 56
Вреден Р.Р. 97
Высотский Г.Я. 14, 16
- Гален К. 70
Галлер А. 44, 63
Гал М. 44
Галль Ф. 73
Гальвани Л. 56
Гедеон 12
Гельвеций К. 74
Гельмгольц Г. 59
Генле Ф. 33
Герцен А.А. 64
Герцен А.И. 24, 37, 38, 49, 110
Геселевич А.М. 110
Гильтебрандт Ф.А. 15, 16, 19, 110
Гиппократ 70, 74
Глебов Т.В. 11
Гоголь Н.В. 18
Голицын Д.В. 24
Гольц Ф. 64
Гофман В. 70
Грановский Т.Н. 38, 46, 111
Грубер В.Л. 85, 95, 96
Грузинов И.Е. 50
Гундобин Н.П. 101
Гунтер 35
- Давыдов Д.В. 18
Декарт Р. 67, 69, 73
Джемс У. 73
Дистервег А. 26
Добролюбов Н.А. 49
Доброславин А.П. 97, 102, 106
Дохтуров Д.С. 18
Дранкин Д.И. 110
Дубовицкий П.А. 84–86, 88, 89, 91, 92, 98,
99, 100, 110
Дюбуа–Реймон Э. 56, 79
Дюже А. 44
Дядьковский И.Е. 5, 14, 16–19, 22, 26, 28–
32, 42, 43, 50, 55, 57, 58, 62, 67, 69, 71,
72, 75, 109–111

- Заболоцкий П.П. 84, 99, 109
 Заборовский Н.А. 110
 Заварыкин Ф. 106
 Зенон 70
 Зинин Н.Н. 33, 85, 86, 95, 98, 99
 Змеев Л.Ф. 111
 Зыбелин С.Г. 50, 57
- Ивановский Н.П. 110**
 Илиодор 12
 Иноземцев Ф.И. 50, 65, 66, 85, 110
- Кайданов Я.К. 75**
 Кант И. 69
 Канц Г. 69
 Карус К. 44
 Кеннон У. 73
 Керестури Ф.Ф. 41, 50
 Кикин А.И. 18, 75
 Кир Я. 29, 30
 Клементовский И.В. 14, 21
 Ковалевский Е.П. 95
 Коломин 101
 Колосов Г.А. 110
 Кольцов А.В. 18
 Кондильяк Э.Б. 73
 Кони А.Ф. 22
 Кони Ф.А. 22
 Коновницын П.П. 18
 Консбрух Г. 19
 Кораблев Г.И. 14, 15, 18, 110
 Кошгоянц Х.С. 63, 65, 110
 Кравков Н.П. 97
 Крылов Д. 11
 Крювель 35
 Кудряцев Т.В. 18, 75
 Кузьмин М.К. 111
 Куценко А.П. 110
 Кювье Ж. 35
- Ламарк Ж.-Б. 67**
 Ланге К. 73
 Лебедев С.А. 106
 Левина Ю.И. 110
 Лека Н. 73
 Ленин В.И. 83, 110
 Лере 44
 Лермонтов М.Ю. 18, 98
 Листорн 69
 Ловецкий А.Л. 14, 15, 36
 Локк Дж. 73
 Ломоносов М.В. 49, 57, 110
 Лонже 35, 44
 Лунин А. 11, 20, 21, 107
 Лушников А.Г. 17, 99, 100, 111
- Мажанди Ф. 19, 20, 21, 35, 74, 78, 79, 107, 109**
 Майен Ю. 33
 Майер Н.В. 17
- Майнер Г. 33
 Макарий архимандрит 7, 110
 Макаров В.А. 5, 111
 Максимович М.А. 18
 Мальбранш Н. 73
 Манасеин В.А. 88, 97
 Меккель И.Ф. 33
 Мержеевский И.П. 106
 Микулинский С.Р. 43, 62, 76, 82, 111
 Мильн-Эвардс А. 79
 Мочалов П.С. 18
 Мудров М.Я. 22, 30, 50
 Мухин Е.О. 5, 16, 17, 22, 50, 57, 69
 Мюллер И. 33, 36, 43, 44, 59, 78
- Некрасов Н.А. 46**
 Никитин И.С. 9
 Ньютон И. 60, 98
- Овсянников Ф.В. 36**
 Одуэн 35
 Оппель В.А. 97
 Орбели Л.А. 82
 Орловский А.Н. 5, 36, 40, 41, 44, 62–66, 109, 110
 Орнатский С.Н. 50
- Павлов И.П. 66, 78, 79, 82, 97**
 Парацельс Т. 70
 Паскевич И. 19
 Пашутин В.В. 61, 85, 97, 111
 Пеликан Е.В. 40, 109
 Пирогов Н.И. 85, 93
 Писарев Д.И. 49, 88, 111
 Платон 60, 67, 73, 98
 Погодин М.П. 18, 110
 Полунин А.И. 39, 50
 Помяловский Н.Г. 9
 Прејсман А.В. 111
 Прохазка И. 19
 Пушкин А.С. 23, 83, 111
- Радищев А.Н. 49, 57, 111**
 Рейс Н. 29
 Рейхарт 44
 Риссо 35
 Ришеран А.-Б. 44, 73
 Руднев М.М. 100
 Рудольфи К.А. 44
 Рулье К.Ф. 14, 111
 Рябцев В.Г. 111
- Садовников В.Ф. 90**
 Салтыков-Щедрин М.Е. 46
 Севрук Л.С. 39
 Сенека 101
 Сеченов И.М. 5, 37, 42–46, 48, 49, 62, 64, 65, 66, 73, 75, 79, 81, 82, 89, 95, 96, 100, 108, 111

Симановский Н.П. 106
Симонов П.В. 74
Скиадан М.И. 69, 111
Скориченко Г.Г. 88, 111
Славянский К.Ф. 105, 106
Смитт Г. 70, 74
Соколов И.М. 39, 40
Соколов М.Г. 31, 36, 111
Сократ 67
Сорокин 101
Спиноза Б. 67
Станкевич А.В. 38, 111
Станкевич Н.В. 18
Стольников 103
Строганов С.Г. 31
Субботин Т. 11
Судаков К.В. 6, 81, 110
Суханов М. 75
Сущинский П.П. 102

Тарханов И.Р. 97, 106
Терновский П.М. 50
Тидеман Ф. 44
Тимирязев К.А. 59, 60, 111
Тревиран Г. 44
Трофимов 61

Успенский П.И. 106

Фарадей М. 7
Филомафитский А.М. 5, 38–41, 43, 50, 57,
62, 82, 85, 93, 111
Фишер фон Вальдгейм Г.И. 13, 14, 28
Флоринский В.М. 102
Флюранс П. 35, 44
Фома Аквинский 67, 70

Хризипп 73

Чаадаев П.Я. 18
Чачков В. 19
Черниговский В.Н. 82
Чернышевский Н.Г. 7, 46, 49, 111
Чертков А.Д. 18
Чехов А.П. 22
Чистович Я. 109

Шамов В.Н. 97
Шарьер 36
Шванн Т. 33, 34, 44
Швейцер А. 49
Шевалье 36
Шевкуненко В.Н. 97
Шекспир У. 73, 111
Шик 34
Шипулинский И.Д. 99
Шифф М. 64
Шлемм 33
Шталь Г.Э. 70

Щепкин М.С. 18

Эвениус А.Е. 22
Эйнбротт П.П. 62, 65
Эразистрат 70
Эразмус И.Ф. 50
Эренберг Х. 34
Эрнест И.А. 69

Юнге Э.А. 100

Якубович Н.М. 100
Якушкин И.Я. 17

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. ПУТЬ В НАУКУ	7
Детство, отрочество	7
В духовной семинарии.....	8
Обучение в Московской медико-хирургической академии.....	12
Глава II. ВЕЛИКОЕ БЕДСТВИЕ	22
Глава III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	26
И.Т. Глебов в Московской медико-хирургической академии	26
Работа в университетских лабораториях и клиниках за рубежом	32
Профессорство в Московском университете	36
Глава IV. ОБЩЕБИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ И.Т. ГЛЕБОВА	49
Глава V. НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО	61
Разные работы.....	61
"Рассуждение о страстях...".....	67
"Физиология аппетита или голода".....	76
Глава VI. ВИЦЕ- ПРЕЗИДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ	83
Расцвет русской медицинской науки	86
Врачебный институт. Наставник молодых врачей.....	93
Организаторская и общественная деятельность И.Т. Глебова.....	99
Глава VII. ЮБИЛЕЙ И.Т. ГЛЕБОВА	101
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.Т. ГЛЕБОВА	107
I. ТРУДЫ И.Т. ГЛЕБОВА	109
II. ЛИТЕРАТУРА	110
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	112

Макаров В.А.

М 15 Иван Тимофеевич Глебов. 1806–1884. – М.: Наука, 1995. – 116 с.; ил. – (Научно-биографическая литература)

ISBN 5-02-005424-0

Книга посвящена жизни, научно-педагогической и общественной деятельности видного русского физиолога профессора Московского университета и вице-президента Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Ивана Тимофеевича Глебова. Базируясь на опубликованных трудах ученого и архивных материалах, автор книги – профессор В.А. Макаров проанализировал исследования И.Т. Глебова в области физиологии центральной нервной системы и высшей нервной деятельности и показал важную роль ученого в утверждении экспериментального направления как в физиологической науке, так и в преподавании физиологии. Лекции Глебова, проникнутые материалистическими идеями, оказали заметное влияние на формирование научных интересов и мировоззрения таких выдающихся русских ученых, как И.М. Сеченов, А.И. Бабухин, С.П. Боткин.

Для широкого круга читателей, интересующихся развитием отечественной науки.

Научно-биографическое
издание

Макаров
Вячеслав Александрович
ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ
ГЛЕБОВ
1806–1884

Утверждено к печати
Редколлекцией серии
"Научно-биографическая литература"

Заведующая редакцией "Наука – биосфера,
экология, геология" *А.А. Фролова*
Редакторы *И.М. Ерофеева*, *М.В. Грачева*
Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*
Технический редактор *Э.Б. Павлюк*
Корректор *Э.Д. Алексеева*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1665

ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 06.04.95

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.-л. 7,5. Усл.кр.-отг. 7.8 Уч.-изд.л. 8,5

Тираж 160 экз. Тип. зак. 820.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ:

Г.В. Смирнов

ВЛАДИМИР ПОЛИЕВКТОВИЧ КОСТЕНКО. 1881—1956. 10 л.

Эта книга — первая научная биография известного инженера-кораблестроителя, лауреата Государственной премии Владимира Полиевктовича Костенко. Жизнь его была богата событиями: участие в Цусимском сражении, революционная деятельность. Выполненные им исследования гидродинамического сопротивления судовых форм и разработка новых методов снижения сопротивления послужили основой для прогрессивных направлений в развитии судостроения: создание судов-катамаранов, судов на подводных крыльях и воздушных подушках.

Для читателей, интересующихся развитием отечественной науки и техники.

В.И. Оноприенко

ГЕННАДИЙ ДАНИЛОВИЧ РОМАНОВСКИЙ. 1830—1906. 14 л.

Книга посвящена жизни и деятельности крупного русского геолога и горного инженера, профессора Горного института Геннадия Даниловича Романовского, исследователя Центральной России, Поволжья, Урала, Крыма, Северного Кавказа, Средней Азии. Г.Д. Романовский — видный специалист в области бурения скважин и горного дела. Впервые в России он применил паровое бурение, дал обоснованный прогноз перспективности разведочного бурения на нефть в Поволжье, на Северном Кавказе и в Ухте, воспитал отечественную школу геологов-разведчиков.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки и техники.

Л.А. Протасова, И.А. Тюлина

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ. 1884—1954. 15 л.

Книга посвящена жизни и деятельности выдающегося математика, механика и педагога, члена-корреспондента АН СССР, генерал-майора инженерно-авиационной службы, профессора Владимира Васильевича Голубева. На основании архивных материалов и литературных источников восстановлена биография ученого, освещены основные моменты его трудовой деятельности. Авторы осуществили анализ научного творчества В.В. Голубева, проследили развитие его идей в математике, механике и истории науки.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки.

ИННОКЕНТИЙ ПЕТРОВИЧ ГЕРАСИМОВ. 1905—1985. 18 л.

Эта книга о трудовом и жизненном пути выдающегося русского ученого академика И.П. Герасимова, его роли в становлении географической науки как неотъемлемой части современного естествознания. Творческий путь И.П. Герасимова охватывает более 50 лет, на протяжении которых десятки его основополагающих монографий и статей по почвоведению, геоморфологии, физической географии оставили глубокий след не только в нашей стране, но и во всем мире. Книга написана его учениками и соратниками, которые сами незаурядные ученые, внесшие важный вклад в науку.

Для широкого круга читателей, географов, почвоведов, экологов, историков науки и др.